

Annotation

Я — Хорошая домашняя «умница».

Он — Плохой парень, которому нет дела до кольца у меня на пальце.

Я — Варя Данилова, учительница литературы в элитной школе.

Он — Даня «Лень» Ленский, мой ученик с «галерки».

18+

Важно: герою есть 18 лет :) Все в рамках закона.

ВАЖНО! Книга содержит реалистичное описание постельных сцен, некоторую часть нецензурных выражений

- [Нежность в хрустальных туфельках](#)
 - [Глава первая: Варя](#)
 - [Глава вторая: Даня](#)
 - [Глава третья: Варя](#)
 - [Глава четвертая: Даня](#)
 - [Глава пятая: Варя](#)
 - [Глава шестая: Варя](#)
 - [Глава седьмая: Даня](#)
 - [Глава восьмая: Варя](#)
 - [Глава девятая: Даня](#)
 - [Глава десятая: Даня](#)
 - [Глава одиннадцатая: Варя](#)
 - [Глава двенадцатая: Варя](#)
 - [Глава тринадцатая: Даня](#)
 - [Глава четырнадцатая: Варя](#)
 - [Глава пятнадцатая: Варя](#)
 - [Глава шестнадцатая: Варя](#)
 - [Глава семнадцатая: Даня](#)
 - [Глава восемнадцатая: Варя](#)
 - [Глава девятнадцатая: Варя](#)
 - [Глава двадцатая: Даня](#)
 - [Глава двадцать первая: Варя](#)

- [Глава двадцать вторая: Варя](#)
- [Глава двадцать третья: Варя](#)
- [Глава двадцать четвертая: Варя](#)
- [Глава двадцать пятая: Даня](#)
- [Глава двадцать шестая: Варя](#)
- [Глава двадцать седьмая: Даня](#)
- [Глава двадцать восьмая: Варя](#)
- [Глава двадцать девятая: Варя](#)
- [Глава тридцатая: Варя](#)
- [Глава тридцать первая: Варя](#)
- [Глава тридцать вторая: Даня](#)
- [Глава тридцать третья: Варя](#)
- [Глава тридцать четвертая: Варя](#)
- [Глава тридцать пятая: Варя](#)
- [Глава тридцать шестая: Даня](#)
- [Глава тридцать седьмая: Варя](#)
- [Глава тридцать восьмая: Варя](#)
- [Глава тридцать девятая: Даня](#)
- [Глава сороковая: Варя](#)
- [Глава сорок первая: Даня](#)
- [Глава сорок вторая: Даня](#)
- [Глава сорок третья: Варя](#)
- [Глава сорок четвертая: Даня](#)
- [Глава сорок пятая: Варя](#)
- [Глава сорок шестая: Даня](#)
- [Глава сорок седьмая: Варя](#)
- [Глава сорок восьмая: Варя](#)
- [Глава сорок девятая: Варя](#)
- [Глава пятидесятая: Даня](#)
- [Глава пятьдесят первая: Варя](#)
- [Глава пятьдесят вторая: Даня](#)
- [Глава пятьдесят третья: Варя](#)
- [Глава пятьдесят четвертая: Варя](#)
- [Глава пятьдесят пятая: Варя](#)
- [Глава пятьдесят шестая: Даня](#)
- [Глава пятьдесят седьмая: Даня](#)
- [Эпилог: Варя](#)

**Нежность в хрустальных туфельках
Айя Субботина**

Глава первая: Варя

Варя

10 ноября

— Если буду звонить, и ты не возьмешь трубку...

Я поджимаю губы, терпеливо жду «поучительное» внушение. Но на этот раз Петя ограничивается простой моралью: осматривает мой внешний вид, остается доволен наглухо застегнутым пиджаком и длиной юбки. Хватает за подбородок, вертит мою голову, словно чашку, ищет изъян в почти незаметном макияже. Напоследок проводит пальцем по губам — проверяет, нет ли помады.

— Молодец, умница. — Поглаживает меховой отворот моего пальто. — На ужин придут мои друзья и коллеги, подсуетись, чтобы не пришлось краснеть. Это очень важно, Варвара. Скажи мне: я ведь не ударю в грязь лицом?

— Нет, я все успею, — быстро киваю и выскальзываю в распахнутую мужем дверь.

Лифт снова не работает, и я торпедой несусь по ступенькам, дважды чуть не падая на высоких каблуках. Даже странно, что муж разрешил сапоги на шпильках. Недосмотрел что ли?

Такси приехало десять минут назад, и я на удачу скрещиваю пальцы. Хоть бы не уехало! Если я опоздаю на первый же урок — меня точно выпрут.

Машина ждет у подъезда и таксис выразительно зыркает на часы, пока я еще раз называю адрес. Прошу ехать быстрее, но он улыбается только когда к просьбе прибавляю обещание «доплатить за срочность».

Итак, я — Варя Давыдова, вчерашняя выпускница педагогического университета, сегодняшняя учительница в частной школе «Эрудит», куда меня, по большому знакомству мужа, взяли на единственное вакантное место учителя литературы. Как вспомню бесконечные тесты и собеседования — так вздрогну. Я ГОСЫ сдавала без тени паники, а после двух допросов — по-другому и не назвать — перед советом школы и директором, чувствовала себя несмышленной практиканткой. Эти люди сделали все, чтобы донести до меня мысль: я — просто винтик в системе, которая давно отлажена до автоматизма и в принципе

не дает сбоев. А если мне хочется отойти от строгих планов — то лучше сразу с заявлением на расчет. Потому что здесь и без меня знают, как и чему учить будущих нефтяных миллионеров, политиков и дипломатов.

Замуж я вышла почти год назад. Петя очень понравился моей маме. Она-то, в отличие от меня, всегда любила мужчин в погонах, а он у меня целый капитан полиции. Его к нам привела мамина тетка — прожженная, увешанная безвкусными украшениями Тамара. Петя просто ходил себе и ходил, был таким... сильным и уверенным, дарил цветы. Стал моим первым мужчиной, а потом взял и заявился с кольцом под бой курантов.

Через месяц поженились.

Еще через месяц он закатил сцену ревности к однокурснику, который подтягивал меня в работе с компьютером: я как раз осваивала электронные презентации и прочие «интерактивные технологии обучения», чтобы войти к своим ученикам вооруженной не только голой теорией, но и современными методами обучения. Петя сломал Виталику руку, и дальнейшее изучение компьютера пришлось перенести в категорию самостоятельных занятий.

В прошлом месяце Петя дал мне подзатыльник за то, что нашел в раковине невымытую чашку. Сначала ударил, а потом спросил, чего это у меня вид как у мертвой. Рассказала, что была у стоматолога, вырвала зуб мудрости и целый день просидела на обезболивающих. На следующий прием Петя пошел со мной: проверил, сколько лет моему врачу и чего это я прусь к нему два раза подряд — зуба-то все равно нет.

Вчера он приревновал к Паше, учителю химии, который подвез меня до дома, потому что после двух дней снега пошел дождь, и столица «поплыла». Если бы не Паша, я бы точно промочила ноги, а с моим никудышным иммунитетом это стопроцентный грипп.

Приревновал так, что теперь у меня гематома на плече размером с яблоко, и полный раздрай в душе. Поэтому, вместо того, чтобы мысленно еще раз повторять план первого урока, я начинаю вспоминать, есть ли у меня большая дорожная сумка. Есть, точно: мы же ездили в Грецию в апреле. Только куда мне идти? К матери, у которой нас и так семеро по лавкам?

В здание школы я влетаю за пятнадцать минут до звонка. Захожу в учительскую, приветливо здороваюсь с коллегами. Математичка —

дважды разведенка — косится на мое новое пальто. У Пети деньги водятся, он любит делать «красивые жесты» после очередного приступа тирании.

— Опаздываете, Варвара Юрьевна, — говорит математичка, постукивая грифелем карандаша об стол.

— Еще не было предупредительного звонка, — улыбаюсь ее отражению в зеркале.

Беру журнал с надписью «11-А», к двери — и чуть не получаю ею по лбу. Паша — Павел Викторович Смирных — тоже в числе «опоздунов». Улыбается на все тридцать два. Не мужчина — а позитив.

— Ох, Варя, ну... хороша! — зыркает взглядом на мои скрытые под узкой юбкой колени, и я в ответ «колю» его уголком журнала. Он косит взгляд на классный журнал, присвистывает, осеняет меня крестом и шепчет: — На удачу, Варюша. Лозовую игнорь — она просто мелкая гадина. Градов иногда приходит под «травой». Ленский всегда в наушниках, его бесполезно трогать. Пусть сидит на своей галерки, тебе спокойнее.

— Спасибо, Паша, — шепчу в ответ.

— Ни пуха, Варюха.

— К черту.

Похожу к двери с табличкой «11-А», топчусь рядом, как будто это я — школьница.

Господи, почему мне кажется, что когда я училась, старшеклассники не были такими... «дядя_достань_воробушка»? Парочка девочек важно проходят мимо: это у них что, юбки?!

— Лень, ну поцелуй меня! — слышу сзади плаксивый девичий голос.

— Отвали, Варламова, — низкий мужской голос в ответ.

И приступ нытья сразу после. Хочу повернуть голову, посмотреть, что это за «Лень» с голосом взрослого мужчины, но звонок заставляет подпрыгнуть на месте.

Все, пора.

Мысленно считаю до трех и уверенной иду к двери. А ноги от страха так и ведет, словно это не ноги — а циркуль. Держись, Варвара Юрьевна, тут всего ничего осталось.

Кто-то летит прямо на меня. Я даже не успеваю понять, что к чему,

когда меня буквально сносит здоровенный детина. Умом понимаю, что нужно сохранить равновесие. Взмахнуть руками, но у мен в них журнал, поэтому...

Падаю.

Просто как-то по-глупому кренюсь на бок, каблук выворачивается во внутрь. Хороша я буду, сидя на мягком месте перед своими учениками.

Крепкая ладонь хватает меня за руку, и только поэтому я не падаю, а шатаюсь на одной ноге, пытаюсь поймать ускользающее равновесие. Правда, ладонь крепко сжалась как раз на синяке, и я непроизвольно вскрикиваю.

— Я еще и не начал, Колючка, а ты уже кончила? — тот самый низкий голос, только не грубый, как с какой-то Варламовой, а нарочито насмешливый.

Колючка?

Я все-таки нахожу точку опоры, вырываю руку, поворачиваюсь — и смотрю носом в широкую грудь, обтянутую белым свитером. Задираю голову еще — и снова грудь. И еще немного — теперь смотрю на шею, с коротким кожаным ремешком, на котором болтается то ли зуб, то ли коготь. Этот человек просто бесконечный: у меня уже шея болит, а он все не кончается.

Но, в конце концов, я смотрю в глаза своему спасителю.

Верните меня в ту школу, где старшеклассники похожи на перепуганные шнурки, а не на вот эту... тонну нахального взгляда, с разворотом плеч шире, чем у моего тридцатилетнего мужа.

Глава вторая: Даня

Даня

Во всей этой ситуации есть одно «хорошо» и два «плохо».

Хорошо — это то, что девочка просто огнище! Маленькая, худенькая, вся такая аккуратная строгая Колючка в закрытом костюме и невыносимо сексуальной юбке. Не люблю шмар вроде Варламовой и Малиновской, которые носят огрызки на жопе — и к концу первого урока весь класс в курсе, какого цвета у них трусы. Другое дело эта Колючка: пока она топталась около класса, я таращился на ее вздернутую задницу, туго обтянутую черной тканью. Все-таки как ни крути, а задница — это тоже лицо женщины.

А теперь хреновые новости: у нее в руках журнал, на пальце — кольцо, и она, судя по всему, новая училка литературы. А еще у меня на нее вот прям сейчас встал. И если она зыркнет своими злющими зелеными глазами вниз, то сразу поймет ход моих прямых, как паровоз, мыслей. Хотя нет, есть еще одна хорошая новость: со вчерашнего дня я, Данил Ленский, полноценный восемнадцатилетний член общества. Могу голосовать, могу идти отдавать военный долг Родине, могу даже сесть. И еще могу трахнуть свою училку.

Ни служить, ни сидеть мне грозит — ну, просто по статусу не положено.

Но совсем другое дело — трахнуть новую училку. Тем более, ей за это тоже ничего не будет. Не такая уж я свинья, чтобы подставлять девочку под статью за растление несовершеннолетнего. Хотя... Почему-то глядя на Колючку, хочется переиначить собственную мысль: кто еще кого будет растлевать?

— Я — Варвара Юрьевна, — строго говорит училка и отодвигается от меня. — Новая учительница литературы. Будем считать, что для первого раза ты просто ошибся и я ничего не слышала.

— Чего ты не слышала? — уточняю я.

Она вдруг вспыхивает, сжимает красивые губки в две тонких полоски, дергает подбородком вверх, как будто думает, что хоть так дотянет до меня в росте. Бесполезно — ее макушка где-то в области моих подмышек, и это просто невыносимо сексуально. Хрен знает

почему.

— Я не приемлю обращения на «ты», — отчитывает Колючка, пока я надвигаюсь на нее всем корпусом.

— Меня Даня зовут, — называю себя, и снова не даю ей шлепнуться, потому что она натывается плечом на откос и снова теряет равновесие. На этот раз просто сгребаю ее в охапку и прижимаю к себе. Да и по фигу, что ее живот теперь прижат к моему «ты мне нравишься прямо ДО ТАКОЙ степени». — Можешь звать меня Лень... Варя.

— Потому что лентяй? — ошарашенно бормочет она, явно не до конца осознавая, что вообще происходит.

— Потому что Ленский, Колючка, а так-то да — я большой раздолбай. — Наклоняюсь к ее собранным в пучок волосам, вдыхаю неопознанный цветочный запах. — Классно пахнешь, Варя. Давай после уроков куда-нибудь завалимся?

Она грозно хмурится и выразительно возится в моих руках. С глубоким и самым искренним вздохом сожаления отпускаю ее на свободу. По глазам видно, что на быстрое согласие можно и не рассчитывать.

— Я с большой радостью пойду с тобой после уроков, — говорит злючка, — к директору!

Стоящий за ее спиной Добрынин — тот, что чуть не сшиб училку с ног — делает характерный жест бедрами вверх и присвистывает. Вот же тупорылый. Засмущает Варю еще раз — и я ему морду расквашу, потому что смущать Варю — моя привилегия.

— Как раз на этой неделе я у директора еще и не был, — говорю, потирая подбородок, и почему-то радуюсь, что сегодня снова проспал и забыл побриться. — Передам привет от отца.

Колючка распрямляет плечи, прижимает к груди журнал и, как только звенит звонок, строго командует всем рассаживаться за парты. Я нарочно стою в дверях, люблюсь тем, как она виляет задком. Черт, нет, на урок мне с таким бугром в штанах точно нельзя.

— Варвара Юрьевна? — привлекаю ее внимание. Я стою в глубине дверного проема, и большая часть одноклассников не могут меня видеть, но вот Колючка точно в курсе того, как на меня действует. Усмехаюсь, когда она проглатывает возмущенный вздох, и слишком уж резко отворачивается. — У меня небольшие... проблемы с самочувствием, — продолжаю мысль. — Мне бы к медсестре. Можно?

Училка просто кивает, нервно раскрывает журнал и называет свое имя. Пока весь класс нестройным сонным хором говорит: «Доброе утро, Варвара Юрьевна!», я все еще мнусь в пороге, мысленно раскладывая Строгий костюмчик прямо на учительском столе.

Первый раз такое: обычно, молодые училки и практикантки сами на меня вешались, класса этак с девятого. А тут такой бастион, что даже азарт берет.

Все, Лень, курить и выдыхать.

Глава третья: Варя

Свалился же мне на голову этот... Лен!ль!

Хорошо, что сегодня мой первый урок и пять-семь минут можно потратить на переключку и поименное знакомство с учениками. Получается немного успокоиться и переварить дурацкий инцидент. Хотя я понятия не имею, как переварить тот факт, что на глазах всего класса меня лапал наглый мальчишка, еще и звал на свидание. Мурашки бегут по коже, стоит представить, что было бы, окажись рядом кто-то из администрации.

Увы, хоть этого мальчишки и нет, большая часть его одноклассников тоже не выглядят детишками. Взрослые дядьки, как любит говорить моя мама — тоже учительница. И через одного уже все со щетинами.

Я просматриваю графу года рождения. Что ж, половине класса восемнадцать лет либо уже исполнилось, либо исполнится до конца зимы. Когда доходит очередь до Ленского, я обращаю внимание на дату рождения, мысленно отмечая, что как раз вчера у него был день рождения.

Я успеваю написать на доске тему, на всякий случай раскрываю конспект, хоть все равно знаю тему назубок. Нужно как-то растормошить это болото, потому что все до единого выглядят так. Словно минувшую ночь гудели на... дне рождения Ленского!

Он появляется только минут через двадцать: не спрашивает разрешения сесть, просто проходит совсем рядом, обдавая запахом табака. Он что, курил? Прямо на территории школы? Хотя точно, Паша же рассказывал, что здесь есть закоулок, куда негласно «разрешено» ходить школьникам, лишь бы ты не делал это прямо в коридорах или на крыльце.

Жду, пока Ленский усядется — почему не удивлена, что его место на «галерке»? С таким-то ростом. Что там Паша про него говорил? Пока копаюсь в памяти, мальчишка демонстративно достает наушники, закладывает их в уши и отодвигается на стуле на достаточно расстояние, чтобы вытянуть под столом ноги. Разубеждать его слушать урок совсем не хочется. Вряд ли этого мальчишку способна

заинтересовать любовная лирика в стихотворениях Есенина.

До конца урока я то и дело натываюсь на откровенно лапающий меня взгляд. С трудом борюсь с желанием выставить его за дверь, но, возможно, Ленский только того и ждет? Будет с чистой совестью слоняться по школе, а потом скажет, что это я его выгнала. Ну и кто встанет на мою сторону, если здесь все дети — сынки и дочки важных «шишек»?

Когда раздаётся звонок с урока, я чувствую себя воином в поле, который в одиночку противостоял орде. Никто, ожидаемо, не ждет моего разрешения выйти из класса: сразу поднимаются, начинают шуметь и вообще забывают о моем существовании. Попытки напомнить о себе, чтобы дать домашнее задание, тонут в громком гуле и хохоте. Кто-то даже успевает включить музыку через внешнюю колонку. Девочка с первой парты начинает танцевать.

— Алё, народ! — орет с задней парты Ленский. — Колочка еще домашку не дала!

Как ни странно, это действует. Идеальной тишины, конечно, нет, и никто не спешит вернуться за парту, но я получаю ту самую минуту, чтобы надиктовать задание. Заодно делаю себе отметку в следующий раз записывать задание на обратной стороне доски перед началом урока, чтобы потом не делать это впопыхах.

Но даже бегство из класса не спасает меня от Ленского. Мальчишка догоняет меня на лестнице, подстраивается под мой шаг и говорит:

— Ну пошли.

— Куда? — не понимаю я.

— К директору, Варя.

Мы останавливаемся в лестничном пролете и на этот раз злость просто распирает меня изнутри. Жаль, что Ленский такой здоровый лоб, и чтобы смотреть ему в глаза, приходится делать настоящую шейную гимнастику.

Мальчишка похож на черта: смуглый, черноглазый, с густыми ровными бровями и густыми длинными ресницами. Черные волосы отливают синевой, на острой линии челюсти совсем не мальчишеская щетина.

Красивый. Особенно когда ухмыляется вот как сейчас.

— Меня зовут Варвара Юрьевна! — говорю так громко, что спящие вокруг нас ученики заинтересованно поворачивают головы. —

Я не девочка с дискотеки, чтобы ты мне «тыкал». Если Нина Сергеевна разрешала подобное обращение, то мне это категорически неприятно, Данил Ленский.

— Нина Сергеевна... — ухмылка становится еще шире, — ... не была такой сексуальной злючкой.

И, пока я не опомнилась, протягивает руку у меня над головой, в одно ловкое движение снимая заколку. Отступает, пряча «трофей» за спину. Проводит языком по губам и немного севшим голосом проговаривает:

— «До кончины губы милой, я хотел бы целовать...»[1]

— Рада, что музыка не помешала тебе слушать урок, Ленский, — стараясь скрыть шок, говорю я.

И, хоть это стыдно признавать, просто сбегаю в учительскую.

[1] Цитата из стихотворения С. Есенина «Ну, целуй меня, целуй»

К счастью, у меня сейчас «окно» и можно переждать, а заодно успокоится и перестать думать о нахальных черных глазах и о том, что судя по ... гм... тому, как и чем Ленский ко мне прижимался, мальчик давно вырос.

Господи, почему никто не сказал мне, что одиннадцатый класс — это не десятилетки?

— Что, мать, с боевым крещением? — В учительскую заходит Паша и ухмыляется с моего разбитого вида. — Может, кофейку?

Я здесь всего неделю, но уже успела заметить, что Паша и термос — не разлей вода. Я охотно соглашаюсь и достаю из своего стола чашку. Паша наливает немного себе и мне, подтягивает стул ближе. Явно собирается что-то сказать, но не успевает, потому что дверь учительской открывается, и на пороге — это точно мне наказание за какие-то грехи! — снова Ленский. Вроде с улыбкой, но быстро смотрит на чашки в наших руках, и неожиданно тяжелой походкой хищника прет к нам.

— Ленский, тебе чего? — Паша отпивает из чашки и выразительно поглядывает на мальчишку.

Ленский игнорирует его вопрос, даже не скрывая, что расстояние между мной и учителем химии интересует его куда больше, чем то, что звонок на урок прозвенел минуту назад.

— Ты наш журнал забрала, Колючка, — говорит мальчишка, и мне не по себе от того, какими злыми становятся его глаза.

— Не Колючка, Ленский, а Варвара Юрьевна, — поправляет Паша. Берет с моего стола журнал и всучивает ему в руки. — Звонок уже был. У вас сейчас что? Математика? Тамара Сергеевна снова...

Ленский не дослушивает внушение: поворачивается и таким же шагом топает к двери. Ну и спина у него!

Я ловлю себя на мысли, что даже когда за ним с грохотом захлопывается дверь, у меня перед глазами до сих пор внушительный разворот плеч, и рельефные мышцы под свитером «в облипку». Ему точно восемнадцать?

Хотя, вдруг вспоминаю своего младшего брата и его проводы в армию. Ему тоже было восемнадцать, и он точно не выглядел субтильным школьником.

— Колючка? — ухмыляется Паша. — Ну все, Варя, считай, что тебя официально окрестили.

— Ничего не окрестили, — отмахиваюсь я, в большей степени от назойливого образа и мыслей о том, что за такой спиной, наверное, ничего-ничего не страшно, и когда-нибудь какой-то девушке очень повезет оказаться в таком надежной тылу.

— У Ленского скверный характер, — продолжает разглагольствовать Паша. — Но он в общем не плохой парень, хоть и мажористый. Видела красный «Порше» у входа?

— А его можно как-то не заметить? — усмехаюсь я.

— Вот Ленский на нем причалил. Видимо, отцовский подарок на совершеннолетие.

— Ленский, Ленский... — Я пытаюсь вспомнить, где еще могла слышать эту фамилию, но в голову ничего не лезет.

— Группа банков «Омега», — подсказывает Паша, и я мысленно шлепаю себя ладонью по лбу. Мой коллега отхлебывает еще кофе и подливает мне в чашку новую порцию. — В мою молодость одиннадцатиклассники на тачках за пятнадцать лямов на уроки не ездили.

Наш разговор прерывает звонок от Пети. Я сжимаю телефон и потихоньку кошусь на Пашу, но тот все понимает и говорит, что все равно собирался пойти покурить.

— Ну как первый урок? — спрашивает Петя как всегда без приветствия.

Начинаю говорить, но он тут же перебивает и переводит на свое:

— Я еще трех мужиков пригласил.

— Десять человек? — озвучиваю конечную цифру. У меня шок. Я понятия не имею, как успею все приготовить, потому что освобожусь только после трех, а еще нужно купить продукты. — Может быть, перенесем посиделки на выходные? — Шансов, что муж согласится, мало, но вдруг? Мне еще нужно подготовиться к завтрашним урокам, и я понятия не имею, лягу ли вообще сегодня спать.

— Это важно для меня, ты что, не въезжаешь? — с пол оборота заводится Петя. — Для моей карьеры! Чтобы у тебя были шмотки и остальное дерьмо! Все, готовь на десятерых. К шести.

Я смотрю на потухший экран и почему-то снова вспоминаю о чемодане под кроватью.

Глава четвертая: Даня

Даня

Химик нормальный мужик, но мне почему-то до сих пор хочется вырвать ему ноги.

С этими мыслями я просиживаю все уроки, и отрываюсь только на физре, когда мы с пацанами играем в баскетбол. Через пару недель будут соревнования между городскими школами, и «Эрудит» должен взять первое место.

Я бью мячом об пол, представляя, что это голова Смирных, и мне становится чуток полегче. А ведь мы с ним нормально в курилке за жизнь могли перетереть, и вообще.

Все дело в новой училке. Чего он к ней примазывается со своими лоховским термосом? Почему ему можно угостить малышку дерьмовым пойлом, а мне — хрен, а не повести ее в хорошую кофейню?

После физры я лезу в холодный душ и мне снова хреново, потому что вспоминаю ее волосы и цветочный запах — и сводит внутри, и стоит, как у жеребца. Даже думать о скучных заданиях и всякой фигне не помогает. А когда промокаю волосы полотенцем и тянусь к одежде, ее заколка вываливается из кармана джинсов. Ничего такого: обычная дешевая «прищепка» с цветком. Но я подношу ее к носу — и жадно втягиваю запах, от которого хочется послать все на хрен, отыскать злючку, зажать ее в углу и посмотреть, что за трусики у нее под той узкой юбкой.

И снова член наливается кровью.

Успокоился, называется.

Переодеваюсь, выжидаю, пока хоть немного отпустит и выхожу на крыльцо.

Опа! Малышка спускается вниз и семенит своими маленькими ножками в сторону дороги. Интересно, какой у нее размер ноги? Точно под хрустальную туфельку.

Я быстро догоняю ее, откашливаюсь над ухом, и Колючка подпрыгивает, опасно озираясь.

— Что ж ты такая пугливая, злючка? — спрашиваю я, медленно опускаясь на самое дно ее зеленых глаз.

— Потому что не люблю, когда ко мне подкрадываются, — хмурится она, и снова ускоряет шаг.

Я подстраиваюсь и иду рядом, закладывая ладони в передние карманы джинсов, чтобы не начать лапать училку прямо тут, почти на глазах у всей школы.

— Ленский, тебе не пора домой?

— Неа. Давай я тебя подвезу?

Варя смотрит на меня так, словно я предложил ей место в групповухе: с шоком и ужасом. Отводит руку, когда пытаюсь взять у нее явно тяжелый портфель, и злится, потому что не прекращаю попыток навязать свою помощь. Ну и ладно, не отбирать же у нее личные вещи. Зато пока злюка вертится ужом, чтобы избавиться от моего внимания, я украдкой наклоняюсь и нарочито шумно втягиваю ее запах открытым ртом.

— Ты что творишь? — ее возмущенный громкий шепот. — Совсем ненормальный?!

— Просто очень тебя хочу, — признаюсь я. И в ответ на ее красные, как у Деда Мороза щеки, добавляю: — А твой румянец просто в башку бьет. Хватит ломаться, бублик.

Палку я все-таки перегнул, потому что училка грозно отбивает мою руку за миг до того, как я почти окунаю пальцы в ее соломенные волосы. Сует под нос ладонь с растопыренными пальцами и совсем не ласково говорит:

— Я замужем, Ленский. Я не Варя, не Колючка, не Маленькая и не бублик. Я — чужая жена и твоя учительница! Что еще ты не понял?

— Почему у тебя дешевка на пальце? — озвучиваю то, чего действительно не понимаю.

— Ты-то за свою жизнь хоть на такую дешевку заработал? — жалит эта змеючка.

— Представь себе, — огрызаюсь я. Но не втирать же ей, что я зарабатываю тем, о чем нельзя знать таким тепличным растениям, как она.

Колючка не верит и смотрит на меня таким взглядом, будто я официально самый большой лгун в ее жизни. Вот теперь просто злит.

— Ты просто папенькин сынок, которому никто никогда не отказывает, — озвучивает свои идиотские выводы. — Иди к девочкам своего возраста, Ленский, ты еще очень маленький. И перестань

усложнять мне жизнь.

Ей-богу, как по яйцам врезала.

И шагу ступить не могу, просто тупо пялюсь на ее быстро ныряющую за угол фигуру.

Маленький? Это я — маленький?

Да ну что за на хуй?!

— Лень! — Варламова вешается на меня, словно на бельевую веревку — вся сразу.

Я узнаю ее по характерному очень крепкому запаху сигарет. Она курит больше, чем я. Я не ханжа, мне вообще плевать, кто, как и чем гробит свое здоровье, но разве девушке не положено... ну хотя бы не вонять, как табачный склад?

Я сбрасываю ее руки с плеч, разворачиваюсь — и Варламова обвивается вокруг моей руки, потирается сиськами, которые чуть не вываливаются из блузки. Вообще, она как раз по мне: без комплексов, с хорошим телом, занимается спортом и не совсем конченная дура. То есть, понимает больше, чем то, что пишут во всяких ярких женских журналах. При этом вообще безотказная. Официально мы не встречаемся: зачем мне связываться с одной женщиной, если мне только восемнадцать, и я могу иметь всех? Но Варламова, как я знаю, уже год как распространяет слух, что мы парочка, а я морожусь только для отвода глаз, потому что наши родители вроде как не в очень хороших отношениях из-за каких-то денежных терок. Когда-нибудь, мне придется вникнуть в дела отца, но не раньше, чем я получу специальность по финансам в хорошем заграничном универе. А пока... Пока я просто Лень, я крепкий здоровый парень, с десяти лет колочу грушу и занимаюсь смешанными единоборствами и даже привез пару чемпионских титулов с региональных соревнований. Природа наградила меня амбидекстрией[1], и поэтому я делаю то, что у меня получается лучше всего — дерусь за деньги. И получаю за это больше, чем отец дает на карманные расходы.

— Варламова, отвали, а? — Я не грублю, я просто озвучиваю острую потребность побыть самому в наиболее понятных для нее выражениях.

Мальчик, блядь!

Я постоянно прокручиваю упрек и интонацию, и все больше чувствую потребность послать все в жопу, догнать Колючку и спросить,

где именно на мне написано, что она может называть меня «мальчиком». Мальчиком я перестал быть за неделю до шестнадцатилетия, и с тех пор самый длительный период воздержания был пару раз по две недели, да и то перед соревнованиями, можно сказать, вынужденно.

Интересно, сколько ей лет?

Смотрю на Варламову, кручу ее лицо так и эдак, мысленно сравнивая. Варламовой будет восемнадцать через месяц, но она вечно таз размалевывается, что когда я первый раз увидел ее без косметики, вообще не узнал. Хотя ей идет. Особенно вот эта темно-красная помада, особенно когда она нарочно густо красит губы, прежде чем встать передо мной на колени.

А вот у Колючки губы даже без блеска, на вид такие пухлые и мягкие, что от одной мысли кровь снова стекает ниже пояса.

— Поехали ко мне, Лень? — Варламова встает на цыпочки, тянется целоваться.

Целуется она классно: ни слюней, ни игры в пылесос.

— Твои еще не вернулись? — спрашиваю я, опуская ладонь, чтобы сгрести ее задницу.

— Неа, — стреляет глазами она. — Еще два дня будут тусить на пляже за много-много километров отсюда.

— А сестра где?

— Откуда я знаю? — Варламова фыркает и нервно поджимает губы. — Она взрослая, я что ей — нянька?

Вообще-то ее младшей шестнадцать и за девчонками присматривает гувернантка. Так думают родители, а на самом деле эти мелкие сучки строят бедную женщину на подоконнике.

Я тяну Варламову к машине, надеюсь, что хотя бы пара палок помогут мне избавиться от навязчивых мыслей об училке.

[1] Амбидекстрия — врождённое или выработанное в тренировке равное развитие функций обеих рук, без выделения ведущей руки, и способность человека выполнять двигательные действия правой и левой рукой с одинаковой скоростью и эффективностью.

Глава пятая: Варя

Варя

11 ноября

Господи, как же я устала.

Руки отваливаются, голова раскалывается, ноги дрожат, а поясницу ломит так, что я невольно вспоминаю свою прабабушку, которая не издавала таких звуков в свои семьдесят, когда жаловалась на боли в спине.

Пока Петя с друзьями наслаждается застольем в гостиной, я наслаждаюсь тишиной кухни, и стараюсь не думать о том, что гору грязной посуды придется перемыть самой.

Как я все успела? Понятия не имею. Наверное, все дело в признании Ленского, которое дало мне ускорение бежать от него со всех ног. То, что ему не понравилось мое нравоучение, было слишком очевидно, и я, чтобы не попасть в немилость к «золотому мальчику», просто сбежала. И сбежала так быстро, что очнулась только на кассе в супермаркете, когда поняла, что понятия не имею, как дотащу два неподъемных пакета даже до остановки. Написала Пете — он не любит, когда звоню ему на работу — но он так и не ответил. А ведь мог заехать за мной, все-таки своя машина.

Правда, перезвонил через пару часов, когда я из-за спешки уже успела порезать пару пальцев и обжечься об противень, пока вытаскивала мясо по-министерски. Пришлось озвучивать все меню и надеяться, что мужу не приспичит удивить гостей еще каким-нибудь деликатесом.

На часах — почти полночь. Мужчины едят и выпивают, и я уже дважды сменила тарелки, сама так ни к чему и не притронувшись. Похватила то там. То сям, пока готовила, а сейчас так вымоталась, что от одной мысли о еде ком в горле. А еще нужно разобраться с посудой. Будь она неладна, выпроводить гостей, убрать со стола и приготовить конспект на завтра.

Ни единой мысли, как я все это успею.

Еще через час, мужчины, наконец, собираются домой. Петя порядочно выпил и его шатает по всей прихожей. Я тихонько стою в

углу, стараясь не привлекать к себе внимания, потому что когда в нем столько «горькой», он может приревновать даже просто за вежливую улыбку к любому из его коллег, с которыми только что выпивал и травил байки. Даже на комплименты моей стряпне реагирую простым кивком, тоже в пол.

Чемодан лежит под кроватью — я проверила.

Мужчины входят, Петя идет провожать их до самого крыльца, а я быстро расстилаю постель, надеясь, что он просто вырубится. Собираю посуду со стола, с ужасом понимая, что эти крокодилы подмели все, даже две тарелки отбивных и оливье, которого я с перепугу настрогала целый таз. Наивная, верила, что хватит еще на пару дней и хоть завтра — точнее, уже сегодня — не придется торчать на кухне.

Петя возвращается минут через двадцать, разбрасывать обувь и прет на кухню, чтобы пристроиться ко мне сзади. Не переносу выпивших мужчин. На дух просто не переносу, а тем более, когда «в дрова». Но Пете приспичило целоваться, и я молча терплю его вялые попытки меня «приласкать». Хорошо, что он еле держится на ногах. Обманными маневрами, увожу его в спальню и предлагаю лечь. Он падает на живот — и почти сразу отрубается, а я не могу найти в себе силы снять с него одежду и носки. Еще и зачем-то смотрю на его спину и вспоминаю своего нахального ученика.

Спать я ложусь около четырех, а в пять тридцать уже на ногах: в узах звон, в голове полный каламбур. Я выучила проклятый конспект и даже довела до ума электронную презентацию, но спроси меня сейчас — ничего не помню.

— Юбку смени, — говорит муж, пока я накладываю ему завтрак. У него похмелье и дурное настроение. Сейчас самое главное не дать повод устроить скандал. — Что ты как блядина какая-то, Варвара?

Я поджимаю губы, киваю, иду в комнату и раскрываю шкаф. В глазах слезы — ничегошеньки не вижу, поэтому хватаю первую попавшуюся вешалку. Меняю юбку на «макси» в пол и блузку с высоким воротником-стойкой. Теперь, кажется, выглядеть более непривлекательно просто невозможно.

Перед выходом Петя снова проверят, нет ли на моих губах помады.

Только на улице я могу нормально выдохнуть. Топаю до метро, где меня шатает и штормит, словно щепку в весеннем ручье. А потом просто стоя засыпаю, но хоть не проскакиваю свою станцию.

В учительской настоящий кошмар: все ждут внезапную проверку из министерства уже вот-вот, и завуч огорошивает меня известием, что они придут и на мой урок тоже.

— Надеюсь, вы добросовестно готовитесь к урокам, Варвара Юрьевна, и это не вопрос, а утверждение. Что у вас сегодня по плану?

Я в двух словах отчеканиваю тему урока и тезисы, говорю, что у меня есть электронная презентация с сопроводительным видеоматериалом. Галина Гавриловна, завуч по учебной работе, все-равно смотрит с подозрением, но тут в учительскую влетает методистка Верочка и громко сообщает:

— Приехали!

Прямо, как у Гоголя.

Все разбегаются по классам, и я — вместе с ними, держа в руке заветную флешку, словно от нее зависит моя жизнь. Ну, карьера так уж точно.

Сегодня у меня снова первый в «11-А» и я захожу в класс с твердым намерением больше не поддаваться ни на какие провокации. До звонка еще пара минут, так что есть время еще раз просмотреть презентацию.

И... понимаю, что пропала, потому что проклятый файл, над которым я сидела полтора часа, просто отказывается открываться, выдавая какую-то ошибку. А я в компьютерах — ни бум-бум.

Паника растекается по спине ледяной коркой, руки начинают дрожать и мне вдруг становится очень душно, как будто из класса откачали весь воздух, а меня сунули в вакуум, как испытуемого кролика. Почти вслепую выхожу в коридор, с шумом глотая и выдыхая воздух открытым ртом. Наверное, так себя чувствует рыба перед смертью.

Вдруг перед глазами появляются модные кроссовки и темно-синие узкие джинсы. И ко всему этому — странная смесь запахов табака и мятной зубной пасты. Или жвачки?

— Что с лицом, Колючка? — узнаю голос Ленского.

Задираю голову и — не верю, что это делаю! — хватаю его за толстовку на груди, повисая безвольной лапшой.

— Даня, ты в компьютерах разбираешься? — Господи, да конечно он разбирается! Какой мальчишка его возраста не понимает в технике?

— Разбираюсь, — хмурится он. — Да не трясись, что случилось?

— У меня там... презентация... а тут... министерство и Галина... Гаривло... Горилловна. Тьфу!

Ленский укладывает свои крепкие шершавые ладони поверх моих кулаков, сжимает и спокойно говорит:

— Успокойся, Колючка, все починим.

И я ему почему-то безоговорочно верю.

— Да тут пожар! — слышу грубый голос за спиной и нестройный гогот. — А меня так потрогаете, Варвара Юрьевна?

И тут до меня доходит, как это вообще выглядит со стороны. Я, вцепившаяся в толстовку Ленского, его руки поверх моих, и его лицо, которое он почему-то опустил ниже, хоть точно не близорукий.

Я шарахаюсь от него, невероятным усилием воли подавляю желание прижать ладони к пылающим щекам и быстро влетаю в класс. Уже хочу прикрикнуть, чтобы быстро зашли на урок, но, к счастью, меня опережает звонок. Чуть не забыла, что пришла раньше времени. Совсем с ума сошла с этой презентацией.

Я что, правда повисла на школьнике?

Меня не оправдывает даже отчаяние. Если поползет слух...

Я слышу короткий вскрик — и весь класс. Как по команде, срывается с парт, притискиваются к двери. Что снова не так? От нервного перенапряжения начинают трястись руки и хочется просто закрыть уши и глаза, и как в детстве, сказать самой себе: «Я в домике».

С трудом растолкав учеников локтями, пробираюсь к двери.

Двое мальчишек валяются на полу. Точнее, один лежит ничком, другой кое-как пытается встать, заживая ладонью хлещущую из носа кровь. При этом пару раз падает на нетвердых ногах, потому что отползает от Ленского, который смотрит на обоих мрачным взглядом, расслабленно держа кулаки вдоль тела. На одном характерный красный мазок.

— Еще раз вякнешь, Красников, — говорит тому, что валяется на полу, держась рукой за челюсть, — и я тебе на хуй все зубы выбью. И тебя тоже по тому же месту, — через плечо зыркает на второго.

У меня буквально отвисает челюсть, потому что что бы там не произошло, это случилось меньше, чем за минуту. Но хуже всего то, что именно в этот момент из-за угла появляется Галина Гавриловна и охает, прижимая руки к груди.

Дурной сон. Просто кошмар. Нужно сосчитать до трех и проснуться, потому что такого просто не может быть, чтобы в один день я запорола презентацию перед министерской проверкой. Дала повод для гнусных сплетен и стравила учеников в драку. Не настолько уж я наивная, чтобы не понимать, за что именно Ленский дал тумаков обоим.

Но среди этой черной беспросветной безнадеги есть кое-что хорошее, но это хорошее пугает даже больше, чем свирепый взгляд завуча.

Мне почему-то странно приятно, что Ленский за меня заступился.

— Что случилось?! — как серена воет Галина Гавриловна, и я почти слышу в этих звуках предложение писать расчет добровольно, пока меня не вытурили с волчьим билетом. — Варвара Юрьевна, потрудитесь объяснить, почему ваши ученики после звонка устроили мордобой в коридоре?!

Что ей сказать?

— Да мы просто дурели, — опережает меня Ленский. Скалится так широко и открыто, что невозможно заподозрить в этом лощеном красавце беспощадного монстра, которым он выглядел минуту назад. — Эти долбоебы попросили пару приемов показать, я предупреждал, что вломлю обоим.

— Подбери выражения, Ленский! — прикрикивает завуч, но тоном на две октавы тише, чем только что орала на меня.

И я остро осознаю, что Ленский снова меня прикрыл. Знает, наверное, на личном примере, что ему ничего не будет, даже если он разнесет школу по щепкам.

Галина Гавриловна хмуро смотрит на меня, как будто знает, что перед ней устроили цирк, а мне отчаянно хочется зажмурится и не слышать, как кто-то из класса обязательно выдаст вранье. Но пара учеников поддакивают, и завуч тут же отправляет мальчишек к медсестре. Пока остальные рассаживаются по местам, задерживает меня и уже громким шепотом говорит:

— На вашем месте, Варвара Юрьевна, я бы не спешила распаковывать вещи.

Сказать прямее, что она мне очень не рада, просто невозможно.

Глава шестая: Варя

Я захожу в класс — и почти не удивляюсь тому, что Ленский сидит за учительским столом и уже активно кликает мышью. Чтобы не мешать, собираюсь с илами, прочищаю горло кашлем и обращаюсь к классу. Говорю, что, возможно, к нам на урок зайдет министерская комиссия и очень прошу всех сосредоточиться на предмете и дисциплине.

— А вы тоже сосредоточены на предмете? — спрашивает крашенная блондинка с четвертой парты. Глядя на таких девочек мне кажется, что я родилась в другом столетии, потому что на школьницу она похожа еще меньше, чем на школьника похож Ленский.

Я помню, что ее фамилия Варламова, а вот имя... Наташа? Настя? Кажется, это она просила Ленского ее поцеловать. Или не она? В голове такая каша, что хоть бери с пожарного щита лопату и расчищай завалы, пока меня не погребло под ними на веки вечные.

— Я думаю, что сосредоточена, — выбираю наиболее нейтральную формулировку, но девочке явно хочется поговорить.

— А вы давно замужем? — громок спрашивает она. И вот теперь уже не скрывает агрессивные нотки.

— Какое это имеет отношения к уроку литературы... Наташа?

— Натали! — поправляет меня кто-то из мальчишек, и это почему-то вызывает волну смешков. Должно быть, какая-то только им одним понятная шутка.

Варламовой до общего веселья нет никакого дела, во всяком случае, она ничем себя не выдает.

— Я слышала, что после года семейной жизни наступает кризис семейных отношений и женщин тянет «налево», — говорит она.

— Моя семейная жизнь, Наташа, не имеет отношения к уроку.

— Ну вы же наша учительница и должны отвечать на вопросы, чтобы мы были подготовлены ко взрослой жизни, — не унимается она.

Я не вчера родилась на свет, и хоть понимаю, что в некоторых вещах куда менее наивна, чем вот эти «золотые детки», но все настолько очевидно, что я чувствую себя совершенно голой перед двумя десятками любопытных оценивающих глаз. Я не ошиблась и это она

вешалась на Ленского. И не ошибаюсь сейчас, прекрасно улавливая острые ноты ревности в ее голосе. Ревности — и вот этого, демонстративно брошенного при всех вызова.

— Все работает, — привлекает внимание Ленский и я на радостях забываю обо всем. — Я покажу, в чем дело.

Пока он сидит за моим столом, я становлюсь сбоку, и пытаюсь вникнуть в кучу терминов, которые знаю через пятое на десятое. Ленский водит мышкой по экрану, показывает, что именно я сделала не так и почему моя презентация не захотела открываться. Уверена, что с такой головой все равно ничего не запомню, но просто то и дело киваю, соглашаясь.

— Вот, — он водит мышкой, — здесь лишние символы и еще...

Я перестаю слышать, что он говорит, потому что одновременно с попытками провести мне быстрый урок, Ленский опускает левую руку под стол, сжимает пальцы на моем колене и медленно ведет вверх по бедру.

Втягиваю воздух, пытаюсь ничем не выдать эту откровенную наглость. Еще предыдущее представление не отгремело, а этот нахал собирается устроить новое?

— Все... хорошо? — Он немного склоняет голову, без тени улыбки разглядывая мои губы, как будто ждет чего-то. — Я заметку сделаю, на всякий случай.

Его левая рука балансирует в опасной грани у самого края стола. Еще сантиметр вверх — и все увидят, как великовозрастный мальчишка лапает свою учительницу практически на глазах у класса. И при этом правой спокойно кликает на ярлычок «Блокнота» у меня на рабочем столе, чтобы одной рукой быстро набрать: «Жаль, что юбка длинная».

Он правда это написал?

Я моргаю и перечитываю четыре слова так, будто они написаны на языке пляшущих человечков. А он продолжает гладить мою ногу через юбку. Окончательно наглеет, сгребает ткань пальцами, забирая все выше и выше.

Нужно выдохнуть. Нужно просто взять и захлопнуть ноутбук, чтобы у нахала не было повода и дальше сидеть за учительским столом. Но я словно под гипнозом этого темного, совершенно раскаленного взгляда, которым он продолжает разглядывать мои губы. Облизываю их в ответ и Ленский триумфально усмехается.

Еще немного — и его ладонь будет у меня под юбкой.

— Спасибо, Ленский, — бормочу я, пытаюсь хоть как-то выкарабкаться из игры, в которую он втащил меня без разрешения.

— Еще один момент, — говорит он.

Смелый дерзкий жест вверх, ладонь вторгается мне между ног, оглаживает внутреннюю часть бедра. Шершавые пальцы цепляют тонкий капрон колготок.

— Вторая заметка, она тоже пригодится.

Он привлекает мое внимание к еще одной наспех набранной фразе: «Приходи на работу в чулках».

Я вдыхаю воздух приоткрытым ртом, потому что пальцы поднимаются выше и выше, и...

В классе раздается громкий демонический хохот, и я понимаю, что это звонок на телефоне у одного из учеников. Но каким-то образом успеваю сделать шаг назад, и ладонь Ленского опадает, а сам он смотрит на меня с неприкрытым обещанием... чего?

В два клика мышкой удаляет заметку, поворачивается на стуле, концентрируя мое внимание неожиданно произнесенным полностью именем:

— Варвара Юрьевна? — Та рука, что только что гладила меня по ноге, опускается на заметную выпуклость на ширинке джинсов. Какое-то очень распутное движение вверх и вниз, и я чувствую, что от стыда у меня загораются уши. — Голова болит. Можно к медсестре?

Просто киваю, потому что у меня сперло дыхание, и воздух дамбой перегородил горло. Ленский поднимается, огибает меня с противоположной от класса стороны и в последний момент смазано прикасается пальцами к тыльной стороне моей ладони. Умом я понимаю, что со стороны к этому при всем желании нельзя придраться: места мало, а с его габаритами он так или иначе задел бы меня если не рукой, так плечом. Но после того, что Ленский только что делал и этой нарочитой попытки спрятать даже такую малость, мне кажется, что все написано у нас на лицах.

Я начинаю дышать после того, как дверь за его спиной закрывается. Надеюсь, что делаю это не слишком громко, потому что Варламова до сих пор не сводит с меня пытливого злого взгляда.

Ленский не возвращается ни через пять минут, ни к середине урока. И я даже рада этому, потому что, когда комиссия из министерства

заходит в наш кабинет, я полностью собрана и ничто не отвлекает меня от темы. Презентация работает, ученики тянут руки, отвечая на вопросы, а Таня Кузнецова рассказывает на память что-то из творчества Есенина, хоть ничего такого я им на дом не задавала. Даже предвзятой Галине Гавриловне не к чему придраться, и хоть комиссия задерживается у меня всего минут на десять, уверена — проверку боем я выдержала. Что, конечно, не отменяет того факта, что завуч на прощанье бросает выразительный взгляд на пустое место Ленского.

Глава седьмая: Даня

Я сижу в курилке, с сигаретой в зубах, и думаю о том, что просто не могу вернуться в класс, пока там Колючка. Потому что обязательно сделаю какую-то дичь.

Пальцы до сих пор пахнут ею: на этот раз просто характерным немного химическим запахом кондиционера для белья. Но у меня до сих пор стоит от него, как каменный, и никакие мысли на сторону не помогают отвлечься. Я уже готов проклясть людей, создавших такие плотные молнии на джинсах, потому что член болит от слишком туго натянутой ткани. С другой стороны, если бы не она, весь класс видел бы, что Ленский возбуждился на новую училку.

В класс возвращаюсь только после звонка на перемену, и чувствую жуткую злость, потому что Колючка успела уйти, а я даже не сказал ей пару слов. Прусь в учительскую, почти уверенный, что увижу ее там, но Колючка как сквозь землю провалилась. И ее нет на месте после второго урока, и после третьего тоже. Поэтому, когда на четвертом — скучной истории — Варламова пересаживается ко мне на заднюю парту, я с трудом держусь, чтобы не послать ее куда подальше. За то, как эта сучка разговаривала с Варей, ее нужно поставить на место.

— Давай сбежим с последнего? — предлагает она, выразительно поглаживая цепочку, потерянную среди ее пышных сисек. — Мои только вечером приедут.

— У меня вечер занят, — говорю я. Она в курсе, чем я промышляю время от времени, и ей не нужно объяснять, почему мне не нужен секс перед вечером на подпольном ринге. — Займись учебой, Варламова. Ради разнообразия.

— Например, как ты? — Она насмешливо кривит губы. — Решил подтянуть литературу, Лен? Потянуло на нафталин?

Нафталин? Если бы я не знал, что Варламова зрячая, то подумал бы, что она слепая.

— Хочешь что-то сказать? — предлагаю я.

— Да так... Просто показалось.

— Вот и заткнись.

После всех уроков я снова заглядываю в учительскую. За столом

Колючки нет, и все ее письменные принадлежности сложены на краешке стола. За соседним сидит биологичка и ей столько лет, что она точно не заподозрит ничего такого, если спрошу, где Варвара Юрьевна. Ну, допустим, потому что хотел уточнить кое-что по домашнему заданию.

Биологичка поправляет толстые очки, и все равно прищуривается.

— Ленский ты, никак, решил взяться за учебу? — У нее неприятный старческий смех. — Варвара Юрьевна закончила в два, за ней муж заехал.

Муж.

Я вываливаюсь на улицу, пинком открывая дверь прямо в промозглый холодный ветер.

Смотрю на ладонь, которой гладил ногу училки и понимаю, что сегодня буду дрочить именно в этот кулак.

Глава восьмая: Варя

17 ноября

Ни в среду, ни до конца недели Ленского на занятиях не было.

Я радовалась, как ребенок, потому что за это время успела немного наладить общение с учениками. Не считая Варламовой, которая продолжает смотреть на меня как на личного врага, с которым ведет необъявленную войну.

Куда делся Ленский я так и не поняла, но не горела желанием лишний раз даже произносить его имя вслух. Пусть с его прогулами разбирается классная руководительница.

Правда, в пятницу я еще не знала, насколько напророчила сама себе.

В понедельник утром, перед самым уроком, меня неожиданно вызывают в кабинет к директору, где уже сидят все завучи и сердце сразу ухает в пятки от нехорошего предчувствия. Хоть, казалось бы, внезапно свалившемся на меня классному руководству, нужно только радоваться: мне доверяют и у меня будет ощутимая прибавка к заработной плате — одни плюсы. А вместо того, чтобы прыгать от счастья, я плетусь за Галиной Гавриловной на ватных ногах, мысленно уговаривая все высшие и не только силы сделать так, чтобы и сегодня Ленского не было на занятиях.

Но Ленский на занятиях был.

Можно сказать — во всей красе. Не знаю, где и как он болел эти дни, но судя по разбитой губе и перетянутой царапиной спинке носа, «болезнь» почесала об него кулаки.

Пока завуч рассказывает, что в связи с семейными обстоятельствами их классная руководительница вынуждена уволиться и переехать в другой город, Ленский откидывается спиной на стенку, уже знакомым мне жестом вытянув перед собой длинные ноги. Сегодня он в ярко-красном узком свитере и модных потертых джинсах, и я понимаю, что слишком долго его рассматриваю, когда нахал, пряча улыбку, сует в рот большой палец, чтобы прикусить его зубами.

Теперь я — классный руководитель «11-А», а это значит, бегать от одного наглого распутного ученика уже не получится. И судя по

прищурю черных глаз, сейчас Ленский думает о том же самом.

Новость о том, что я буду классной, производит впечатление. Некрасиво так думать о коллегах, но их бывшая классная показалась мне какой-то пассивной, и на мое предложение организовать с учениками осенние литературные чтения только громко фыркнула. По ее мнению, этим «золотым деткам» дела не было ни до лирики в поэзии, ни до любовной переписки выдающихся поэтов. Возможно, она была пассивна и слишком критична в других вещах тоже?

В любом случае, как только я остаюсь одна теперь уже в своем одиннадцатом классе, на голову сыпятся тысячи вопросов. В основном о том, как я собираюсь организовать проведение зимних каникул. Приходится взять паузу и подождать, пока образуется более-менее пригодная для разговора тишина. Правда, когда лес рук исчезает, мое внимание привлекает растворившаяся со своего места Варламова, которая теперь сидит рядом с Ленским и даже не пытается скрыть, что нарочно придвинула стул максимально близко. Теперь они почти плечом к плечу, и девчонка что-то шепчет Ленскому на ухо, а он в это время продолжает в упор смотреть на меня. Никак не могу отделаться от ощущения раздевания взглядом, и непроизвольно обхватываю плечи.

— Наталья Николаевна не хотела ехать с нами в Париж, — бубнит парень с первой парты. Это — Артем Толмачов, его отец, как мне уже успели рассказать, владелец крупной сети мебельных магазинов. — А мы хотим всем классом на каникулы.

Его слова тонут в дружном хоре поддержки, из которой выбивается только один голос — голос Варламовой, которая вклинивается с важным объявлением — она в Париже была дважды.

— Там скучно, — выдает она свое экспертное мнение. — Мы с родителями собираемся в Майами.

— Ну и вали, — предлагает кто-то из мальчишек.

— Можно поехать на горнолыжный курорт, — следующее предложение.

Я не успеваю ничего сделать: класс буквально по швам трещит от рьяного обсуждения поездки, а у меня волосы былом на голове от одной мысли, во что может обойтись эта поездка. Поэтому быстро, пока мои старшеклассники не начали собирать чемоданы прямо сейчас, закрываю обсуждение парой громких хлопков в ладоши.

— У нас урок литературы, — напоминаю я, и над головами виснет

разочарованный вздох.

К счастью, на прошлой неделе я успела завоевать их интерес к своим урокам, и теперь они хотя бы без скрипа открывают учебники, а иногда задают заинтересованные вопросы. Прекрасно понимаю, что в наше время экранизации комиксов и доступности порнографии в режиме онлайн подрастающее поколение практически нереально заинтересовать классикой, но я была бы не я, если бы опустила руки и сдалась.

В конце урока я напоминаю, что последним у них по расписанию классный час и я бы хотела потратить его на обсуждение организационных вопросов. Новость о том, что придется высидеть еще один урок, само собой, не приводит их в восторг. Кто-то кричит, что их никогда раньше не оставляли, и мне приходится напомнить, что это было именно раньше.

Класс быстро пустеет. Намного быстрее, чем я успеваю собрать свои вещи и боковым зрением замечаю, что Ленский уверенным шагом направляется в мою сторону. Как же проще было без него, а сейчас чувствую себя просто загнанной в угол мышью, которую этому нахалу просто интересно компрометировать. Хоть, насколько я слышала, у этого парня нет репутации бабника и гуляки. Но то, что в «Эрудите» он фаворит по количеству девичьих вздохов — вот уже года три как неоспоримый факт.

— Ленский, что с лицом? — Я намеренно не даю ему даже рта раскрыть, и сама задаю тон нашего разговора. Пусть не думает, что та его выходка что-то значит. И что он и дальше сможет распускать руки.

Он рассеянно проводит по гладко выбритому подбородку. Я думала, что он кажется взрослым только из-за щетины, но теперь понимаю, что дело совсем не в ней. Он сам по себе вот такой. Как и многие другие мальчишки его возраста из этого же класса и из его одного одиннадцатого, где я тоже читаю литературу.

— А что с лицом, Колючка? — его издевательский встречный вопрос.

— У тебя синяки.

Ленский кладет на стол справку от врача, в которой написано, что он пробыл дома из-за ОРВИ.

— Не думала, что в наше время простуда укладывает в постель кулаками, — озвучиваю свои выводы. Пусть не думает, что я хоть на

секунду поверю в эту «липу». С другой стороны: я же ему не мать, чтобы переживать о том, как он проводит время за пределами школы.

Ленский еще немного подается вперед, вынуждая меня схватить журнал и прижать его к груди. Прекрасно понимаю, что выгляжу обороняющейся стороной, но зато теперь у него нет ни единого шанса тронуть меня хоть за руку.

— С удовольствием послушаю, как и чем меня нужно укладывать в постель, Варя, — говорит Ленский своим совсем не юношеским низким голосом, снова припечатывая взглядом мои губы. — Соскучился по своей строгой училке. Вижу тебя и сразу хочется... в медпункт.

Меня невыносимо сильно смущают его слова. Я старше на пять лет, я год замужем и хоть всю жизнь была хорошей заучкой с принципами и бронированной моралью, никакие пикантные отношения между мужчиной и женщиной не могут повергнуть меня в шок. Точнее сказать — не могли. Потому что теперь нашла коса на камень.

— Рада, что ты думал о литературе даже во время болезни, — нарочно обхожу пошлый смысл его слов. Рано или поздно ему надоест меня провоцировать. — Тем легче ты справишься с пройденным материалом. Я жду на среду реферат о русском модернизме в литературе и его истоках.

— Я и слов-то таких страшных не знаю, — пытается отшутиться мальчишка.

— Вот и хорошо, — триумфально улыбаюсь. — Будет повод поработать головой, Ленский. И приготовься защищать реферат у доски.

Теперь, когда я четко обозначила границы наших с ним «отношений» и единственно допустимые темы разговоров, зарвавшийся мальчишка перестанет видеть во мне трофей и поймет, наконец, что я его учительница.

Глава девятая: Даня

Меня никто никогда не динамил.

Я не то, чтобы меняю девчонок, как носки, но иногда случалось зацепить в клубе какую-то развязную деваху и оттянуться с ней, засадив пару раз в туалете или на улице, в ближайшем темном углу. Никогда не было такого, чтобы я сделал кому-то откровенный намек — и мне показали средний палец. А у меня были девочки явно постарше Колючки.

Поэтому до конца занятий я не просто злой — я буквально бешенный.

Вся надежда на то, что хотя бы на классном часе насмотрюсь на эту гордячку и дам много поводов покраснеть ее щекам. Почему-то именно ее румянец охуенно заводит. Как будто это я — взрослый учитель. А она — малолетка, которую я хочу поймать вопреки законам морали. Хотя. Ну какая уже на хрен мораль? На нас не распространяется ни одна статья УК — я задался вопросом и провел свое маленькое исследование.

Но лучше совсем не становится, потому что как раз перед классным часом Ромка Тучинский прет на первую парту, хоть ему там точно не место — он единственный в классе, кто почти одного со мной роста, но худой, как доходяга.

— Отсюда на ножки Вареньки такой видок, — прищелкивает он языком и мальчишки поддерживают его улюлюканьем и свистом.

Хорошо, что у меня под рукой нет ничего потяжелее, а то бы разбил ему голову.

Варламова снова пытается сесть рядом, но я опережаю ее и специально выкладываю ноги на соседний стул. Она кривится, передергивает плечами и просто сваливает, перед всем классом еще раз рассказывая, какой у нее классный и молодой репетитор по французскому. Я его видел, и знаю, что он дрожит от одной мысли о том, что ее строгий папаша заподозрит в сторону любимой дочурки какие-то не такие взгляды.

Колючка приходи сразу после звонка: так спешит, что пару минут просто переводит сбившееся дыхание. И я, сука, просто цепенею, потому что на ней сегодня не скучная юбка в пол, а темно-серое платье

чуть выше колена, которое так туго обтягивает ее худощавую фигурку, что виден каждый изгиб. А еще вставшие под тканью соски, как будто она замерзла.

Меня словно током лупит от одной мысли, что это шоу — не только для моих глаз. И похабная улыбающаяся рожа Тучинского хорошее тому подтверждение. Он сует палец в рот и начинает облизывать верхнюю фалангу, недвусмысленно намекая на то, что все видит и не прочь проделать эту мерзость.

Встаю.

Подхожу к нему впритык и, пока он таращится своими рыбьими глазами, хватаю его за затылок и со всего размаху впечатываю рожу в парту.

Секундная гробовая тишина — и громкий ссыкливый вой. Присаживаюсь рядом на корточки и шепотом, чтобы слышал только он, говорю:

— Сделаешь так еще раз или снова сюда сядешь — я тебя урою. Ну, кивни, если въехал. — Кивает быстро и энергично, подтирая кровавые сопли под носом. — А теперь скажи, что у нас все хорошо, просто пацанский разговор.

Он громко повторяет мои слова и просится выйти, чтобы умыться. Ошарашенная Колючка разрешает, а я с трудом борюсь с желанием затащить ее в кладовку, сорвать с плеч платье и попробовать на вкус тугие соски. Сжать вокруг них губы, и посмотреть, как она выгнет спину от удовольствия.

Факт — я бешено, не понятно почему и по какому праву, невыносимо сильно ее ревную.

Я сажусь на свое место, но еще какое-то время прихожу в себя, потому что желание еще раз врезать Тучинскому никуда не девается, наоборот — хочется пинками вытолкать остальных, чтобы не пялились на Варю, которая — наивная дурочка — вряд ли понимает, в чем дело. Хотя выглядит очень испуганной и напряженной. Хорошо, что садится за стол и отчасти прикрывается большой толстой папкой. Что у нее там? Вся наши грешки?

Колючка откашливается и предлагает заново познакомиться. Пишет на доске свой номер телефона, и я плотоядно тянусь к своему мобильному. Быстро вбиваю номер, подписываю его «Колючка» и тут же пишу: «Длина мне нравится. У тебя под платьем чулки?» Даже не

сомневаюсь, что нет необходимости подписываться — она поймет, кто это.

Телефон вибрирует на столе и училка не сразу, но читает сообщение.

Краснеет. Она так классно краснеет, что смотрел бы и смотрел.

Ну, давай, посмотри на меня, напиши в ответ, какой я грубиян.

Нарочно подпираю явно довольную рожу кулаком и жду.

Колючка не смотрит и не отвечает, наоборот — демонстративно бросает телефон в сумку.

А ведь я правда скучал. Думал о том, какие у нее ножки, и как классно она зажимается, когда я даю понять, что она меня заводит. Даже думал плюнуть на все и завалиться на занятия как есть: со свежими синяками и распухшим носом. Хорошо, что мать легла костью и не пустила. Она думает, что у меня «проблемы с контролем агрессии» и пытается всучить в руки психолога, который разъяснит, что кулаки — не способ решения конфликтов. Кажется, в этот раз мне не отделаться. Не говорить же, что я просто нашел себе дополнительный заработок.

К концу урока, когда Варя понемногу делает внушение всем, кроме отличников, она спрашивает, как бы мы хотели провести зимние каникулы, и нестройный хор все так же ратует за поездку всем классом в Европу.

Я тоже тяну клешню, присоединяясь к практически единогласному решению. Но у меня свой интерес. Поездка — это гостиница, пустые номера, ночь в одном отеле... И моя фантазия дорисовывает так много, что хрен я теперь встану, пока все не выйдут из класса.

Одно плохо: не похоже, чтобы училка радовалась предстоящей поездке. Говорит, что мало времени на организацию, и что вряд ли это одобряют наши родители. А потом беззвучно стонет, когда мои одноклассники рассказывают, что мы уже трижды ездили всем классом, и у Тани Михайловой мама — владелица туристического агентства, которая сама все организует. От нас нужны только бабки и несколько человек сопровождающих взрослых. В конце концов, Колючка соглашается, но ее эта новость все так же не радует. А предыдущая классная, наоборот, любила с нами ездить.

Пока народ быстро сваливает после звонка, я лениво качаюсь на стуле. Колючка собирает вещи, то и дело поглядывая на дождь за

ОКНОМ.

«Я тебя подвезу», — снова пишу ей, но на этот раз не просто отправляю, а еще и подхожу вплотную, показывая это же сообщение на экране телефона.

Дверь в класс закрыта, и если кто-нибудь заглянет — все совершенно пристойно.

Я просто разговариваю со своей классной. За это же не расстреливают?

Глава десятая: Даня

— Перестань злоупотреблять моим номером в личных целях, Ленский, — говорит Варя, взглядом оценивая дистанцию между нами.

— В чем проблема просто подвезти домой учительницу?

— Ты правда не понимаешь или просто прикидываешься?

Зеленые глаза, наконец-то, смотрят прямо на меня. У нее такой взгляд, что хоть рехнись — а не оторваться. Проваливаюсь туда, в самую глубину, и в голову лезет какая-то поэтическая дичь, явно вдолбленная ее же уроками.

— Ленский, ты меня слушаешь?

— Прости, Колючка, нет, — честно отвечаю я. — Хочу тебя потрогать, можно?

Ее быстрый уход за спинку стула — лучше всякого «нет».

— И я тебя очень прошу — перестань избивать своих одноклассников.

— Ты же без пальто прибежала на классный, да? Замерзла? Или сильно волновалась? Или обо мне думала?

Она молча пытается понять, к чему я клоню.

Ладно, по хрену. Сдурею, если не сделаю хотя бы это.

Одной рукой просто отбрасываю стул, другой сжимаю ее талию. Варя не теряется — тут же бьет меня по плечу, потом отвечает звонкую пощечину, но я все равно увожу ее в угол за доской. Там огромный дурацкий цветок, и даже если кто-то вломится в класс, у меня будет пара секунд, чтобы изобразить пристойность.

Черт, а крепко она мне вмазала: щека ноет и горит.

— Ленский! Немедленно! Убери! Руки! — Училка не кричит, но громкий шепот весь сочится злостью и негодованием.

Прижимаю ее к стене, и свободной рукой делаю то, о чем мечтал весь проклятый бесконечный урок: указательным пальцем обвожу контур соска под платьем. Варя просто цепенеет от моей наглости. Не сомневаюсь, что как только «проснется», снова мне врежет.

— Когда ты пришла в класс, твои соски были твердыми, как от холода или возбуждения, — говорю очень-очень тихо. Реально с какого-то хрена сел голос. Волнуюсь, что ли? — И Тучинский тоже это

заметил. Я бы ему глаза на жопу натянул, если бы он и так не был полным уродом.

— Ты просто наглый самоуверенный мальчишка, — брыкается она.

В ее случае, назвать меня мальчишкой — самый верный способ нарваться на мое дикое желание доказать, насколько давно я уже не мальчик. Просто нереально бесит.

Я почти готов отпустить ее, но в последний момент замечаю, что тонкая ткань платья снова натянулась. Господи, да, блядь! Большим пальцем поглаживаю тугой сосок. Голова вертится глобусом, все нормальные мысли спрыгивают с американских горок. Я так хочу расстегнуть ее платье, что выпадаю из реальности, слепо шаря по спине Колючки в поисках молнии.

Вторая тяжелая пощечина возвращает меня с небес на землю.

Варя тяжело дышит, плечи поднимаются и опадают, глаза сверкают такой злостью, что где-то в реальности героев Марвела я бы уже давно стал горстью пепла.

— И чем ты лучше Тучинского, а? — бросается она. — Такой же озабоченный переросток. Захотел добавить трофей в свою копилку, Ленский? Или у вас какой-то тотализатор?

— Ты пересмотрела тупых мелодрам, Колючка. — Потираю побитую рожу, но от греха подальше сую вторую руку в передний карман джинсов. Когда она придет в этом платье в следующий раз, я по крайней мере буду знать, что молния у него точно не на спине. — Ты мне просто нравишься, я тебя просто хочу.

Она вздрагивает, как будто я признался, что мечтаю сожрать ее печень.

— У меня есть муж, Ленский, и я его люблю.

Почему мне кажется, что сейчас она обманывает не меня, а себя? Может, потому что мне хочется так думать?

— Ты ставишь меня в неловкое положение, — продолжает она. — Я просила этого не делать, но ты продолжаешь. Я тебе просто не нравлюсь? Так и скажи. Совсем не обязательно лапать меня, чтобы вынудить написать заявление.

— Ты чем слушаешь, Варя? Я же сказал, что нравишься.

— Тронешь меня еще раз, хоть пальцем — я уйду. Клянусь, что уйду, хоть мне очень нужна эта работа.

Колючка хватает пальто, сторонится, когда пытаюсь помочь ей

одеться.

Не смотрит. Снова не смотрит, как будто я глубоко ей противен, и выбегает в коридор, бросая дверь нараспашку.

Под звук ее каблуков, медленно сползаю по стенке, вытягиваю одну ногу и, начихав на правила, закуриваю прямо в классе.

Глава одиннадцатая: Варя

Это очень глупо, когда взрослая учительница очертя голову сбегает от нахального ученика, но именно так и есть: я буквально бегу, и даже не сразу понимаю, что давно «промахнулась» с нужным спуском в метро, и так нахватаюсь холодного воздуха, что саднит горло.

Трясусь, кажется, вся. От злости, от негодования, от того, что какой-то сопливый мальчишка расшатал меня до состояния, когда мне хотелось просто отхлестать его по щекам, пока не задеревенеют ладони. Хам! Выскочка! Наглый мажор!

Залетаю в первый же попавшийся супермаркет, хватаю с полки бутылочку с минералкой и, не дожидаясь оплаты, делаю несколько жадных глотков. Нужно запить странную сухость во рту. Охранник тут как тут, что-то басит, но я прикрываю глаза и мигом придумываю оправдание:

— Мне только таблетку запить. Я вот сейчас... Прямо на кассу.

Уже на улице немного прихожу в себя и потихоньку бреду до метро. Хорошо, что Петя уехал к матери в соседний город, и не нужно нестись домой, чтобы приготовить ужин к его возвращению. Свекровь всегда была очень болезненной, а в последнее время все больше жалуется то на спину, то на ноги. А в этот раз у нее сердце и муж отпросился, чтобы съездить и проверить, как она в больнице.

Только поэтому я надела это дурацкое платье. Петя бы ни за что на свете не разрешил мне нарядиться. А ведь я так его хотела это платье, потихоньку копила деньги и купила еще весной, благо, была хороша скидка, а один единственный размер — маленьким и не ходовым. Зато село на меня как влитое. Вечером достала из шкафа и долго сидела на кровати, разглядывая бирку. С момента покупки я ни разу не надела желанную обновку. И уревелась до рези в глазах, потому мне всего двадцать три года, а мой гардероб похож на вдовью жизнь: скучный, черный, мертвый.

Поэтому так радовалась, в кои-то веки принарядившись...

Свалился же мне на голову этот Ленский!

Я проворачиваю ключ в замке — и сердце уходит в пятки. Я что — забыла запереть квартиру?! Дергаю ручку, толкаю, но дверь закрыта. С

обратной стороны раздаются шаги. Ключи от квартиры есть только у меня и у Пети, а это значит, что что-то случилось и он вернулся раньше. И если он увидит меня в этом платье...

Быстро запахиваю пальто до самого подбородка, пытаюсь улыбнуться, но дверь распахивается, и Петя смотрит на меня взбешенными глазами. Ничего не говоря, за руку втаскивает через порог, так что я чуть не падаю на слабых ногах. Колени пляшут, пальцы мертвой хваткой вцепились в пальто у горла.

— Ты ... приехал?

— Я тебе уже час наярываю! — орет Петя, и, не спрашивая, отбирает у меня сумку.

Вытряхивает содержимое на пол, берет телефон и начинает клацать, чтобы снять блокировку. Огонек в верхнем правом углу намекает о не отвеченных вызовах. Муж тычет телефон мне под самый нос, где на весь экран висит окно с семью непринятыми вызовами от абонента «Муж». Как я могла пропустить?

И тут до меня доходит, что я выключила звук после сообщения Ленского, которое — господи боже! — до сих пор в моем телефоне! Если Петя его увидит...

— У меня был классный час, — говорю как можно увереннее. — Я не хотела отвлекаться. Ты же вчера только уехал, я не думала, что вернешься так рано. Ничего и не приготовила. Как Тамара Викторовна?

Но Петя уже завелся. Он впечатывает меня в стену, заносит руку — и со всего размаха бьет телефоном в стену в сантиметре от моего лица. Я вскрикиваю, как улитка тяну голову в плечи и молюсь, чтобы в этот раз муж удовлетворил злость только этим. Петя снова и снова крошит телефон, пока от него не останется ничего, кроме кусков смятого корпуса и разбитого экрана. И я даже рада этому, потому что так он хотя бы не прочитает злосчастную СМСку.

— Раз ты так занята, что не можешь ответить на звонок! — Петя буквально сминает остатки в кулаке. — То на хрен тебе телефон?!

Киваю. Просто киваю, потому что любое слово поперек обернется против меня. Хотя, в последнее время даже покорность его редко успокаивает.

Он тяжело вздыхает и отодвигается, наплевав на то, что мои личные вещи хрустят под у него под пятками.

— Матери стало хуже, я добился, чтобы ее перевели в нашу

больницу.

— Тут... хорошие врачи... — соглашаюсь я, осторожно, почти по стенке, отодвигаясь от мужа на безопасное расстояние. — За ней присмотрят.

— Будешь ездить к ней каждый день. Поешь повезешь, фрукты, книжки. Что там она попросит. Жаловалась, что ты совсем с ней не общаешься. Какого хера я должен был все это выслушивать?

— Я просто много работаю... — Под его негодующим взглядом тут же прикусываю язык.

О чем мне с ней говорить, если свекровь любую тему сводит либо к своим бесконечным болезням, либо к вопросу наших в Петей детей. Она вообще считала, что я должна была сидеть дома и полностью посвятить себя мужу, как она в свое время, ушла с работы, чтобы обеспечивать уют его отцу. До сих пор не понимаю, как мне удалось убедить Петю разрешить мне работать, потому что мать и его накрутила так, что он и слышать ничего не хотел.

— Если у тебя так много работы, Варвара, то ты на хрен уволишься и будешь сидеть дома!

— Я все успею, — бормочу заплетающимся от внезапной усталости языком. Мне бы просто прилечь на пару минут, закрыть глаза и отпустить этот день. Разгрузить голову. А вместо этого беру сумку, опускаюсь на колени и подбираю свои вещи. — Наверное, сбегая за курицей. Тамара Викторовна любит бульон.

Петя свысока наблюдает за мной и нехотя разрешает пройти до двери.

Берусь за ручку, мысленно прикидывая, где в этом районе есть магазины одежды. Нужно купить любые джинсы и любой свитер-мешок. Если Петя увидит...

— Что это на тебе? — спрашивает муж, хватая меня за руку и практически срывает пальто с одного плеча.

Закрываю глаза и про себя считаю до трех.

На счете «два» в ушах появляется звон и мир опрокидывается.

Глава двенадцатая: Варя

28 ноября

— Варюха, ты бледнее смерти. — Паша щелкает пальцами у меня перед носом, потому что я почти заснула, сидя над конспектом.

— Голова очень болит в последнее время.

Зеваю в кулак и радуюсь, что сделала это вовремя, потому что в учительскую заходит математичка, а она объявила мне личную вендетту, и доносит Гавриловне буквально о каждом шаге. Я и не знала, чем успела насолить человеком, с которым и десятком лов не обмолвились, пока мне не рассказали, что она хотела на мое место свою дочь, и та, вроде как, даже приходила на собеседование, но взяли все-таки меня.

Если математичка увидит, что зеваю на рабочем месте — ну и что, что не на уроке, а в свое законное «окно» — она уж расстарается преподнести это в выгодном для себя свете. Да и то, что Паша меня время от времени угощает кофе и конфетами, она явно не оставляет без внимания. А где-то здесь, в «Эрудите» у моего мужа есть «блат», раз он смог пропихнуть меня на прикормленное место. Кто и на какой должности, Петя мне так и не сказал, только намекнул, что даже на моей работе у него есть глаза и уши.

Мы вообще почти не разговариваем. Хоть шишка на моей голове почти зажила, а синяк над левым виском неплохо замаскирован тональником, я все так же боюсь открывать рот в присутствии мужа. Шишка за то, что оделась, как проститутка. А оплеуха... просто так, в довесок, чтобы не забывала, какая тяжелая рука у моего мужа. До сих пор перед глазами стоит сцена, где он выгребает все с моих полок, сваливает вещи на кучу и начинает «ревизию», выбрасывая все «шлюхинские шмотки». Он даже белье мое проверил, и теперь у меня только два лифчика, которые одобрила бы даже церковь. И нет ни копейки денег, чтобы купит новые, потому что я все сбережения откладываю на поездку в Париж. Хоть понятия не имею, как сказать об этом Пете и не получить каникулы в реанимацию.

А еще чемодан исчез из-под кровати в неизвестном направлении, хоть теперь это не имеет значения, потому что Петя не даст мне уйти.

Он так и сказал об этом, когда я, на следующее утро после его урока смирения, второпях замазывала синяк. Наверное, увидел что-то в моем взгляде, и решил сразу обрубить концы.

Поэтому, побег — единственный способ избавиться от его тирании. А когда я выжду подходящий момент, то сделаю это сразу, ничего не забирая с собой.

Только, все равно не раньше, чем отвезу детей на каникулы, потому что пока на счету каждая копейка.

— Давай кофейку, а? — шепотом предлагает Паша.

Я быстро срываюсь на ноги, трясую головой, отказываясь от угощения.

— Спасибо, Паша, но я хочу заглянуть к своим на биологию.

— Прямо по головам их будешь на каждом уроке считать? — посмеивается он.

Подтверждаю его догадку улыбкой и ухожу под аккомпанемент змеиного взгляда математички.

На самом деле, меня интересует только одна голова — голова Ленского.

С нашего последнего разговора он меня игнорирует: не ходит на мои уроки и на классный час, а на перемене просто таинственным образом испаряется сразу отовсюду. Но каждый раз перед уроком литературы у меня на столе лежит реферат по пройденной теме. Хороший реферат, в котором чувствуется и личное мнение, и работа с материалом, а не абы что, скачанное из интернета. При этом Ленский исправно, без пропусков, ходит на остальные уроки, хоть учителя продолжают жаловаться на его привычку сидеть в наушниках у себя на «галерке».

Урок идет уже минут двадцать, так что я осторожно стучу в дверь и заглядываю в класс. Вопросительно смотрю на учительницу биологии, не помешаю ли я, и получаю гостеприимный приглашающий жест.

— Я быстро, Степанида Семеновна. — Нахожу взглядом Ленского: он в наушниках что-то записывает в тетрадь. — Можно я Ленского на минутку заберу?

Ленский, само собой, даже не слышит, и замечает меня только когда мальчишки с парты перед ним привлекают его внимание.

Поднимает голову, хмурится — и мы смотрим друг на друга.

Он как будто увидел прилипшую к брюкам жвачку: странно и

немного брезгливо кривится, но все-таки встает из-за парты. Я снова выскальзываю в коридор и пытаюсь понять, что это вообще было? Лучше уж думать о том, что мальчишка «перегорел» и теперь я его просто раздражаю, чем о том, что ему очень идет узкий черный свитер с широким воротом-лодочкой, в котором выглядывают мускулистые плечи и выразительные ключицы.

Дверь открывается и закрывается.

Поворачиваюсь.

Ленский держит руки в карманах узких брюк, крепкое запястье торчит наружу, украшенное тяжелыми стильными часами. От мальчишки снова пахнет сигаретами и мятной жвачкой. Запах действует на меня так странно и сильно, что с трудом держусь и не прячу нос в ладонях. Так, нужно собраться и просто высказать ему все. Разрубить идиотский узел недопонимания и поставить жирную точку.

— Ты не ходишь на мои уроки, прогуливаешь классный час, проигнорировал анкетирование.

— Да, — простой и спокойный ответ.

— В чем дело, Ленский?

Он немного прищуривается, а потом просто передергивает плечами.

— Не хочу быть лежачим полицейским на пути вашей блестящей карьеры, Варвара Юрьевна. Вдруг не так посмотрю, а вы побежите увольняться.

Меня неожиданно очень сильно злит и это его внезапное «вы», и неприкрытая ирония. Был бы хоть бы на пару лет старше, я бы устроила такую выволочку на тему идиотского поведения, что его будущая жена была бы мне по гроб жизни благодарна. Но он просто слишком рано созревший мальчишка, и просто бунтует. Мы проходили это на занятиях по возрастной психологии.

— Либо ты ходишь на мои уроки и ведешь себя, как взрослый, либо продолжаешь обижаться дальше и тогда я буду вынуждена пообщаться с кем-то из твоих родителей.

— Может дело не в обиде, а в том, что я просто не хочу вас видеть? — Совершенно непроницаемое лицо. Абсолютный ноль эмоций. Собой он владеет точно не как взбалмошный ребенок.

— Не смотри, раз противно, но на уроках ты должен быть. И на всех мероприятиях с классом, которые я провожу.

— Нет. Хотите — вызывайте родителей. Мне по фигу.

Мне кажется, он прекрасно понимает, что этой угрозой я сама себя загнала в тупик. Что я скажу его матери или отцу, даже если предположить, что сразу после звонка меня не попрут из школы за то, что беспокою важных людей вместо того, чтобы решить вопрос с завучем и директором? «Ваш сын лапал меня, я дала отворот поворот и теперь он не ходит на мои уроки»?

В ушах снова появляется звон, и я непроизвольно прикладываю пальцы к вискам, жмурюсь, пытаюсь устоять ровно, пока мир качается, словно хлипкое суденышко в шторм. Когда приступ проходит, первое, что я вижу — сосредоточенный злой взгляд Ленского.

— Это просто недосып, — бросаю первое, что приходит на ум. Как будто мальчишке есть дело до моих проблем. Вздыхаю. Ладно, возможно, это не педагогично и подрывает мой авторитет в глазах нахала, но главное ведь результат? — Даня, пожалуйста, просто приходи на уроки. Если Галина Гавриловна еще хоть раз заметит, что у меня ты снова отсутствуешь...

Он издает какой-то глухой и выразительней «угум» и уходит, оставив меня гадать, было это «да» или «нет».

На следующее утро, еще до начала уроков, я нахожу у себя на столе большой закрытый стаканчик из «Старбакса» с подписью «Колючка», под которым лежит новый реферат по литературе. Я с наслаждением втягиваю порцию горячего сливочно-карамельного кофе, опускаюсь на стул и уговариваю себя держать глаза сухими, а голову — холодной.

Глава тринадцатая: Даня

3 декабря

— Лень, а давай забьем на поездку с этими одуванчиками? Если я скажу родителям, что поеду с тобой, то у нас будут каникулы на теплом берегу, вдвоем. И никакого контроля, и дурацких экскурсий.

На улице снова слякоть — синоптики уже хором кричат, что в этом году нас ждет аномально теплая зима и отсутствие снега даже на новогодние праздники.

Воскресенье. Я закончил тренировку, и Варламова зашла за мной, как обычно делает по воскресеньям. Думает, что раз у нас есть что-то постоянное, то мы — пара. Мне глубоко плевать, поэтому просто забрасываю на плечо спортивную сумку и иду с ней в ближайшую кафешку. Варламова не ест никакой человеческой еды, только салаты и делает это с таким героическим видом, будто весь мир должен осыпать ее почестями за каждую недобранную калорию.

— Я вообще никуда не хочу, — говорю в ответ на ее предложение, разглядывая мокрую мостовую за окном.

Мне просто хреново, и все те вещи, которые радовали, превратились в рутину. Поэтому разговоры о поездках вызывают только раздражение. Лучше уж просто проторчать в зале все праздники и выходные, возможно, зарваться куда-то в клуб и найти кого-то на раз. Раньше помогало.

— Даже со мной? — переспрашивает Варламова, как будто мой ответ можно понять как-то двусмысленно.

Отпиваю кофе, так и не ответив на дурацкий вопрос.

— Ты слышал свежие новости? — Варламова стреляет в меня заинтересованным взглядом. — Классная того... с пузом по ходу.

Что за...?

Я до крови прикусываю щеку изнутри, потому что это единственная альтернатива просто не зашвырнуть тяжелый стакан в ближайшую стену.

— Что, уже видно? — Снова таращусь в окно. Мы же виделись на прошлой неделе. Да, она снова ходит в закрытых костюмах, но я бы заметил, если бы под пиджаком был «глобус».

«Я люблю мужа...» — всплывают в памяти слова училки, и челюсти стискиваются сами собой. Практически чувствую, хрустят на зубах пойманные матерные слова.

— Еще ничего не видно, но класуха пару раз сбегала прямо с урока, и девчонки говорили, что она блевала в женском туалете.

— И? — не врубаюсь я.

— Какой же ты тупой Лень. — Варламова закатывает глаза, как будто речь идет об элементарном уравнении или и задачке с одним неизвестными. Очевидно, что это бабские штучки, и я ни хрена в них не понимаю. — Когда женщина беременная, ее тошнит. Ну и еще Давыдова начала носить вещи явно не по размеру. Прячет живот, но скоро выпрет так, что все увидят.

И снова голос Колючки, словно заевшая пластинка. Врезать бы себе в ухо, да только поможет ли?

— Ко мне? — предлагаю Варламовой. Она явно не ожидает, что спустя пару недель динамо с моей стороны, ей вдруг обломится: хлопает глазами и с трудом проглатывает капустный лист. — Родители свалил на дачу, я до самого вечера один.

Она соглашается.

Ни на секунду не верю, что после секса с Варламовой, Колючка выскочит из моей головы. Но хотя бы пару часов ее там точно не будет.

Глава четырнадцатая: Варя

4 декабря

Уже который день меня мучают зверские головные боли и тошнота. То и дело звенит в ушах, а с выходных перед глазами практически не переставая, роятся черные мошки.

Но я держусь. Пью витамины, надеюсь, что это поможет восстановить силы, хоть дело не только в усталости. Мой примерный распорядок дня: работа — дом — больница — дом — быт — работа на дому — два-три часа сна. И снова работа. Завтра свекровь выпишут. Мне бы радоваться, что хотя бы эта часть рутины исчезнет и у меня будет немного больше времени на сон, но вот уже пару дней, как она заводит разговоры о том, что еще очень плохо себя чувствует, и что боится оставаться одна в своей квартире так далеко от единственного сына. То, что это же она говорит Пете — даже не вопрос. А он любит свою мать и считает, что обязан ей всем, поэтому с вероятностью в двести процентов, после выписки свекровь переедет к нам на время выздоровления. Почему мне кажется, что оно равно бесконечности?

Сегодня на улице просто сумасшедший ливень, а я снова проспала и летела как угорелая прямо по лужам. Ноги промочила насквозь. Немного подсушила, хоть еще пару часов противно хлюпало в сапогах.

Я кое-как обегаю лужи, заворачиваю за угол. Порыв ветра ударяет в лицо. Такой сильный, что меня шатает, словно точащую из земли палку. Слепо шарю, чтобы удержаться на ногах, но вокруг ни души. Странно, что до сих пор стою. Нужно выдохнуть и взять паузу.

Оглядываюсь по сторонам: неподалеку магазин телефонов, и можно спрятаться под полосатым козырьком на крыльце, переждать хотя бы приступ тошноты.

Но не с моим везением, потому что через пару минут, когда только-только проясняется в голове, мое внимание привлекает фигура справа: он только что вышел на крыльцо, прикурил и, зажав сигарету зубами, поднимает ворот пальто.

Ленский.

Стоит так близко, что я хорошо слышу запах мяты. Он эти жвачки что — пачками жует?

Жутко неловко. Можно просто сделать вид, что я его не заметила. Или «заметить» и, в конце концов, поблагодарить за утренний кофе. Ленский продолжает меня игнорировать, но с каждым разом его рефераты все лучше и лучше, и я уже почти смирилась, потому что потихоньку стираю карандашные «эннки», а на их место ставлю оценки за самостоятельную работу.

И теперь у меня каждое утро на столе стаканчик кофе: то сливочный капучино, то фраппучино с карамелью, в пятницу был какой-то потрясающий сливочно-тыквенный теплый коктейль. А сегодня был травяной чай, и я выпила все, хоть к чаям довольно равнодушна.

Я старше, я должна подавать пример хорошего поведения, поэтому не будет ничего страшного в том, чтобы поздороваться и поблагодарить.

Поворачиваюсь к нему — и замечаю, что Ленский уже и так меня заметил, и пристально разглядывает. Снова немного небрежно и мой благородный порыв тут же меркнет. Но не отворачиваться же?

— Добрый день, Ленский.

— Добрый день, Варвара Юрьевна, — подражает моему официальному тону.

— Спасибо за кофе, но это лишнее. — Не важно, что совсем не лишнее и мне очень приятны эти, пусть и очень непонятные, не вяжущиеся с его поведением знаки внимания. Я должна сказать «правильную» вещь, чтобы не усложнять. — Ты ставишь меня в неловкое положение.

— Простите, я не знал, что вам кофе нельзя, — как будто и не слышит он.

— Что?

Двери магазина разъезжаются и нас на миг разъединяет шумная компания парней. Что-то обсуждают, кажется, изображают экспертов и помогают другу выбрать новый гаджет. Я усилием воли давлю желание уйти и не развивать тему, но любопытство берет свое: не припоминаю, чтобы говорила, что мне нельзя кофе. Потому что кофе я люблю, а в последнее время вообще сижу на кофеиновой «игле».

Парни, наконец, уходят, и мы с Ленским таращимся друг на друга, как борцы на ринге.

— Вы же в положении, — выдает он. — Так что теперь только чай,

да?

Ушам своим не верю. Откуда эта ересь в его голове?

Открываю рот, чтобы развенчать глупую сплетню, но магазин открывается еще раз, и Варламова несется на Ленского с видом потерявшего тормоза бульдозера. Виснет на нем, обхватывая руками за шею, словно трофеем. Звонко чмокает в щеку и только потом замечает меня. Мгновенно корчит скорбную мину, и еще сильнее жметя к Ленскому.

— Здравствуй, Наташа.

— Здравствуйте, Варвара Юрьевна, — гундосит она. Только и того, что глаза не закатывает, а так просто классическая ревнивая малолетка.

Господи боже, за месяц нахваталась лексикона. Пушкин бы с Толстым пристыдили.

— У тебя вроде зуб болел, и ты после четвертого пошла к стоматологу? — напоминаю я. — Кажется, теперь с зубом все в порядке?

— Ага, — бубнит Варламова. Ни капли не стесняется быть пойманной на откровенном вранье. — Зуб как новенький.

Я могу сказать, что попрошу учителей, с чьих уроков она ушла, погонять ее по сегодняшним темам. Но ведь все равно не буду ее закладывать.

Поэтому прощаюсь с обоими, спускаюсь с крыльца и слышу в след противное:

— Вот же стерва.

Глава пятнадцатая: Варя

Как я предполагала — мать Пети перебирается к нам.

Муж ставит меня перед фактом вечером, когда я возвращаюсь из больницы. Свекровь даже не посчитала нужным сказать мне об этом, хотя, когда я была у нее, они с Петей уже все решили.

Пока я глажу рубашки, Петя рассказывает, какой теперь будет наша жизнь. У нас трехкомнатная квартиры, и одну комнату может занять его мать, это никак не повлияет на нашу жизнь. Так он сказал. А когда я набираюсь смелости возразить, сказать, что дети должны жить отдельно, Петя еще трижды напоминает, что это — его квартира, в которую я не вложила ничего.

Ничего.

Кроме труда, потому что мы въехали сюда сразу после свадьбы, практически в голые стены, и пока Петя был на работе, я прибегала из института и, забыв от усталости, в одиночку клеила обои, красила, шила занавески на кухню и вязала коврики на табуретки из порезанных на ленточки старых вещей. Потому что верила и думала, что это будет навсегда.

— Первое время мама не сможет помогать тебе по дому, — Петя скептически осматривает выглаженную рубашку и возвращает ее с безапелляционным приказом: — Переглядь. Совсем криворукая стала.

Я успокаиваю себя тем, что в той жизни, куда я скоро сбегу, некому будет распоряжаться мной, как утюгом, веником и микроволновкой. Что «Варя» перестанет быть автоматом «три в одном», и превратится в обычную женщину, которая наберется сил и подаст на развод.

— Потом, когда она поправится, тебе будет легче, — с видом благодетеля, продолжает Петя.

— И... надолго у нас Тамара Викторовна?

Это ведь совсем простой вопрос, я имею право знать. Но у Пети на этот счет свое мнение.

Он мерит меня подозрительным взглядом, подходит ближе — и я крепче сжимаю пальцы на ручке утюга.

— Моя мать у нас настолько, насколько понадобится, чтобы она полностью поправилась. Это понятно?

Мы смотрим друг на друга одну бесконечную минуту.

Я могу поднять утюг, наставить дно ему в лицо и нажать на кнопку «Пар». Я могу, хоть никогда в жизни даже мухи не обидела. Нужно просто поднять руку и защититься. А потом...

— Я сделаю с тобой такое, что и в страшном сне не приснится, — почти ласково говорит Петя, змеиной хваткой обвивая ладонь вокруг моей руки.

Сжимает кулак и так сильно, что хочется кричать от боли. Но я сжимаю зубы и терплю. В конце концов, Пете надоедать испытывает меня на прочность: он вырывает утюг из моих дрожащих пальцев и прячет его в кладовку, пока я развешиваю рубашки на вешалки.

Мне придется отказаться от поездки. Мне нужно сбежать до того, как Пете надоест искать поводы, чтобы устроить расправу, и он начнет делать это просто так.

Глава шестнадцатая: Варя

6 декабря

Несмотря на усталость, я почти не сплю всю прошлую ночь. Лежу в кровати, смотрю в потолок и думаю о том, что свекровь уже начала хозяйничать на кухне: переставила чашки, убрала сушилку для посуды на верхнюю полку, хоть я нарочно опустила ее ниже, чтобы не становиться на цыпочки каждый раз, когда нужно расставить посуду.

И мне все равно. Совершенно все равно, потому что Пете удалось убедить меня, что эта бетонная коробка в новостройке — не наша, а только его, а моей никогда не была и не будет. Но она мне больше не нужна.

У Пети сегодня отгул: отпросился у начальства, чтобы съездить к матери за вещами, значит, вернутся только вечером. Но муж и свекровь еще спят, поэтому я быстро одеваюсь, чтобы сбежать до того, как придется встретиться с кем-нибудь из них.

На работу приезжаю, наверное, одна из первых. Охранник желает доброго утра, и мы понимающе улыбаемся друг другу, подавляя зевки. До начала уроков еще полчаса и в школе царит запустение. В учительской холодно, не раздеваясь, бросаю сумку на свой стул и буквально прилипаю к батарее. Пользуясь тишиной, мысленно еще раз репетирую свою речь перед классом. Все равно с ними собираются ехать минимум четыре мамочки, так что мои ученики будут под присмотром. И наверняка найдется кто-то из учителей, кто с удовольствием займет мое место. Зимний Париж и Эйфелева башня, наверное, безумно красивы в снегу и праздничной иллюминации, но на все это я могу полюбоваться на фотографиях, которые дети привезут из поездки. Уверена, не меньше тысячи.

Дверь открывается и в учительскую заходит Ленский. Идет к столу, даже не смотрит по сторонам. Наверняка за неделю выработал эту схему до автоматизма: прийти раньше всех, поставить кофе мне на стол и уйти, пока никто не видит. Даже не подозревает, что не один в этот момент.

— Спасибо, — говорю я, и Ленский оборачивается, не донеся стакан до столешницы каких-нибудь несколько сантиметров.

Парень не выглядит удивленным, скорее немного озадаченным. Потом пожимает плечами в унисон каким-то своим мыслям, подходит ко мне и протягивает стакан из рук в руки. Даже на расстоянии пластик кажется соблазнительно-горячим, поэтому, не раздумывая, беру его сразу двумя ладонями, очень неловко задевая пальцы Ленского.

Мне хочется сразу же одернуть руку, но он опережает: кладет ладонь поверх моей и выразительно сжимает. У Ленского длинные пальцы с выразительными фалангами, сбитые костяшки и пара обкусанных ногтей, а ладони теплые и шершавые.

Я должна сказать, чтобы он убрал руки, снова указать парню на его место, но вместо этого просто еще сильнее сжимаю стаканчик с кофе. Тепло и... странно спокойно.

— Даня, я не знаю, кто сказал тебе эту глупость, но я не в положении. — Зачем я это говорю? Анализ — не моя сильная сторона. Я выросла на классике, а там герои часто подвержены импульсам.

— Скажи это еще раз, — говорит Ленский.

— Что? — Вскидываю взгляд и снова вижу парня задумчиво-хмурым. — Слушай, Ленский...

— Нет, не это. Мои имя, Колючка.

Я все-таки потихоньку освобождаю пальцы из-под его ладоней. Смущение такое сильное, что оно поджаривает меня изнутри, а я еще и усугубляю положение, делая жадный глоток кофе. Во рту горячо, мысли путаются и когда Ленский отодвигается ровно на один шаг, мне становится легче. Перевожу дыхание, и с ужасом понимаю, что мои ладони выразительно дрожат вокруг стаканчика, и парень это точно видит.

— Холодно сегодня, — брякаю полную чашку. — Еле отогрелась. Спасибо... Даня.

— В Париже в «Старбаксе» есть другие сорта, тебе понравится. — Он явно не скрывает, что доволен, потому что вытряс из меня свое имя.

Париж.

Вздыхаю и делаю еще глоток.

— Я не могу с вами поехать.

— Что за херню ты сейчас сказала? — мгновенно реагирует он. Снова придвигается, на этот раз пряча меня в клетке рук, которыми хватается за подоконник по обе стороны от моих бедер. Я подавляю вздох — и Даня прижимается лбом к моему лбу. Этот парень такой

высокий, что для этого ему приходится немилосердно согнуть спину. — Конечно, ты поедешь, Колючка.

— Даня, нет. — Это «нет» — не только отказ от поездки. Это «нет» его смелости и напору, нахальности, наглости и безумию, потому что в любой момент в учительскую может кто-нибудь зайти, и вряд ли то, что мы сейчас делаем, похоже на обсуждение творчества Лермонтова.

— В чем дело? Просто скажи, Колючка. — Он сглатывает, и вдруг жадно обхватывает губами трубочку из моего стаканчика, выразительно сглатывает. А я, вместо того, чтобы отшить нахала еще раз, таращусь на упругий выразительный кадык, который почему-то до умопомрачения сильно хочется погладить пальцем. — Я, блин, не схожу с ума только потому, что считаю дни до поездки.

— Где ты будешь постоянно видеть училку, которую тебе неприятно видеть? — Надеюсь, горечь в моих словах так и останется для него секретом.

Даня трясет головой, «бодает» меня лбом, вынуждая поднять лицо.

Мы сталкиваемся носами, и запах мяты растекается по моим губам.

— Я просто...

Он не заканчивает, потому что за дверью слышен приближающийся стук каблучков, и мы воровато отодвигаемся друг от друга.

В учительскую заходит математичка и сразу, будто прицельно, хватая взглядом сперва Даню, потом меня.

Мне хочется мотнуть головой, потому что нет ничего хорошего в том, что теперь я назвала Ленского по имени еще и в мыслях. И не Данилом, а именно Даней. И вместо того, чтобы подумать о том, как бы избавиться от пристального внимания математички, я размышляю над тем, что не представляю его никаким Данилом. Ну какой он Данил? Он Даня: ершистый, упрямый, напористый нахал.

— Доброе утро, Варвара Юрьевна, — здоровается женщина. Еще раз оценивает Ленского взглядом, почему-то усмехаясь, когда он сует руки в карманы джинсов. — Ленский, ты-то чего в такую рань?

— Пробок не было, — без заминки отвечает он, прощается и быстро выходит.

— Доброе утро, Виктория Александровна, — здороваюсь я, стряхивая с плеча пальто.

Делать это одной рукой сложно, но я не хочу выпускать стаканчик

из ладоней. Математичка следит за каждым моим движением, как будто что-то подозревает. Да что она может подозревать? Нужно просто успокоится и не видеть всюду заговоры.

— Слышала, вы собираетесь взять детей во Францию на зимние каникулы, — как бы невзначай говорит Виктория Александровна, и я вдруг понимаю, что фамилия Коршунова очень ей идет. Особенно если смотреть в профиль — сразу виден крупный немного крючковатый нос и неестественные, как для женщины, совершенно ровные брови. Словно она выщипала их под линейку. — какая удача: без году неделю работаете, а уже — Париж.

Я не тороплюсь с ответом: нехотя оставляю стаканчик на столе и развешиваю пальто на вешалке, придумывая, что бы такое ответить, чтобы у Коршуновой раз и навсегда пропало желание заводить со мной разговоры.

— В Париж я не поеду, — говорю спиной, и почти чувствую, как меня обдает волной ее триумфального злорадства. Еще не знает, что к чему, но уже готова дуть в фанфары.

— Какая жалость. — Она даже не пытается скрыть радость, и когда я резко поворачиваюсь, то нарочито широко улыбается. — И в чем же дело?

— Сейчас мне это не по карману, — честно говорю я. Не хочешь выглядеть посмешищем — никогда не ври. Мало ли где и при каких обстоятельствах всплывет правда, и как много людей станут свидетелями моего позора. — Но до весенних обязательно что-то придумаю.

Хотя, что я там придумаю? Если уходить от Пети, то в тот же день нужно будет и с работы уволится, иначе он первым делом придет искать меня сюда. И одному богу известно, чем это в итоге закончится, но точно не раскаяниями и коленопреклоненным прощением.

Хорошо, что у меня есть повод усесться за стол, и какое-то время Коршунова видит только мою спину. Потому что, хоть я и работаю в «Эрудите» всего ничего, мне нравится это место, и нравятся испытания моих знаний на прочность, которые я прохожу практически каждый день. Нравится, что высокая планка подталкивает развиваться и с каждым днем учиться чему-то новому.

Когда эпопея с побегом от Пети закончится, эта школа и моя должность будут единственной потерей, о которой я буду по-

настоящему жалеть.

— Знаете, Варвара Юрьевна, я могу поехать вместо вас. Я «11-А» знаю по головам, с шестого класса их веду, — продолжает математичка, и мне стоит больших усилий не предложить ей подавиться своими знаниями. — Вы уже слышали, что моя Леночка с завтрашнего дня выходит на работу? Ей дали пока всего полставки русского языка, поэтому...

Я не собираюсь ничего слушать о ее дочери, поэтому громко начинаю кашлять, как будто подавилась. Не сразу, но до Коршуновой доходит, что я просто пытаюсь закрыть ей рот, и она, наконец, замолкает.

Глава семнадцатая: Даня

Я откровенно валяю дурака на всех уроках. Слушаю музыку, только изредка реагирую на замечания учителей. А на уроке истории вообще сплю, потому что Зорин читает так нудно, что его монотонным пересказом учебника практически один в один можно усыпить даже медведя-шатуна.

Надо было поцеловать Колючку.

Ее губы были так близко, что меня расшатало сильно, как никогда в жизни. Я чувствовал сердце, бьющееся в районе горла, и не мог даже вздохнуть, потому что в тот момент все, чего я хотел, было на расстоянии поцелуя. Близко — и запредельно далеко, потому что я хотел поцеловать не осоловелую от пары рюмок малолетку, не Варламову, которая была согласна всегда и на все, и не девочку из клуба, которой после текилы было в принципе все равно, кому дать. Я дурел по своей замужней училке, и вид ее влажных теплых, без намека на помаду губ был для меня ярче противотуманных фар.

Что за ерунду она вдолбила себе в голову? Почему не хочет ехать?

Я скриплю зубами, смотрю на экране телефона, где висит новое сообщение от Варламовой. Удаляю не читая. Лучше, чтобы вообще даже не подходила, потому что меня до сих пор ломает от ее вранья. Не удивлюсь, если слух о беременности колючки ползет по школе с ее подачи.

Последним у нас физкультура, и учитель забирает нас на тренировку. Соревнования совсем скоро, так что мы выкладываемся на все сто. Сегодня я в ударе: вкладываю штук пять прямо из-под кольца и делаю безупречный чистый «трехочковый».

По звонку иду в душ, и долго мокну под прохладной водой, а когда выхожу — то Варламова сидит в раздевалке, как ни в чем ни бывало. Она и раньше такое делала, как будто значка на двери для нее не существует.

— Лееееень, — тянется ко мне, словно жвачка, обхватывает за шею и лезет целоваться.

Принюхиваюсь. Бля, да от нее разит как от конченной алкашки.

— Варламова, ты где надралась? — Сбрасываю ее руки, но она с

пьяным визгом снова набрасывается на меня, теперь практически повиснув кулем. — Да иди ты на хуй!

Она смеется и икает, и тут же снова смеется.

— Ты такой голый, Лееееень...

— А ты такая бухая.

Снова хочу сбросить с себя ее руки, но Варламова вцепилась клещом. И ее мои попытки не сломать ее руки только еще больше веселят. Но я все-таки теряю терпение и буквально выцарапываюсь из ее хватки. Роняю на скамейку и быстро натягиваю свитер. Эта ебанутая еще и дверь не закрыла. Не хватало еще получить выговор за «непристойное поведение». Первых два, кстати, у меня тоже из-за нее.

— Не лезь ко мне, поняла? — Она пьяно трясет башкой. Ну и класть. — Между нами все, ясно? Вообще все. Точка.

Она странно кривит рот и лезет в карман за жестяной флягой. Наверное. Снова что-то случилось дома, раз принесла бухло с собой. Но у меня своих проблем по горло, и я не обязан корчить хорошего Даню. Тем более, что она и без меня прекрасно справляется.

Нужно найти способ поговорить с Колючкой наедине.

Глава восемнадцатая: Варя

Зачем я пошла в спортзал?

Перед глазами до сих пор стоит картина полуголого Ленского и Варламовой, висящей на нем в самой недвусмысленной позе. Какой-то бессвязный шепот, возня — и я, в отражении в зеркале у Ленского за спиной. Парочка прямо напротив двери и даже странно, что они меня на замечили, а ведь я как на ладони.

Зачем же я пошла в проклятый спортзал?

Возвращаюсь в учительскую, чтобы взять пальто и выйти на улицу под разлапистый снег.

Вспомнила! Хотела попросить физрука не забирать мальчишек с уроков, потому что родители Горового и Савельева очень не в восторге от того, что их детей снимают с физики ради тренировок. Оба готовятся поступать на физмат и профильные предметы в приоритете, не то, что какие-то городские соревнования.

Неподалеку есть аптека — туда и иду. Головные боли стали реже, но теперь каждый приступ начинается внезапной острой, до темноты в глазах, болью. Покупаю болеутоляющие и запиваю сразу парочку — минералку прихватила с собой.

И чего меня так пробрало? Подумаешь: школьники решили уединиться и забыли закрыть дверь. Такое даже во времена моей учебы было. По-хорошему нужно сделать выговор обоим, но я понятия не имею, как вообще смогу завести разговор с Ленским. Не хочу его видеть. Во всяком случае, на расстоянии разговора. А отчитывать за обжимания перед всем классом — это курам на смех.

Я гуляю почти впритык: возвращаюсь только за пару минут до звонка.

Ленский стоит на крыльце. Рядом вообще никого, как нарочно.

— У тебя уроки закончились час назад, — говорю, проходя мимо. Спокойно, ровно, а самой хочется врезать ему по роже. Что за блажь?!

— Колючка, что с поездкой?

Он протягивает руку, чтобы схватить меня за локоть, но я ожидаю чего-то подобного и успеваю отойти. Не хочу с ним разговаривать, не собираюсь ничего объяснять. Мои финансовые проблемы, мой муж-

тиран и отсутствие берега, к которому можно было бы прибиться — это только мои проблемы. А Ленский... Он просто мальчишка, с блажью, которой на данном этапе его жизни стала я.

— С поездкой все хорошо, — бормочу себе под нос. — Вашей поездке ничего не угрожает. Вместо меня поедет Виктория Александровна.

— Коршунова? С какого это фига?

— Потому что я поехать не могу. Не стой на морозе с мокрыми волосами, Ленский, простынешь, а ты и так слишком много прогуливаешь.

На короткую долю секунды мне хочется, чтобы он пошел следом, чтобы я снова почувствовала запах мятной жвачки с нотами табака. Его особенный запах, от которого странно щекочет в районе солнечного сплетения.

Но он, слава богу, не идет, и я рада, что хотя бы сейчас в его голове больше здравомыслия, чем у меня.

На завтра у меня открытый урок в «11-Б» и я задерживаюсь на работе до шести. Муж ни разу не звонит и не пишет: видимо, весь ушел в образ хорошего сына, и я рада такой передышке. По крайней мере сейчас у меня есть время и покой, чтобы подготовиться к завтрашним показательным выступлениям перед директором, завучами и членами методической комиссии.

Я соврала Ленскому, когда говорила, что вопрос с поездкой Коршуновой решен, хоть почти уверена, что она из шкуры вылезет, а сделает все, чтобы занять мое место. Не знаю, откуда у нее эта спесь, но наверняка она здесь тоже не последний человек, и знает, кому что сказать. Или просто из той породы людей, который все всегда обо всех знают, и умело вкладывают свои знания в заинтересованные уши, поэтому втерлась в доверие к людям, которые могут облегчить ее жизнь, и усложнить мою.

Но это все равно уже не имеет значение.

Последний час я трачу на то, чтобы изучить сайта с предложениями о работе и изучить примерную стоимость съема жилья. Меня устроит любая маленькая, даже убитая в хлам «однушка», лишь бы не за городом, чтобы не пришлось добираться на работу сразу после возвращения домой.

Примерно прикидываю цены, вспоминаю, какой баланс у меня на

карте и это немного утешает: хоть ноги не протяну первое время.

Потом выписываю все подходящие мне вакансии, даже те, что в частных школах, хоть без рекомендаций, опыта и протекции маловероятно, что моя кандидатуру даже будут рассматривать. Но зато везде сперва требуют резюме, а это значит, не придется тратить время на походы «вхолостую». Завтра напишу и разошлю по всем адресам.

А вот по государственным школам придется походить, и у меня пока ноль идей, как это сделать с моей занятостью на работе. Если отпущусь по болезни — какова вероятность, что Петя не узнает об этом от «своего человека»?

Я уже спускаюсь в метро, когда на экране телефона появляется номер матери. Она не часто звонит, в основном если нужны деньги или Петины связи. Но я не обижаюсь: нас у нее семеро, и только двое пристроены. А еще есть Валя — моя младшая сестра с ДЦП, и ей требуется специальный постоянный уход и внимание. Когда в семье есть тяжелые дети, здоровые быстро учатся быть самостоятельными и ответственными.

Связь пропадает, а когда я выхожу из метро, в телефон градом валят сообщения о пропущенных вызовах.

Что-то случилось.

Глава девятнадцатая: Варя

Я только начинаю набирать ее номер, а мать опережает и на этот раз я плотно прикладываю трубку к уху. На всякий случай останавливаюсь неподалеку от перекрестка. У нее есть дурная привычка говорить быстро, много и не по делу. Пока пару раз не прикрикнешь — это будет не разговор, а сплошная мешанина из слов и эмоций. А когда все это льется в голову, лучше стоять, а не переходить дорогу.

— Я тебе весь вечер звоню! — кричит в слезах мать.

Вообще-то не весь вечер, а последние минут сорок, но переубеждать бесполезно.

— Что случилось, мама? Я в метро зашла, не могла ответить.

— Дениска... Господи... Он в больнице! Опрокинул на себя кипяток!

Я шумно вздыхаю и сжимаю телефон так сильно, что на корпусе просто должны остаться вмятины от пальцев. Дениска — самый младший из нас. Ему всего четыре. Я нянчилась с ним, когда мать вернулась из роддома после кесарева сечения и несколько месяцев не могла полноценно заниматься ребенком. Можно сказать, Дениска мне роднее всех, хоть у нас с ним разные отцы, и, в отличие от моего папы, который скоропалительно умер от инсульта, папаша Дениски просто ушел к другой бабе.

— Где вы? Куда его отвезли? В какую больницу?!

Мать живет в соседнем городке, где медицина совсем не та, что в столице.

Через пару минут я узнаю, что брата отвезли в ожоговое, но диагноз плохой, прогнозы самые неблагоприятные и самое главное — нужны деньги. Много-много денег, чтобы купить лекарства, которые могут увеличить его шансы.

— Я уже все карманы вытрясла! — рыдает мама, и где-то на заднем фоне я слышу звук сирены «неотложки». — У меня больше ни копейки нет!

— Я же переводила тебе. — Чувствую себя сукой, потому что приходится напоминать об этом.

Мать реагирует мгновенно: как часовой отчитывается, что

младшим нужны вещи для школы, Тоня, как всегда, потеряла ботинки и пришлось покупать новые, а еще лекарства для Вали, и коммуналка. Я уже не рада, что вообще напомнила. Когда мать немного приходит в себя, прошу найти врача и дать мне поговорить с ним, и отключаюсь. За это время успеваю перебежать через дорогу и натыкаюсь на отделение банка: закрыто, значит, перевод я смогу сделать только из дому.

Мать перезванивает минут через десять, и дает мне врача. Мужчина меланхоличным тоном, заваливая меня непонятной терминологией, рассказывает, что все плохо. Грубо говоря, но именно такой вывод напрашивается из его слов. Я спрашиваю «сколько?» и когда он называет сумму, переспрашиваю:

— Это... за все?

— Это за сутки, девушка. А вашему брат лежать в реанимации минимум семь-десять дней, а потом еще восстановительный период.

И вот тогда у меня волосы встают дыбом, потому что даже если я отдам все, что успела скопить, этого все равно не хватит даже на половину курса. Мать снова берет трубку, начинает плакать, и я успокаиваю ее тем, что скоро буду дома и переведу ей деньги, которых хватит на первое время. Главное, чтобы с Дениской все было в порядке.

Успеваю забежать в квартиру буквально за пятнадцать минут до того, как возвращаются муж и свекровь. Сбрасываю матери деньги, оставляя себе только на карманные расходы, и перезваниваю, чтобы держала меня в курсе. Слава богу, завтра уже четверг, а в пятницу я на работе до трех. Петя отвезет меня на машине — это в два раза быстрее, чем на автобусе.

Пока свекровь охает и ахает, хватается то за поясницу, то за сердце, я перетаскиваю ее сумки и пакеты в спальню, которую выделил муж, а потом накрываю на стол. Ненавижу себя за то, что приходится быть собачонкой, но если муж вцепится хоть во что-то, найдет повод ткнуть носом в то, какая я плохая жена — о том, чтобы попросить у него денег можно просто забыть. А мне попросту не у кого больше одолжить. Кредит в банке, без собственности и с рабочим стажем в два месяца — это утопия, даже мой нерациональный мозг это понимает.

Слава богу, они молча ужинают, после чего свекровь быстро уходит смотреть любимый сериал, даже не удосужившись помочь убрать со стола. Но я пользуюсь шансом, чтобы объяснить мужу ситуацию. Петя молча слушает, хрустит соленым огурцом и только

потом говорит:

— Я не беру у тебя деньги, вот и дай. — Смотрит так, чтобы я поняла — он в курсе, какую примерно сумму я скопила.

Приходится еще раз озвучить слова доктора, но Пете плевать.

— У меня каждая копейка на счету, Варвара. Мать хочет перебраться в столицу, нужно откладывать на квартиру, поближе к нам. Тут цены кусаются.

На фоне здоровья Дениски, эта новость практически проходит сквозь меня. Может быть, я ожидала чего-то подобного.

— Петя, мне очень нужны деньги. У мамы никого нет, ты же знаешь.

— Пусть твой пустоголовый братец даст, он здоровый лоб.

Вовка? Он на заводе, электриком, вроде и получает неплохо, но ему лет чуть больше моего, он все на девок спускает. Сомневаюсь, что у него есть заначка, но даже если есть — погоды она не сделает.

Я пробую еще раз, но только делаю хуже: Петя лупит ладонью по столу, переворачивает солянку и поднимается, стряхивая белый порошок с домашних штанов.

— Твоя семейка мне и так должна, как земля колхозу. И я не требую назад долги — хрен с вами. Но больше ни копейки денег, поняла? Даже не подходи. Твоя мать их рожала, как крольчиха. Нужно было башкой думать, а не передком, чем детей кормить.

Он уже почти выходит и я, сглотив страх, все-таки говорю:

— Я в пятницу к ним поеду. Отвезешь меня? Быстрее будет.

— Никуда ты не поедешь, поняла?

— Это моя семья. Ты не можешь мне запретить!

Я вскакиваю с места, и муж, хлопнув за собой дверь, тут же оказывается рядом. Хватает меня за волосы на затылке дергает так, что перед глазами распускаются ужасные красные кляксы.

— Только попробуй, сука.

Толкает, и я падаю на бок, мысленно приговаривая, что я обязательно попробую, даже если он меня убьет.

Глава двадцатая: Даня

8 декабря

Я не знаю, где и как опять успел накосячить, но с того разговора на крыльце Колючка снова меня игнорит. Я нарушил данное себе обещание и все же приперся вчера на литературу, а сегодня, в пятницу, когда у нас меньше всего уроков и можно слинять пораньше, на классный час, но она делает вид, что меня не существует. Мой взгляд всегда на ней, а ее взгляд — на всех, кроме меня. Как будто я — сатана, а она — монашка, и у нее глаза вытекут от моего мерзкого вида.

Сегодня колючка держит нас минут двадцать: она выглядит очень бледной и все время морщиться, как будто ее что-то беспокоит. Я с трудом подавляю желание написать ей сообщение и спросить, что за хрень снова происходит, но на всякий случай вообще вырубаю телефон. Могу и на мат сорваться, если снова заведет пластинку о том, какой я мешающий ее карьере мальчик.

Только поэтому не задерживаюсь, чтобы поговорить наедине, хоть именно сегодня Колючка не спешит сбегать в учительскую и остается в классе.

Уже на крыльце вдруг вспоминаю ее потерянный вид. Совсем не такой, как раньше. Не злой и не рассерженный, а именно потерянный. Я часто видел такой у матери после того, как поползли слухи о молодой любовнице моего отца.

Наверное, это признак слабости, что я не могу просто забить и честно оторваться в свои законные выходные, а вместо этого прусь назад в класс и без стука захожу внутрь.

Колючка уткнула голову скрещенные руки на столе, но стук двери заставляет ее вскинуться. Несколько секунд мы просто смотрим друг на друга, а потом она начинает вытирать мокрые щеки, как будто ее не выдают заплаканные глаза.

Что-то кувыркается во мне. Больно и сильно, как будто я пропустил крепкий удар.

Меня всегда раздражали женские слезы. Хотелось просто брякнуть, чтобы не разводили мокроту и свалить. Но с Колючкой у меня вообще все через одно место. Даже не удивляюсь, когда быстро подхожу к ней,

присаживаюсь рядом на корточки и рукавом свитера вытираю слезы. Хотел бы рукой, но почти уверен, что это окончательно меня расшатает.

— Что случилось, Варя? — Есть какая-то особенная магия в ее имени. В том, что мне не нужно спрашивать разрешение, называя ее так, будто нет никаких пяти лет и кольца у нее на пальце.

Она шмыгает носом, судорожно глотает воздух раскрытыми губами, восстанавливая дыхание.

Могу поцеловать ее прямо сейчас.

Могу и хочу, как ненормальный.

Вот только вряд ли Колючке сейчас нужны поцелуи.

— Мне нужно съездить к матери, — шепотом говорит она, до крови вгрызаясь в губы. Кулаки на коленях комкают юбку. — У меня брат... младший... очень обжегся. Можно попросить тебя отвезти меня на вокзал? Голова... кружится.

Совершенно пустяковая просьба, а такое чувство, будто уговаривает выкрасть для нее миллион из швейцарского банка.

— Какой в жопу вокзал? Какой автобус? Собирайся, я тебя сам отвезу.

Колючка не отказывается, и еле-еле растягивает губы в благодарную улыбку.

На всякий случай мы договариваемся встретиться в квартале ниже, около магазина игрушек. Мне-то плевать, что нас увидят вместе в ситуации, когда Колючка сядет в мою машину, но это ее просьба, и в заплаканных глазах читается попытка извиниться за эту игру в шпионов.

Пока я жду ее в условленном месте, успеваю выкурить еще сигарету, а заодно вспоминаю, где тут ближайшая заправка и достаю из багажника покрывало. Оно новое, еще в лентах, перевязанных бантом. Мать подарила, сказала, что в машине всегда должен быть плед. Кажется, она намекала на то, что рано или поздно у меня появится девушка, которую нужно будет согреть. Вот, как раз появилась.

Варя появляется из-за поворота, находит взглядом машину, и я выхожу навстречу, открывая дверцу напротив переднего сиденья. Помогаю сесть, говорю, чтобы сняла пальто, разулась и поджала ноги под себя. Она не очень понимает, но слушается. Потом укутываю ее одеялом и улыбаюсь, потому что... Ну, блин, кто тут взрослый вообще? Она, с заплаканными глазами, трясущимися руками и в клетчатом

покрывале до самого носа, или я?

— Только давай договоримся, Колючка — не называй меня больше мальчиком.

Она переводит дух, и если бы не была такой взвинченной, я бы точно обиделся. Сразу же видно, что за секунду успела придумать всякую ерунду, которую могу потребовать взамен.

— Хорошо, Даня.

Я огибаю машину, сажусь за руль и выставляю климат-контроль до комфортной температуры. Варя расслабленно вздыхает, удобнее устраивается на сиденье в пол оборота и мне приходится вцепиться в руль, чтобы не наброситься на нее с поцелуями. Нельзя, потому что это будет выглядеть так, будто я пользуюсь ее безвыходным положением и зависимостью. Поэтому еще раз переспрашиваю адрес и ввожу данные в навигатор.

— Спи, Колючка. Нам часа три ехать. — Протягиваю руку, чтобы подтянуть плед повыше ей на плечо, и завожу мотор.

— Спасибо, Даня.

Такое чувство, что она понятия не имеет о простых вещах, которые мужчина может и должен делать для женщины. Благодарит за ерунду.

Глава двадцать первая: Варя

Когда я открываю глаза, то первое, на что падает взгляд — руки Ленского на руле. Все те же немного узловатые пальцы со сбитыми костяшками и парой царапин на тыльной стороне. Ни намека на украшения, только часы на запястье. Никогда не думала, что буду как зачарованная с минуту просто глазеть на контраст светлой стали и загорелой кожи. И поднимать взгляд выше, вдруг понимая, что с неохотой «спотыкаюсь» о край собранных гармошкой в области локтей рукавов. Хочется посмотреть еще выше, до самого плеча. Хочется сжать пальцы на крепких, совсем не мальчишеских мускулах.

— Выспалась? — слышу немного насмешливый голос, и вскидываюсь, потому что мы стоим на светофоре и Ленский явно заметил мои рассматривания.

Не краснеть. Только не краснеть.

Поздно, уши горят, и в горле сухо, и просто хочется открыть настежь окно чтобы не превратиться в полное посмешище. Взрослая вроде, и замужем, а чуть не начала пускать слюни на своего восемнадцатилетнего ученика. Но чтобы я сейчас не сделала, это все равно будет фиаско и попытка скрыть очевидное. Поэтому говорю короткое: «Да, спасибо», и отворачиваюсь к окну.

Мы уже в городе. Нужно несколько секунд, чтобы осмотреться и вспомнить знакомые места, сориентироваться и понять, долго ли до больницы. Я не так часто в последнее время приезжаю в гости: была здесь летом, сразу после экзаменов. Так что пара новых магазинов вместо знакомых из детства кафешек и старого кинотеатра, немного сбивают с толку. Но зато на месте, как маяк для потерянных кораблей, старая-старая стройка, почти в центре города: наша личная Пизанская башня, которая так и не превратилась в модный торговый комплекс. Помню ее еще со школы.

Значит, мы почти приехали.

— Что случилось с твоим братом, Колючка? — спрашивает Ленский и я бегло рассказываю то, что знаю от матери.

Само собой, ни слова не говорю о деньгах. Это проблемы моей семьи. От посторонних людей я готова принять разве что пожелания

Дениске скорейшего выздоровления. Парень слушает молча, и все время смотрит на дорогу. Даже не сомневаюсь, что хоть машина у него дорогая и явно может выдать хорошую скорость, он не лихачит, а ездит аккуратно, не игнорируя правила дорожного движения.

— Я могу чем-то помочь? — спрашивает Даня, когда мы притормаживаем на следующем перекрестке. Тут центральная развилка, стоять с минуту, если не больше.

— Шутишь? Ты меня и так довез, как королеву. Скажешь, сколько я...

— Помолчи, ладно? — перебивает он. Довольно грубо и раздраженно, поэтому какое-то время мы просто молчим и слушаем шелест дворников, сгребаяющих с лобового стекла липкий снег.

Мне очень стыдно, но я рада, что разговор о деньгах за мою «доставку» так быстро себя исчерпал. У меня каждая копейка на счету, не представляю, чтобы делала, если бы Ленский озвучил сумму. Была бы в самом невозможном идиотском положении.

— Ты когда домой? — его следующий вопрос.

— В воскресенье, у меня автобус в пятнадцать сорок пять.

Не хочу даже думать о том, что будет, если Петя решит не ждать моего возвращения, а приехать следом и преподать мне урок послушания. Поэтому план пока такой: помочь матери, придумать, где раздобыть деньги и как вернуться домой.

Или не возвращаться?

— У меня здесь родня есть, — говорит Ленский. — Я у них перекантуюсь до выходных и отвезу тебя домой.

Это же полная ерунда.

— Про родню ты только что придумал, да? Спасибо, что помог, но я не могу и не буду злоупотреблять тем, что ты — мой ученик и слишком хорошо воспитан, чтобы отказать учительнице.

— Я умею отказывать, — отвечает Ленский. — И на хуй посылать умею. Только ты к этому не имеешь никакого отношения. Родня настоящая, не выдуманная — младший брат моей матери, Виктор Строгов.

Он указывает взглядом куда-то мне за спину. Оборачиваюсь и не сразу понимаю, что должна увидеть. А когда вижу, издаю нервный и совсем невеселый смешок, потому что неподалеку от светофора, на котором мы стоим, стоит бигборд, с которого смотрит симпатичный

мужчина средних лет, в очках и при галстуке. Ниже — пожелания горожанам хороших новогодних праздников, а еще ниже — подпись и имя: Виктор Строгов, глава городского округа.

— Он правда твой дядя?

Ленский со вздохом достает телефон, находит номер и протягивает мне.

— Позвони, спроси.

— Хорошо, пусть будет дядя, пусть будет другая родня. Но ты все равно должен вернуться домой. Родители будут волноваться.

— Мы не в школе, Колючка, и даже не в теоретически школьное время, так что прекращай командовать и делать вид, что ты умнее и знаешь, как лучше. — Он так сильно хмурится, что я чувствую себя пристыженной девочкой, которую отчитывает куда более взрослый и умудренный опытом мужчина. Мистика какая-то. — Может быть, ты лучше меня разбираешься в литературе, но явно ничего не соображаешь в мужчинах и мужских поступках. Мне твое разрешение до лампочки, Варя. Я остаюсь — и точка. А для связи с родителями есть телефон. Будут еще варианты, как от меня избавиться или, наконец, успокоишься?

Удивительно, но я просто закрываю рот и в который раз соглашаюсь с его словами.

Глава двадцать вторая: Варя

В больнице, где лежит Дениска, жуткий холод. Пробирает до самых костей. Или мне это только кажется?

В машине Ленского было тепло и уютно, и я так втянулась в запах мяты, что первые несколько минут на свежем морозном воздухе чувствовала себя выброшенной на лед рыбой, которой нечем дышать. Просто стояла, глотая воздух сухими губами и смотрела вслед скрывшемуся за поворотом «Порше». И пыталась привести мысли в порядок, потому что на какое-то время, совсем на чуть-чуть, все заботы вылетели из моей головы, и в ней осталось странное, совершенно иррациональное желание побежать за ним следом и еще раз сказать, как я благодарна.

А потом во двор заехала машина Скорой помощи, и я быстро очнулась от ненужных фантазий. Ущипнула себя за щеку, приводя мысли в порядок и забежала внутрь.

Мать сидит неподалеку от реанимации: осунувшаяся, худая, помятая. Как будто ей не сорок пять, а все сто. Она даже не сразу меня замечает. Просто раскачивается из стороны в сторону, подтирая мятым платком давным-давно высохшие слезы. Я присаживаюсь рядом, молча обнимаю ее за плечи, и мы сидим так несколько минут.

— Бледная какая, солнышко. — Она растирает мои щеки сухими мозолистыми ладонями.

— Все хорошо, мам. Как Дениска?

Она сбивчиво рассказывает, что его состояние стабильно тяжелое, что брату ставят капельницы и делают компрессы и еще накладывают какие-то специальные охлаждающие пакеты. Снова плачет и мне приходится успокаивать ее фальшивыми надеждами: говорю, что все будет хорошо, что деньги мы найдем, главное, чтобы Дениска выздоровел, а остальное...

— Жизнь длинная, — улыбаюсь в ее тусклые от горя глаза, — хватит вернуть кредит до Денискиной свадьбы. А там придется в новый залезать.

Она кое-как улыбается в ответ.

Потом долгий и очень тяжелый разговор с врачом. Больница может

обеспечить ребенка только самым минимумом, но если ограничится только этим, то шансы на выздоровление очень малы. Степень ожогов большая, началась интоксикация. Из рассказа матери я помню, что она поставила на плиту кастрюлю с водой, и пока переодевала Валю, брат каким-то образом притащил маленький стульчик из соседней комнаты, чтобы залезть в ящик со сладостями. Пытался схватиться за ручку кастрюли, как скалолаз — и опрокинул на себя шесть литров крутого кипятка.

— Деньги будут, — говорю я, понятия не имея, где их взять.

Доктор кивает и вручает мне длинный список всего, что еще нужно купить на следующие сутки. Приходится обегать три аптеки, пока у меня есть все необходимое. А потом чуть ли не с криками выгнать мать домой. Двух младших мать оставила у соседки, а за больной ВалеЙ присматривает шестнадцатилетняя Тоня.

Я немного гуляю вокруг больницы, покупаю кофе в автомате, но даже не могу заставить себя хоть что-нибудь съесть. В горле ком, в голове — стерильная пустота.

Еще через час начинается настоящий кошмар, потому что звонки от Пети приходят один за другим. Я знаю, что что бы не ответила — он все равно будет угрожать. Поэтому даже не хочу с ним разговаривать. Отправляю короткое сообщение, что я у матери и ищу деньги для брата, поэтому не хочу и не буду выяснять отношения. В ответ он пишет, что я сука и тварь, что я прикрываюсь братом, чтобы поехать к любовнику, и он выведет меня на чистую воду. Потом еще одно сообщение: смакует подробности того, в каких позах и как я отдаюсь своему «любовнику». И еще несколько, где есть слова «член» и «сосать». Хочу удалить их, но вовремя вспоминаю, что, наверное, для суда о разводе, это может быть доказательством? Или нет?

Ближе к десяти вечера брату становится хуже: я нарочно не звоню матери, чтобы не наводить страх раньше времени. Только тихонько сижу в углу на скамейке и пытаюсь молиться. Первый раз в жизни, на ходу придумывая слова.

Кризис проходит ближе к середине ночи, и только тогда я пишу матери, что у нас все хорошо, и я останусь в больнице до утра, чтобы она сменила меня к девять. Заботливые медсестры приносят одеяло и «одалживают» диван в сестринской, чтобы я поспала хоть пару часов. Роняю голову на подушку — и просто отключаюсь.

А потом кто-то трясет меня за плечо, и я вскакиваю, смазывая сон ладонями. За окном уже сереет утро, и из-за узоров на стекле ничего не видно. Но, кажется, идет снег.

— Что-то с Дениской? — спрашиваю стоящую надо мной молоденькую медсестру.

— Все хорошо, Варвара Юрьевна. — Улыбается и сует руки в кармашки халата. — Фонд «Надежда» выделил деньги для мальчика. С вашим братиком все будет в порядке.

— Какой фонд? — Может, я до сих пор сплю?

— Хороший фонд, вы не волнуйтесь. Кто-то за вас похлопотал.

Она выходит, а я так и не могу прийти в себя, прекрасно понимая, кто стал Денискиной феей-крестной.

Я пулей срываюсь в туалет, умываю лицо и долго умываю лицо и потом смотрю на сове отражение в крохотном зеркале над раковиной. Вид у меня — краше в гроб кладут: мешки под глазами, волосы растрепаны, и губы сплошь покрыты коричневыми, покрытыми коркой ранками. Точно не Золушка, ради которой расстарался Прекрасный принц.

Нет ни единого сомнения, что с фондом помог Даня. Потому что больше помочь попросту некому. И если его дядя здесь самый важный человек...

Еще раз набираю полную пригоршню холодной воды, задерживаю дыхание и окунаю в нее лицо. Кожу жжет миллионами иголок, но зато в голове, наконец, проясняется.

Нужно позвонить Ленскому. Банального «спасибо» ничтожно мало, но если я скажу еще хоть слово, то точно начну реветь.

Достаю телефон и разочарованно стону, потому что после вчерашних звонков, он намертво разряжен. Господи, что же я за рассеянная такая: мама, наверное, места себе не находит, потому что не может дозвониться. Хорошо, что я не забыла подзарядку, и сестрички разрешают поставить телефон. Минут пятнадцать я меряю коридор нервным шагом, потом налетаю на доктора и на этот раз он не пытается меня запугать, а говорит, что прогноз благоприятный и мальчик получит все самое лучшее лечение в полном объеме. Но когда уходит, то я слышу его не очень довольное: «Нет бы сразу сказать, что свои люди «в верхушке...» Не знаю, как с фондом, но с врачом точно был серьезный разговор, иначе стал бы он смотреть на меня волком?

У меня снова куча не отвеченных от мужа. Судя по времени звонков, Петя наярывал мне всю ночь, по несколько раз в час, так что хорошо, что телефон выключился. Его сообщения я даже не открываю — не хочу портить такое хорошее волшебное и морозное утро.

Перезваниваю маме и огорошиваю ее новостями. Ревем, как дурочки, в два горла, но на этот раз это слезы облегчения. Она говорит, что уже собирается и будет минут через сорок.

Остается звонок Ленскому и мне очень не по себе, как будто я собираюсь звонит не ученику, не восемнадцатилетнему парню, а взрослому мужчине. И как будто даже через трубку он снова увидит мои покрасневшие щеки и уши.

Глава двадцать третья: Варя

Он отвечает только после седьмого гудка, как раз, когда я собираюсь нажать «отбой».

В трубке слышится возня, шорох одеял, и очень-очень сонное, и ворчливое:

— Привет, Колючка.

— Доброе утро, Ленский. Хватит валяться. — Не пойму откуда в моем голосе эта несвойственная мне смешинка. Наверное, все дело в облегчении: я почти трое суток только то и делала, что ела себя поедом, где найти деньги для Дениски, а теперь как будто сбросила с плеч бетонную плиту.

— Суббота, — бормочет Ленский. Снова шорох, зевок. — Вставать в субботу до полудня — преступление.

Я с ужасом понимаю, что еще нет девяти, и мысленно ругаю себя на чем свет стоит.

— Прости, — говорю охрипшим от неловкости голосом. — Я просто хочу тебя поблагодарить, и сказать, что если бы не...

— У тебя и твоего брата все хорошо? — перебивает Даня.

— Да. Врач дал хороший прогноз, и...

— Значит, тема закрыта. — Он нарочно тормозит мои неуклюжие попытки сказать «спасибо». — Ты где?

— В больнице, жду, когда мама придет. — Бреду по аллейке, собирая ладонью мерно падающие с неба разлапистые снежинки.

— Голодная?

— Ага, — отвечаю быстрее, чем успеваю предположить, к чему этот вопрос. И быстро исправляю положение: — Я потом сразу к своим сюда, позавтракаю.

— Я заеду через полчаса. Позавтракаем вместе, тут есть где.

Притормаживаю под усыпанным снегом деревом, прижимаю к губам талый снег в ладони. Понятия не имею, что сказать в ответ на это приглашение. Это неправильно, даже если формально мы не в школе и не школьное время, и еще более неправильно, что я — замужняя женщина, морочу голову восемнадцатилетнему парню, которому впору ухаживать за ровесницей. И лучше не думать о том, что мысль о

ровеснице вызывает стойку ассоциацию с Варламовой и их зажиманиями в раздевалке, а мне это невыносимо противно.

Пауза слишком затягивается, и Ленский уточняет:

— Ты ничего не должна мне, Колючка. Не хочешь — ладно, считай, что не предлагал. Только одолжений не нужно и заставлять себя из-под палки тоже.

— Это не одолжения! — слишком бурно реагирую на его резкость. — Я замужем, Даня, я — твоя учительница.

— Я в курсе. — Горький смешок в трубку и короткий «чирк» зажигалкой. Мои ноздри мгновенно наполняются призрачной смесью запахов сладкой мяты и терпкого табачного дыма. — Но это вообще не мешает видеть тебя во сне, совершенно голую. Практически каждую ночь.

— Даня... — Хочу пожурить его, а получается почти стон пополам с дрожью, которая пробирает до самого нутра.

— Мне восемнадцать, Колючка. Имею право смотреть порно сны с твоим участием.

— Надеюсь, в них я веду себя прилично? — А ведь хотела свести все к простой шутке, весельем выбить неловкость. Но стоило произнести невинную фразу вслух — и она превратилась в заигрывание.

— Абсолютно аморально, Колючка. Только крыша чужого дома и уважение к его хозяевам не дает мне дрончить прямо сейчас.

— Даня! — И все равно тихо, сорвано, почти жалобно, чтобы не смел так нагло меня смущать.

Ленский хрипло смеется, и неловкость понемногу сходит на нет.

— Я тебя у мужа все равно заберу, Колючка. А если не отдаст — морду ему набью. Потому что хуевый у тебя муж, раз оставил тебя одну разруливать все проблемы.

Он даже не представляет, насколько в «яблочко» его слова.

— И мне вообще плевать на то, что ты старше: очевидно же, кто из нас двоих ребенок.

— Ты просто позер, Ленский.

— Но я все равно тебе нравлюсь, и поэтому бегаешь от меня, как заяц от волка.

Я тянусь к ветке, раскачиваю ее, и пока мне на голову сыпется снежное конфетти, говорю одними губами: «Кажется, правда нравишься».

Глава двадцать четвертая: Варя

Я не знаю, как это получилось, но когда я думаю, что мозг отвоевал у сердца право распоряжаться моими действиями и поступками, Ленский вдруг говорит, что мы можем просто погулять вечером, когда я буду свободна, и я... соглашаюсь. Просто и непринужденно говорю ему «да», и весь день только и думаю о том, что это будет за встреча и как я могла так опростоволоситься.

Хорошо, что забот полон рот и я просто топлю в них сжирающее меня сомнение. Пока мама в больнице с Дениской, готовлю обед и ужин, заправляю стирку, присматриваю за Валею и к обеду сменяю мать на ее посту. Мы договорились, что она приедет к шести вечера, и снова меня сменит. Врач и медсестры хором твердят, что нам не нужно быть возле мальчика постоянно, но этот вопрос даже не обсуждается.

В шесть десять, как раз через пять минут после прихода мамы, звонит Ленский и говорит, что не стал подъезжать прямо к больнице и припарковал машину около магазина напротив.

В салоне тепло и сумасшедше вкусно пахнет мятой, и, видимо, я слишком громко вдыхаю этот запах, потому что Даня вдруг поворачивается ко мне всем корпусом и чуть подается вперед. А я, как пружина, отклоняюсь назад, прямо под его насмешливым темным взглядом.

— Просто... покатаемся? — предлагаю я. — Мне еще вернуться нужно.

— Погуляем по набережной, — говорит он.

Вдвоем? Когда еще не весь город улегся спать и нас все будут видеть? Учительница и ученик? Замужняя женщина и восемнадцатилетний парень?

Наверное, паника на моем лице слишком очевидна, потому что Ленский тянется еще ближе, вынуждая меня сдавленно охнуть, когда его руки уже совсем близко от моих бедер.

— Я просто застегнул твой ремень безопасности, — поясняет он, надежно фиксируя меня в кресле. И протягивает мне стаканчик с горячим шоколадом и почищенный мандарин. — Я люблю шоколад с мандаринами. Попробуй — тебе тоже понравится.

Я делаю глоток тягучего горько-сладкого напитка и тут же вкладываю в рот кислую дольку. Первую секунду кажется, что я просто не смогу это проглотить, но потом вкус резко меняется, превращаясь в странную будоражащую смесь, которая растекается по горлу согревающим теплом.

— Ну как? — Ленский даже не пытается сделать вид, что не сводит взгляд с моих губ.

— Вкусно, — бормочу я, и снова спасаюсь бегством, отворачиваясь к окну.

Ночной город выглядит таким удивительно красивым в снегу. Сугробов не намело, но всюду словно посыпано белой ватой, а в свете уличный фонарей и иллюминации витрин он искрится, словно бриллиантовая пыльца.

Даня оставляет машину на стоянке около супермаркета, и мы медленно выходим на набережную, где и без нас хватает гуляющих парочек — потеряться легко и, похоже. До нас действительно никому нет дела.

Мы болтаем обо всем: Ленский рассказывает, что собирается поступать на экономический, и что планирует работать с отцом сразу, как только тот допустит его в святая святых. Он увлеченно делится планами и будущее: мечтает о карьере финансиста, о том, что сможет стать достойным приемником своего требовательного отца. И что спорт — это его стихия, потому что на ринге он спокоен и собран, и потому что именно там он научился держать любой удар и давать сдачи.

Мы останавливаемся подальше от света фонаря, не сговариваясь поднимаемся на небольшой бордюр, прямо под перилами и стоим так близко, что притрагиваемся друг к другу локтями. Никогда не привыкну к тому, что Ленский такой высокий и крепкий. И почему-то именно сегодня, когда он в модном пальто и свитере под горло, с заметной тенью щетины на острых гранях подбородка и челюсти, я понимаю, что у меня больше никогда язык не повернется назвать его «мальчишкой».

— Даня, я видела тебя и Варламову, — неожиданно даже для себя самой говорю я. — В раздевалке. Случайно.

Он хмурится, как будто пытается понять, о чем я. Потом, наконец, вспоминает и с горькой улыбкой стряхивает с волос снег.

— Ничего не было. Она была бухая в доску. Я ее отшил, понятно? Сказал, что между нами больше ничего и никогда. — Поворачивает

голову и снова опускает взгляд на мои губы. — Ты поэтому так завелась?

Можно сказать «нет» и не усложнять то, что и так сложно до состояния бесконечности.

Можно сказать «нет» и он — я точно знаю — перестанет смотреть на мои губы так, будто один их вид причиняет ему невыносимую боль.

Но это будет вранье.

— Она — твоя ровесница и подходит тебе по возрасту, — срываюсь на скороговорку, лишь бы снова убежать от прямого ответа. — Я не должна... То есть, есть правила школы и ты мог попасть...

— Хоть раз скажи то, что думаешь, Колючка, — хрипло требует он. — Не трави меня «правильными вещами», потому что, блин, уже просто бесишь.

Он поворачивается всем корпусом, и я, словно за фокусником, слежу за его руками: за тем, как он затягивается от только что прикуренной сигареты, зажимает ее между пальцами левой руки, а правой обнимает меня за талию, прижимая твердо и безапелляционно. Его личный особенный запах кружит голову, а снежинки на кончиках ресниц сводят с ума.

— Я тебя поцелую, Колючка, — уже почти глухо, хрипом из самой груди.

Поднимаюсь на носочки, как падающая альпинистка отчаянно цепляюсь в его крутые плечи. И, как сумасшедшая, снова и снова, беззвучным шепотом:

— Хорошо, хорошо, хорошо...

Ленский просто жадно раскрывает мои губ, сильно и жестко. Стучимся зубами, потому что это слишком для нас обоих, но мне все равно мало. Хочется, как девчонке, сразу и все. Его губы такие жадные, что горечь сигарет проникает мне под кожу, и я снова карабкаюсь выше, потому что ноги поджимаются от наглого языка. Рука на моей талии держит уверенно и сильно, не дает упасть. Я глотаю его хриплые стоны, отзывчиво растворяя их в собственных вздохах.

Так сильно кружится голова.

Так немилосердно шатается мир, но этот мужчина не даст мне упасть. Не сегодня.

Он втягивает меня в игру, не оставляя ни капли инициативы: ведет

и задеет тон каждым движением языка и губ.

Мы смешиваемся дыханием и мыслями, размениваем одно на двоих тепло и барабанную дробь вылетающих сердец.

Мне двадцать три, но именно сегодня — мой первый настоящий поцелуй.

Мы медленно отрываемся друг от друга, и Даня, как будто угадав мои мысли, берет меня за подбородок, не давая спрятать лицо. Он выглядит совсем взрослым, особенно когда мы стоим вот так близко, и он медленно поглаживает мою кожу большим пальцем той же руки, в которой держит сигарету. Это не жест неуверенного в себе школьника, и не ласка мальчишки, которому просто захотелось развлечься с девочкой постарше, чтобы записать в личный список еще один трофей. Это поведение мужчины, хоть еще и слишком юного.

— Я миллион раз представлял себе, как буду целовать тебя первый раз. Это были очень грязные фантазии. Колючка, но мне не за что стыдиться. Но все же ни одна из них и близко не похожа на реальность.

Я не знаю, что ему сказать. Слов много и мало одновременно. Это как пытаться написать «Войну и Мир» на рисовом зернышке — особое мастерство, которым я совершенно не владею. Но мои пальцы еще крепче сжимают его плечи и, хоть самое время сбежать и напомнить обо всем, что нас разделяет, я прижимаюсь к нему еще сильнее.

— Мне нужно возвращаться в больницу, — шепотом говорю я, чтобы не слишком быстро распугивать мое персональное зимнее волшебство.

— Уже? — Ленский даже не пытается скрыть разочарование.

Делает последнюю затяжку и со словами «Тренер когда-нибудь убьет меня за эту дрянь», смотрит на часы. Его запястье так близко, что я вижу короткий волоски на тыльной стороне ладони. Совсем немного, ровно столько, чтобы рука не выглядела по-девичьи гладкой, хоть Дане это и так в любом случае не грозит.

Импульс сделать то, о чем я думала всякий раз, когда видела эти руки, слишком силен. Как цунами смывает мое терпение и здравомыслие, и я на выдохе притрагиваюсь губами к тыльной стороне ладони Ленского. Не целую, просто впитываю шершавость грубой кожи, и вздрагиваю, когда Даня в ответ проводит большим пальцем по моим губам, немного раздвигая их. Смотрит долго и пристально, и слишком вызывающе сглатывает в ответ на мою неумелую попытку

оставить на его пальце еще один поцелуй.

Все его мысли написаны у него на лбу, все до единой.

Поэтому я вспыхиваю и начинаю дышать чаще, позволяя себе — только на секунду — пофантазировать, какое продолжение могло бы быть у этого поцелуя.

— Может быть... — начинает Даня, но звонок его телефона вторгается в наш разговор. Ленский смотрит на экран, хмурится и говорит: — Это мать.

Я понимающе киваю, и он быстро отходит, чтобы поговорить.

Что я делаю, господи? Чем думаю? О чем?

Пытаюсь поставить себя на место этой женщины, и рот наполняется горькой слюной. Вряд ли я бы хотела, чтобы мой восемнадцатилетний сын таскался с замужней женщиной на пять лет его старше, да еще и его же учительницей. Если бы мы жили в чуть менее цивилизованном обществе, меня бы точно побили камнями.

Глава двадцать пятая: Даня

Я позвонил матери еще вчера вечером: сказал, что у меня появились дела и я до воскресенья побуду у дядьки, тем более, что на выходные как раз приехал Вовка, его сын, мой двоюродный брат и по совместительству, мой хороший друг. Хоть мы и видимся по чайной ложке в год. Вчера половину ночи просто курили, заливались кофе, как кроты, и говорили обо всем.

Нет ни единого повода, чтобы мать звонила мне в девятом часу вечера, но я стараюсь не думать обо всякой херне, которая могла случиться. Я не смогу бросить Колючку одну, если мать скажет, что я должен срочно приехать.

Но, кажется, все-таки придется, потому что в трубке ее совершенно разбитый голос. Она еще только спрашивает, как дела и все ли у меня хорошо, не надоедаю ли дяде, а я уже знаю, что, скорее всего, где-то появилась информация о новой любовнице моего отца. Вероятно, еще моложе предыдущей, с которой моя мать только-только смирилась.

Я люблю отца. Он — пример для подражания: человек, который сделал сам себя, взял в руки загнивающий бизнес своего отца и превратил его в утку, несущую золотые яйца. Сколько себя помню, всегда хотел быть достойным его похвалы, из шкуры лез, чтобы заслужить его одобрение. И до сих пор хочу. Но за то, как он обращается с матерью, мне все чаще хочется разьебашить ему рожу, сломать пару костей и отправить на больничную койку, чтобы подумал, какого хера он творит, и на кого разменивает женщину, которая отдала ему свою жизнь и никогда, ничего не попросила взамен.

Мать ни слова не говорит о любовнице, но это читается между строк, сквозит фальшивыми нотами в голосе. Хочется как-то приободрить ее, но тогда придется зацепить и все остальное. Поэтому мы просто обмениваемся парой наших обыденных фраз, я обещаю быть аккуратным, вежливым, и не беспокоить хозяев, желаем друг другу спокойной ночи и разъединяемся.

Когда поворачиваюсь — Варя стоит на том же месте и смотрит на реку.

Такая... немного потерянная что ли.

Пока целовал ее, только и думал, что сдурею, что у меня тормоза слетят, катушки перегорят и вообще случится апокалипсис терпения. Потому и обнял ее только одной рукой — боялся, что раздавлю.

А теперь хочется просто постоять рядом. Послать ей какой-то сигнал, что я, хоть и малолетка в ее глазах, ни хрена не на один раз.

Подхожу к ней сзади, обнимаю двумя руками за талию и немного устало роняю лоб на плечо. Она вздрагивает, но и сама прижимается в ответ, накрывая мои ладони своими.

— У тебя руки очень холодные, — шепчет немного испугано.

— Все нормально, Колючка, я морозоустойчивый.

Я отвожу ее в больницу, и на прощанье говорю, что буду слать ей сообщения.

Надеюсь, достаточно пошлые, чтобы ночью она думала только обо мне.

Глава двадцать шестая: Варя

Не успеваю переступить порог больницы, как телефон в кармане энергично вибрирует входящим звонком. Хватаю его так быстро, словно я — влюбленная по уши фанатка, ждущая звонок от своего кумира. Но это не Ленский, это — моя мама. Вспоминаю его разговор и вот теперь свой, и с улыбкой отмечаю, что сегодня сегодняшней вечер явно проходит под девизом «мамы бдят!» и отвечаю:

— Привет, мам, я уже в больнице, сейчас иду к тебе. Все хорошо?

— Да, с Дениской все хорошо. Муж твой звонил.

Я вздрагиваю, как будто мне нож засадили между лопатками.

Мама ходит по коридору в наспех накинутом на плечи халате, замечает меня и быстро идет навстречу. Берет меня за руки, заглядывает в лицо так пристально, будто подозревает во мне подсунутый пришельцами клон е настоящей дочери. Тут и без всяких телепатических способностей ясно, что разговор с Петей был не из приятных.

— Варя, что у тебя происходит? Я чего-то не знаю?

Приходится усадить ее на скамейку, пару раз перебить попытки завалить меня вопросами и спросить, когда и зачем ей звонил мой муж.

— Примерно полчаса назад, — вспоминает мама. — Хотел поговорить с тобой. Я сказала, что позвонил бы уж тебе, раз такая срочность, но ему было нужно, чтобы ты ответила с моего телефона. Я сказала, что тебя нет... Что ты пошла немного прогуляться... — Она смотрит перепуганными глазами, понимая, что ненамеренно меня выдала.

Такие «проверки» муж начал устраивать почти сразу после свадьбы. Сначала это выглядело невинно и даже мило: я шла в гости к подруге, или встречалась с однокурсниками, а он вдруг звонил на чей-то номер (поэтому всегда спрашивал, куда я иду и с кем, и просил оставить все номера телефонов, якобы, просто по служебной привычке). Говорил моим друзьям, что у меня телефон не отвечает, он волнуется и просит дать со мной поговорить. Никаких неотвеченных вызовов у меня. Конечно, не было, но мне и в голову не могло прийти, что все это — одно большое вранье и одна большая ревность.

Однажды мне не повезло выйти в туалет как раз за секунду до очередного «звонка беспокойства». Само собой, никто меня к телефону не позвал. Подружка сказала, что я вышла и как только приду, то сама и перезвоню. В ответ на что муж послал ее матом, обозвал лживой сукой и проституткой, и пообещал устроить ей «субботник» за то, что покрывает мое блядство.

Поэтому, теперь у меня нет подруг. Только пара знакомых по переписке на специализированном форуме для молодых учителей.

А теперь эта скотина втянула в грязь нашей «счастливой семейной жизни» еще и мою мать.

— Варя, у тебя... плохо, да? — Не зря же говорят, что материнское сердце не обманешь. Потому и езжу к ней редко, чтобы не навалить на ее плечи еще и тонну собственных проблем.

— Я собираюсь уйти от мужа, мам, — говорю я. И мне становится легче, как будто в простых словах заключена особая магия силы духа. — Пока не знаю, куда и как, но должна. И не отговаривай меня, пожалуйста.

Она понимающе улыбается и говорит только, что я у нее взрослая и знаю, что делаю, и что как бы там ни было, а в родительском доме мне всегда найдется место.

Медсестры выпроваживают домой нас обеих: Дениска стабильный, нет необходимости караулить под его дверь, а если что — нам обязательно сразу же позвонят. Бредем домой под руку, как в детстве, в снег и мороз, и ведем молчаливый разговор о нашем, о женском.

Уже дома, зарываясь под ворох одеял, лежа в кровати, из которой давно выросла, я получаю сообщение от Дани: «Я сделал пару твоих фоток, пока ты спала у меня в машине». Знаю, что не должна задавать заведомо провокационный вопрос, но мне так плохо и тускло на душе, что хочется просто задернуть ширму, на миг сойти с дистанции черной полосы моей жизни и просто глотнуть капельку счастья.

«Зачем тебе мои фотографии, Ленский?»

Он отвечает почти сразу:

«Чтобы смотреть на то, чего я хочу»

И тут же вдогонку:

«Вайбер? Телеграмм? Ненавижу СМС»

«Я уже спать хочу, Даня, — пишу я, хоть это лишь отчасти правда. И противоречу сама себе, приписывая: — Вайбер».

Через несколько секунд он пишет уже туда: «Тогда я расскажу тебе сказку на ночь, Колючка, но только после фотографии той странице в твоём паспорте, где видна дата рождения, потому что эта сказка для девочек 18+»

Понятия не имею, как ему удастся втянуть меня в эту переписку, но тянусь за сумкой, достаю паспорт и делаю нужный снимок. Отправляю с припиской: «Сфоткала паспорт сестры, сойдет?»

«Кто же вот так сразу признается в махинациях, Колючка? Садись, двойка»

Он с минуту молчит, и я начинаю думать, что Даня переоценил свои силы и уже давно спит, но телефон оживает характерным фиолетовым огоньком входящего сообщения.

«Прислал тебе фото к образу сказочного героя, Колючка. Официально разрешаю пускать слюни».

И фото вдогонку.

Его фото: в кровати, совершенно голого, с одеялом, спущенным немного ниже пупка.

Я инстинктивно просто выключаю экран, даю себе минуту передышки, чтобы собраться с силами и включить его снова.

Почему?

Потому что можно было таять от поцелуев Ленского, растворяться в запахе мяты и сигарет, забывать дышать, когда взгляд падает на его крепкие руки и сбитые костяшки. И все это было по-особенному остро и горячо. Но все это было почти прилично. Я планировала вернуться, разобраться со своей жизнью и найти тысячу объяснений для тех чувств, которые испытываю к восемнадцатилетнему парню. И я бы их точно нашла.

Но как объяснить то, что одного взгляда на полуголового Ленского мне хватало, чтобы захотеть свернуться узлом, обхватить подушку коленями и подавить странную горячую боль между ног? Это нельзя списать на его напор и нарочитую грубость, это вообще за пределами всех чувств, которые я когда-либо испытывала.

Я включаю телефон и под фотографией висит новое сообщение от Дани: «Это позитивная тишина или молчание ужаса?» Он добавляет к словам пару смайликов, изображающих ангелочков. Понимаю, что флиртует, но ничего не могу с собой поделать: мысли застопорилось

где-то в области его крепкого смуглого тела с косым шрамом от аппендицита и двумя родинками под правой ключицей.

Он крепкий, но еще немножко худощавый, как раз на свой возраст. Но при этом я готова просто всю ночь разглядывать его фотографию, как будто это последние часы перед тем, как я навсегда расстанусь со своим зрением.

«Ну скажи уже что-нибудь, Колючка?» — снова пишет он.

Дрожащими пальцами набираю в ответ: «Ты в хорошей форме».

Сухие скупые слова, единственный ответ, в котором не было бы слов «великолепен», «безупречен» и «хочу тебя обнять».

Безумие.

«Если ты не перестанешь врать, Колючка, я сфотографируюсь без одеяла. А я, чтоб ты знала, люблю спать без трусов».

В ответ на его угрозу в моей голове поселяется механическая мартышка с музыкальными тарелками, и начинает нарезать круги, выстукивая одно единственное слово: «Хо-чу! Хо-чу!» Но я просто не знаю — не умею, не нахожу правильные слова? — как сказать о том, что чувствую, и при этом не хотеть сгореть от стыда за поведение, недостойное замужней женщины.

И одновременно вспоминаю все те разы, когда прилежно исполняла супружеский долг, лежа в кровати с наивной верой в то, что вот сегодня точно что-то будет. Фейерверк, взрыв атомной бомбы, удовольствие, от которого захочется одновременно смеяться и плакать. А вместо этого ворчание мужа: «Что ты, как бревно...»

Может, я и есть бревно?

«Ты красивый», — пишу в ответ, потому что не сомневаюсь: еще секунду промедления и Даня выполнит угрозу.

Боже, когда это произошло?! Как за два дня он из несносного нахала превратился в мужчину, от которого у меня пылают щеки?

«Лгунья, — отвечает он. — Я хочу тебя, Колючка. Так сильно, что мне больно лежать на животе».

«Ты всегда такой откровенный?»

«Не поверишь, но я все равно это скажу: первый раз вступаю с девушкой в сексуальную переписку. Понятия не имею, как это делается. Чувствую себя охуевишим сапером».

В поисках прохлады роняю лицо в подушку, но это приносит лишь мимолетное облегчение.

Может быть, мне нужно просто отпустить все это? Не анализировать, не думать о том, что на часах уже третий час воскресенья, и скоро жизнь сделает такой крутой вираж, что лучше бы пристегнуть ремни и надеяться, что меня не снесет на остром повороте.

«Ты тоже не согласишься, Ленский, но мне, учительнице литературы, нравится, как ты ругаешься. Не ругайся больше, Ленский»

«Где-то в твоих словах заблудилась логика, Колючка».

Хочу написать, что у меня вообще голова не работает, но Ленский опережает: «Можешь сделать для меня кое-что? Не думая и не стесняясь, просто выполнить то, что попрошу? Доверься мне в конце концов».

Почему-то кажется, что это западня, еще одна попытка заставить меня перешагнуть барьер, сбросить, как балласт, логику и здравый смысл. Но я готова изойти в нее добровольно, осознанно... и с удовольствием.

«Что мне сделать для тебя, Ленский?»

«Разденься и будь со мной полностью голой. Но я хочу доказательство, лгунья».

Глава двадцать седьмая: Даня

Я не вру, когда пишу ей, что хочу ее до боли. Хотя нет, все-таки вру, потому что «хочу до боли» — это и близко не то, что я чувствую с железной непрекращающейся эрекцией вот уже минут тридцать. Именно столько мы с Колючкой переписываемся.

Лежу в постели полностью голый — это тоже чистая правда. Ненавижу спать в трусах, летом вообще закрываю комнату на замок изнутри, чтобы мать не зашла и не увидела мой физиологически естественный утренний стояк.

Все-таки переворачиваюсь на живот, подбираю подушку под грудь и пока Колючка собирается с силами, закрываю глаза, вспоминая вкус ее губ. Сжимаю наволочку в кулаке — и тяну бедрами вверх, представляя, что Варя лежит подо мной с широко разведенными ногами. Яйца поджимаются, в голове шумно и тихо одновременно.

Телефон, наконец, оживает.

Моя стыдливая девчонка, наконец-то, решилась. И хоть это все равно не то, что я бы хотел, но это больше, чем все, на что я мог надеяться еще несколько дней назад.

Колючка сфотографировалась почти так же, как и я, только осталась в лифчике. Очень симпатичном черном лифчике без всяких идиотских кружев. Сглатываю, жадно разглядывая каждую деталь ее тела: симпатичная небольшая грудь, белая кожа, серебряная цепочка с кулоном-цветочком. Плоский животик, втянутый вертикальный пупок, краешек черных трусиков с атласным бантиком.

Убейте меня.

Просто, блядь, убейте меня, пока я не двинулся окончательно и не трахнул кровать.

Кусаю подушку, чтобы спрятать стон, когда пару раз тараню членом матрас. Жестко и почти до боли.

«Ты меня с ума сводишь, Колючка, — пишу ей, вдруг вспомнив, что молчу слишком долго, а моя мнительная девчонка уже наверняка черте чего успела понапридумывать. — Сильнее у меня стоять уже просто не может».

Хочу попросить снять эту черную тряпку, а лучше обе, и показать

мне, какая она офигенная. Но боюсь перестараться, и вынудить Колючку просто закрыться в себе, поэтому обрушиваю на нее откровенность своих желаний.

«Я сейчас выебу кровать, представляя, что это ты. Это не преувеличение. И это будет не первый раз, когда я делаю это, думая о тебе»

«Подо мной уже простыня дымится, Ленский...» — отвечает Колючка.

«Снимай трусики, Колючка».

Она отвечает почти сразу: — «Сняла».

«Послушная?»

«Сумасшедшая»

Я не знаю, как бы мне самому не двинуться от фантазий в моей голове и от потребности кончить. Я реально уже весь мокрый от напряжения: простыня липнет к телу, губы искусал до крови, и сердце почти навывлет, как будто еще немного — и сдохну к чертовой матери.

«Мне нужен твой голос, Колючка. Можно?»

Есть вещи, которые я — пока — буду делать только после ее разрешения.

«Можно», — пишет она примерно через минуту, и я мгновенно набираю ее номер.

— Прости, я хочу слышать, как ты кончишь вместе со мной, — говорю громким шепотом, переворачиваясь на спину. Беру себя в кулак у самого основания, делаю пару толчков в ладонь и выдыхаю, кажется, громче, чем собирался.

— Даааааня, — растягивает мое имя таким надрывным голосом, что я почти слышу визг собственных сорванных тормозов.

— Ты нужна мне, Колючка. — Жмурюсь до рези за веками, потому что в этот момент она тихонько сладко стонет. — Еще, детка. Делай то, что ты делаешь, но дай мне свой стон.

— Детка? — Слышу улыбку пополам с дрожью.

— Моя детка, — поправляю себя.

Может, я балбес, но я не отдам ее никому.

Не знаю как, но не отдам и все.

— Еще раз, — впервые так откровенно просит она.

— Хочу засадить тебе по самые яйца, детка, — нарочно грязно, и пошло, откровенно.

Я не умею стесняться, а ей точно нельзя давать повод думать, что она может ускользнуть обратно в образ строгой холодной училки. Моя Колючка ни хрена не холодная, она жутко сексуальная малышка, и я уверен, что сейчас ее пальцы все мокрые, потому что она — со мной, и течет от меня.

Блядь же, как хорошо...

Выгибаю спину, забрасываю голову назад, и еще пару раз провожу по члену. Выдыхаю, пробую восстановить дыхание — но ничего не получается. Да ну на хуй!

— Знаешь, о чем я думал, когда трахался с рукой в своей постели? — подстегиваю ее фантазию. Настолько быстро к краю я еще ни разу не подходил, и меня нехило так трясет.

— О чем? — сглатывает она.

— О том, как усаживаю тебя на парту, задираю твою юбку и рву твои чулки.

Да, я хочу порвать на ней чулки. В хлам порвать. А потом надеть на нее новые — и снова порвать.

Кончики пальцев на ногах подгибаются, удовольствие рождается в затылке и быстро, словно стальной шарик, катится по позвоночнику до самого копчика.

— Ленский? — Она всхлипывает громко-громко, и мычит, явно закусывая губу. Голос дрожит, и я знаю, что сейчас моя малышка кончит вместе со мной.

— Да, детка?

— Я бы тоже этого хотела...

Вжимаю пятки в матрас, выдыхаю целую кучу бессвязной ругани, сильно и остро кончая себе на живот.

Глава двадцать восьмая: Варя

Наверное, я могла бы испытать удовольствие просто от одного звука его голоса.

Хриплого, низкого, с прикушенными стонами, которые Даня пытается сдерживать хотя бы через раз.

Я настолько мокрая, что теряюсь, потому что никогда раньше со мной не было ничего подобного. Всегда было сухо и больно. А сейчас я завелась настолько сильно, что придется менять трусики.

Даня хрипло дышит в трубку, рассказывает свою фантазию, и это как будто бы он залез в мою голову и сделал то, чего я хочу: именно так, все-все, до последней детали — именно так. С разорванными чулками, с холодной скрипучей партой у меня под ягодицами, с его расстегнутыми штанами и рубашкой, на которой я бы сорвала каждую пуговицу, чтобы добраться до выразительного рельефного пресса.

Меня неумолимо тянет вверх. Выше и выше, до облаков, в которых не хватает кислорода, чтобы нормально дышать. Мотаю головой по подушке, и чтобы сдержать крик, втягиваю губы в рот, прикусывая изнутри.

Сворачиваюсь калачиком.

Сладко и больно, горячо и холодно одновременно.

И ответный стон Дани, от которого я превращаюсь в бенгальский огонь: искрюсь, плавлюсь, распадаюсь на десятки искр и просто больше себе не принадлежу.

— Понравилась сказка, детка? — хрипло, без намека на улыбку, спрашивает Даня.

— Да, Ленский, очень понравилась, — честно, без заминки, признаюсь я.

Это очень плохо, что его «детка» заставляет меня чувствовать себя девчонкой, которую соблазнил куда более взрослый и опытный мужчина?

Я подумаю об этом в следующий раз.

Впервые за очень долгое время, я сплю как убитая. Меня не мучают кошмары, во сне за мной не гоняется маньяк с огромным топором, я не просыпаюсь от того, что муж во сне притрагивается ко мне то рукой, то

пяткой. Мне не хочется «случайно» упасть на пол и перебраться спать на диван или на кухню.

Я просто сладко и крепко сплю, и мне снится Эйфелева башня, снег, карамель в виде полосатых бело-красных тросточек, и горячий вкусный кофе в стаканчиках с логотипами «Старбакс», которыми мы с Ленским меняемся, чтобы попробовать вкус друг у друга.

Утром я просыпаюсь отдохнувшая, как будто прогулка по заснеженному Парижу была реальностью. И хоть на часах всего шесть тридцать, я чувствую себя отдохнувшей, как будто проспала целую неделю.

Пока все домашние спят, принимаю душ, переодеваюсь и готовлю омлет на всех. Отдельно подсушиваю гренки, открываю домашний джем, а для Вали варю овсянку.

Когда в дверь звонят, на часах начало восьмого. Мать только-только проснулась и как раз зашла на кухню. Смотрит с извинением, как будто это ее вина, что мне пришлось делать завтрак. Молча протягиваю ей чашку с кофе и говорю, и нас беспокоит утренний гость.

— Кто это в такую рань? — Мама вопросительно на меня смотрит, но я мотаю головой — мне бы и в голову не пришло приглашать гостей. — Я открою.

Пока она идет к двери, меня начинает мучить странная тревога. Из головы не идет вчерашний звонок мужа, и его «проверка», которую я с треском провалила. Очень в духе Пети взять — и нагряться в такую рань, убедиться, что я действительно шлюха и провела ночь не дома.

Одновременно с моим глухим: «Пожалуйста, не открывай...», мама щелкает замком и опускает ручку двери.

Закрываю глаза, надеюсь, что это просто сон. Просто кошмар, который все-таки догнал меня, и если я быстро вспомню, что все еще сплю — ничего не произойдет.

— Мам... — слышу знакомый мужской голос.

Открываю глаза — и сердце с облегчением вздрагивает, словно смертник, которого оправдали прямо на электрическом стуле за секунду до отмашки.

Вовка все-таки приехал.

Обнимает мать, извиняется, что не мог раньше, ищет, куда бы поставить здоровенные сумки, и улыбается мне из-за ее плеча. Вот теперь мы все в сборе. Осталось забрать Дениску из больницы — и все

будет хорошо.

Глава двадцать девятая: Варя

В одиннадцать мы с Вовкой идем в больницу к Дениске.

По дороге он рассказывает то, о чем не хотел говорить при матери.

— Я документы оформляю, — немного заикаясь говорит брат. Он с детства так: стоит зайти серьезному разговору — и вспоминается детская привычка. — Еду в Европу. На другие хлеба. Парни с завода еще летом рванули, обустроились. Ну и я подумал: чего сидеть? Деньги нужно зарабатывать.

Он привез матери все свои сбережения, и еще кое-что, что удалось наскрести у друзей. Прилучая сумма, которую мать отказывалась брать, раз теперь Дениске эти деньги уже не нужны. Но Вовка настоял, сказал, что ей они все равно нужнее, а себе он и так заработает, потому что взрослый мужик и пора братья за ум.

— Ты... повзрослел, — озвучиваю свои наблюдения, и брат хмыкает. Он всего на пару лет меня старше, но я всегда относилась к нему, как к младшему.

— Я жениться собираюсь, Варька, — говорит как будто немного смущаясь.

Мы переглядываемся — и молча просим друг у друга прощения, что хоть и живем в одном городе, но последний раз виделись год назад, у меня на свадьбе, и с тех пор только изредка перезваниваемся. Как-то синхронно останавливаемся, обнимаем друг друга — и снова бредем в больницу. По дороге у брата рот не закрывается: рассказывает о своей избраннице. Она — моя ровесница, с годовалым ребенком на руках, которого Вовка с гордостью называет «наш сын». Не перебиваю и даю ему насладиться эйфорией собственного счастья.

— Ребята сказали, что за полгода можно хорошо заработать, найти приличное жилье и забрать Маришку с сыном к себе, — делится своим грандиозными планами брат.

— И когда едешь?

— Да я всего на пару часов, — виновато бубнит он. — Проведаю Дениску, потом заскочу к матери попрощаться, и сразу отсюда — на вокзал. Жаль, квартиру снял наперед, а хозяйка деньги вернуть отказалась.

— Квартиру? — переспрашиваю я, и зачем-то поднимаю голову вверх. Кажется, будто именно сейчас Провидение смотрит на меня с хитрой улыбкой. — Надолго?

— Еще полтора месяца. Фигня в общем.

— Вовка! — От волнения я не могу сдержать крик, и брат ошарашенно косится на мой, наверняка безумный, вид. — Можно, я там поживу?

— Да не вопрос, — не понимает он. — Только ты ж вроде...

— Я на развод подаю. И мне нужно уйти от мужа, потому что... — Чуть было не говорю: «Он меня просто убьет», но вовремя притормаживаю. — Потому что у него тяжелый характер и будет лучше, если мы сразу разбежимся каждый по своим углам. Да еще и свекровь теперь с нами под одной крышей. Не хочу приходить домой и выслушивать, какая я стерва. А денег на жилье вообще кот наплакал.

— Ключи у Маришки остались, она пока с мамой живет, ей с ребенком одной тяжело — учится еще, и подрабатывает удаленно из дому. Только, Варя, это однушка, для холостяка. Очень скромная.

Я просто еще раз крепко-крепко его обнимаю.

В три часа я прихожу к магазину, около которого мы с Даней договорились встретиться. Я еще раз благодарю его молчаливой улыбкой за понимание: он не спрашивает, почему я не разрешаю заехать за мной к дому матери.

В машине тепло, и я снова снимаю пальто и обувь, позволяя Ленскому укутать себя в плед. Но на этот раз даю себе клятвенное обещание не спать всю дорогу, чтобы насладиться каждой минутой времени рядом с ним.

Когда мы вернемся, все изменится.

Скорее всего — даже наверняка — навсегда.

Глава тридцатая: Варя

— Спасибо, что подвез, — говорю я, когда Даня притормаживает около дома, где живет Вовкина невеста. — Спасибо... за все, Даня.

Ленский недоверчиво осматривает старенькую пятиэтажку, как будто чувствует, что я что-то недоговариваю. Не могу и не буду вешать на него свои проблемы. Даже если он ведет себя как взрослый, ему все равно только восемнадцать, и проблемы моего развода не должны портить ему жизнь. Может быть, я максималистка и все вижу в неправильном свете, но примеряя на себя роль матери такого вот Дани, понимаю, что не желала бы сыну такой судьбы: стоять под обстрелом тяжелого развода его взрослой учительницы.

— Отсюда тяжело добираться, — говорит Даня, взглядом цепляясь за табличку на доме. Это в самом деле Тмутаракань, и отсюда до школы — два с хвостиком часа на перекладных. Но квартира Вовки — еще дальше, так что с поездками придется туго. — Точно не хочешь, чтобы я тебя утром забрал? Не обязательно же прямо под окнами.

— Точно не хочу, — улыбаюсь я.

Вижу, что он подается вперед, чтобы поцеловать меня, и быстро выскакиваю из машины. В горле ком, глаза щиплет от желания просто разреветься. Даня быстро опускает стекло и я, уже стоя на крыльце, машу ему на прощанье. И сразу в подъезд, бегом на второй этаж, прижимаюсь к стенке, и украдкой смотрю в окно. «Порше» стоит еще минуту, а потом уезжает.

На самом деле Марина живет не в этом подъезде и даже не в этом доме. Она живет в соседнем дворе. Возможно, я зря перестраховываюсь, и Даня все равно не станет меня искать, но он кажется таким упрямым, что никакая предосторожность не будет лишней.

Я забираю ключи и еще примерно полтора часа добираюсь до Вовкиной квартиры. Сажу в почти пустом вагоне метро, дышу на окно и в сизом облачке пара рисую веселый смайлик.

Брат не соврал: квартира крохотная и очень скромная. Старая ржавая ванная, продавленный до пружин диван, закопченная плита. Зато вся мебель на месте, есть стиральная машина и интернет. Жаль, что все мои вещи, и ноутбук, остались квартире мужа.

Первым делом я пишу Пете сообщение: «Я ушла от тебя и подаю на развод»

Отправляю и даже не удивляюсь, когда он мгновенно пишет в ответ: «ТЫ ВООБЩЕ ОХУЕЛА???»

Отвечать нет смысла. Разговаривать — тоже. Я все равно буду блядью, проституткой и шлюхой, я все равно буду грушей для битья. Что бы я ни сказала, любой, даже самый покорный тон, будет поводом морально или физически сделать мне больно. Огрызаешься? Значит, тварь и стерва. Ведешь себя смиренно? Значит стыдно, значит есть за что извиняться.

Следующий телефонный звонок — директору «Эрудита». На часах только начало седьмого, и я надеюсь, что не помешала никаким его вечерним планам, но на всякий случай все равно извиняюсь. Сразу перехожу к делу: у меня резко изменились жизненные обстоятельства, и я должна уволиться. Прошу, если это возможно, дать мне расчет прямо завтра, потому что для меня это вопрос жизни и смерти. Он говорит: «Хорошо, в канцелярии приготовят документы, приезжайте с заявлением к девяти, Варвара Юрьевна».

И все.

Вот так: просто, коротко, сухо и вполне обыденно, я круто изменила свою жизнь и шагнула в неизвестность.

Через полчаса начинается настоящий кошмар: такое чувство, что Петя поставил телефон на автодозвон и решил взять меня измором. Я не отвечаю.

Потом приходит сообщение от Дани: «Какой кофе хочешь завтра утром, Колючка?»

Сползаю по стенке, роняю голову в колени и закрываю голову руками. Мне очень хочется ему ответить. Очень хочется позвонить и попросить приехать. Не для поцелуев и не для того, чтобы любоваться его запястьями и длинными ресницами, а просто побыть рядом. А потом Петя пишет: «Я тебя, суку, убью». И я быстро трезвею.

Он может.

И не только меня, но и любого мужчину, который окажется рядом.

Есть только одна хорошая новость во всем этом болоте: мне пришел ответ из частной гимназии «Меридиан», куда я направляла свое резюме. Меня приглашают на собеседование, во вторник в четырнадцать тридцать.

Чтобы проветрить голову и заодно отвлечься от тяжелых мыслей, иду в магазин и намеренно оставляю телефон дома. Долго брожу по району, пытаюсь расслабить себя мысленными шутками собственного производства об Иване Сусанине. Я всегда плохо ориентировалась на местности, а в чужом районе и подавно. Плохая была идея выйти без телефона, но мир не без добрых людей: и дорогу до ближайшего супермаркета показали, и где метро.

Брожу между полками, стараясь складывать в корзину только самое необходимое: еда на первое время, гигиенические принадлежности, полотенце, белье, колготки. Становится страшно, потому что у меня нет ни единой вещи кроме тех, которые на мне и которые я брала с собой в поездку. И денег тоже нет. Теперь уже почти нет и работы, а будет ли новая — еще неизвестно. Если попросят дополнительные рекомендации — хоть в резюме я честно озвучила весь свой опыт работы — мне нечего будет предоставить, кроме того, что я уволилась с предыдущей работы в связи со сменой места жительства. Никакой другой причины я озвучивать не собиралась.

Светодиод телефона беспощадно моргал разноцветными огоньками: несколько сообщений, куча пропущенных вызовов. Звонки от мужа и от мамы, сообщения тоже от Пети, и еще одно — от Дани: «Напиши, когда будет возможность. Не молчи. Волнуюсь»

Я знаю, почему он не звонит. Думает, что рядом муж и не хочет ставить меня в ту ситуацию, над которой посмеялись в доброй части анекдотов и шуток во всяких комедии-шоу.

Противно. До чего же противно от себя самой. Не могу я ничего ему сказать, не хочу и не буду в это втягивать. Потому что это — мои взрослые проблемы, и Дания не имеет к ним никакого отношения.

Пусть лучше думает, что я просто его кинула. В его возрасте у парней нет проблем с забыванием. Да и Варламова наверняка не упустит возможность отвоевать его обратно, тем более в поездке, тем более — где-то там, откуда будет красивый вид на украшенную иллюминацией цветов национального флага Эйфелеву башню.

Я быстро стираю вещи, переодеваюсь в пижаму и делаю несладкий чай. От одной мысли о еде начинает тошнить. Хотя, кого же я обманываю? Здесь меня могут услышать разве что тараканы.

Тошнит меня не от еды — есть просто не хочется.

Мне больно от мыслей, что Ленского, пусть он не мой и моим

никогда не был, придется отдать.

Глава тридцать первая: Варя

Тяжелее всего прийти утром в школу.

Страшно нарваться на мужа, который запросто может подкарауливать меня здесь.

И страшно, что в коридоре можно столкнуться с Даней, хоть кабинет директора и канцелярия совсем в другом крыле.

Но нет ни Пети, и Дани. Я быстро отдаю заявление и сижу в кабинете, нервно перебирая на коленях юбку, пока мне делают запись в трудовую и передают все документы. Пока девочка из канцелярии говорит, что за отработанное время мне заплатят отпускные, дверь открывается и в канцелярии появляется Коршунова, за которой мнетя ее дочка. В отличие от матери, девушка очень эффектная: белые гладкие волосы, высокая, стройная, наверное, нравится мужчинам, потому что у нее всего хватает в тех местах, которые они обычно любят трогать.

— Жаль, что вы нас так быстро покидаете, Варвара Юрьевна, — говорит Коршунова, и если это хоть немного похоже на «жаль», то я тогда ничего не понимаю в злой иронии.

— Хорошей поездки в Париж, — искренне желаю я. Нет смысла тратить злость и нервничать из-за того, что для кого-то мои жизненные неприятности превратились в билет в сказку.

— Так я не еду, — тут же говорит она. Ведет плечом в сторону дочери, поясняет: — Леночку поставили на ваш класс. Бывший ваш класс. Вот, оформления всякие заканчиваем.

Я рада, что именно в эту минуту девушка из канцелярии передает мне «трудовую» и я буквально выбегаю из кабинета, уже на ходу забрасывая документы в сумку. Ничего не вижу. Слезы в глазах, горло сдавливает так, что не вздохнуть. Бегу по ступенькам, уже почти добираюсь до двери, когда где-то над головой раздается знакомый голос.

Даня. Разговаривает с кем-то из одноклассников. Даже стыдно становится, что его голос я узнала мгновенно, хоть сейчас перемена и шум стоит такой, что я даже собственные мысли слышу с трудом, а вот с кем он говорит — понятия не имею. Вроде знакомый, но может не из моего класса?

Нет, больше не моего.

В последний момент успеваю спрятаться за колонну. Ленский проходит мимо и меня раздирают противоречивые чувства: с одной стороны, рада, что не заметил, а с другой — больно, потому что в глубине души хотела быть замеченной.

Он выходит на улицу, и я потихоньку выхожу из своего убежища, жадно вдыхаю запах мяты и в последний раз смотрю на крепкую спину в одной только модной черной рубашке.

Из школы я выхожу через столовую, хоть поварам моя просьба явно не по душе. Но мне уже все равно.

Домой я не возвращаюсь. Еду в район «Меридиана» и просто гуляю там все несколько часов до времени, на которое мне назначено. Рука то и дело тянется к телефону, который я нарочно спрятала подальше: в глубокий кармашек с жутко неудобной молнией. Там наверняка куча новых угроз от Пети. Но мне до них нет никакого дела. Перегорело так сильно, что даже если бы он приставил пистолет к моему виску, я бы просто улыбнулась и высказала ему в лицо, какой он трус.

Меня пугают возможные сообщения от Дани. Им наверняка уже представили новую классную и учительницу литературы. Вспоминаю всю из себя младшую Коршунову в эффектном костюме и с фигурой, от которой слюни потекут у всех мальчишек. И у моего Ленского тоже. У него тем более — он же такой взрослый.

Не моего.

Трясу головой и с облегчением вижу, что стрелки на часах подобрались к нужному времени.

«Меридиан» — красивая большая гимназия с профильными классами. Я навела справки, когда отправляла резюме. Здесь учатся только с пятого по одиннадцатый, младшей школы нет. Учеников больше, время работы на пять лет старше «Эрудита». Целая куча выпускников со всякими дипломами, лидер среди учебных заведений в области. Честно говоря, я отправила резюме наобум, потому что была уверена — в таком месте никому не нужна девушка без опыта, а требования к кандидату, скорее всего, составлены без одобрения руководства.

Меня сразу проводят к директору, в красивый светлый кабинет, в котором мне сразу нее по себе, потому что здесь все, как в будущем: техника, мебель и даже цветочные горшки.

— Варвара Юрьевна? — Мужчина поднимается из-за стола и идет мне навстречу.

На вид ему как будто максимум тридцать: дорогой костюм, светлые волосы, голубые глаза за стеклышками стильных очков, модный намек на бородку. Дружелюбный взгляд располагает к разговору.

— Добрый день, — с трудом выдавливаю из себя. Чувствую себя неуютно, когда он протягивает руку и пожимает мою ладонь. — Я не опоздала?

— Думаю, вы и сами понимаете, что нет? — улыбается он. — Игорь Александрович Разин. Присаживайтесь.

Указывает на кресло с обратной стороны стола, а сам усаживается на рабочее место. Кладет на стол пару листов, один протягивает мне.

— Это ваше резюме? Нет никаких ошибок?

Бегло просматриваю распечатку, киваю. Он улыбается и предлагает начать собеседование.

Несколько вопросов — и я сразу понимаю, как он оказался на важной должности в таком молодом возрасте. Его не интересует мой опыт, но вопросы о методах работы по предмету, педагогике. Интерактивных технологиях и активных методах обучения сыпятся из него, как горох из рваного мешка. И я немного успокаиваюсь только после того, как вижу явное одобрение моих ответов.

— Вы написали, что у вас есть небольшой опыт классного руководства? — уточняет Игорь Александрович.

Я честно говорю, что этот опыт и правда небольшой, но он все равно просит рассказать, в чем я видела свою задачу, как классного руководителя. Озвучиваю все темы классных часов, общение с родителями, интерактивное общение со своими детьми. Почти уверена, что это совсем не то, что должна делать опытная учительница, но мужчина улыбается и снова кивает.

— Надеюсь, вы не из пугливых, Варвара Юрьевна, потому что к вашей должности учителя литературы мы предложим вам еще и «11-А».

Понятия не имею как, но мне удастся сдержать нервный смешок.

— То есть... я принята? — несмело уточняю я, боясь вставить себя дурочкой.

— Как только оформите документы.

— У меня все с собой... — начинаю я и тут же прикусываю язык.

— Люблю оптимистов! — улыбается Игорь Александрович,

открывает дверь и говорит: — В таком случае, сегодня оформляетесь, а работать — с завтрашнего дня. С корабля на бал.

За всеми хлопотами с оформлением, я совершенно не замечаю, как за окнами темнеет. Мне дают расписание звонков, показывают мой стол в учительской, проводят по основным кабинетам и вводят в курс дела.

Выхожу на улицу — и натыкаюсь на Игоря Владимировича.

— Думаю, «Меридиан» сегодня пополнился отличным специалистом, — говорит он, и добавляет. — Вы далеко живете? Я на машине.

Обычная вежливость, но я энергично от нее отказываюсь. И так чувствую себя человеком, которому выдали слишком большой кредит доверия, который нужно во что бы то ни стало оправдать.

Когда возвращаюсь домой, сердце ёкает, потому что около соседнего подъезда стоит как будто знакомая машина. Подхожу ближе, выдыхаю, еще на что-то надеясь, но очевидно, что это и близко не его машина.

И в телефоне, который я проверяю только перед сном, сообщение от Дани: «Пожалуйста, вернись ко мне, Колючка».

Я знаю, что приходит в первый рабочий день с заплаканными глазами — худшее, что может быть, но все равно плачу, удаляя все его сообщения и свой аккаунт в вайбере.

Глава тридцать вторая: Даня

23 декабря

— Даня, вставай! — слышу раздраженный голос матери из-за двери. Настойчивый стук. — Ты не можешь прогуливать школу вечно. Мне уже надоели звонки Елены Викторовны и угрозы твоего отчисления за постоянные прогулы без неуважительной причины.

— Пошли их на хер, — говорю в подушку, и чуть громче уже ей: — Скажи, что я больной. Сделай мне справку, ма.

Не пойду я в эту гребаную школу.

— Больше никаких справок, Данил! — Она уже явно на взводе. — Не вынуждай меня поднимать этот вопрос при отце. Ты знаешь, что он сделает.

Знаю. У нас уже был разговор в прошлом году, когда я просто тупо забил на учебу, потому что у меня был сезон соревнований и я просто не вылезал из спортзала. Отец сказал, что либо я учусь ответственности и работе головой, и получаю место стажера в одном из его банков, либо он возьмет того, котомку это действительно нужно.

— Уже одеваюсь, — бросаю я.

Тянусь к телефону уже почти на автомате, потому что надежда подохла еще на прошлой неделе.

Ноль. Ни сообщения, ни звонка.

Все, что я знаю — сплетни, которые гуляли по школе первую неделю после ее увольнения: Варвара Юрьевна сбежала от мужа к богатому старому арабу и укатила в Эмираты, чтобы стать «русской жемчужиной» в его гареме. Знаю, что это бред, но это единственное, что я вообще о ней знаю.

Принимаю душ, смотрю на себя в зеркало и вспоминаю вчерашний бой. На роже осталась пара синяков и небольшой шрам на лбу. Родители думают, что я просто слишком энергично готовлюсь к январским соревнованиям. Это хорошо, потому что рожа — почти единственное «живое» место на мне. Никогда в жизни я не заходил в клетку так часто. Никогда не дрался так, будто из меня выгрызли душу и осталась только механическая работа рук и ног.

На занятия я все равно опаздываю: по пути зачем-то заезжаю в

«Старбакс», покупаю кофе и в последний момент прошу не писать на стаканчике «Колючка». Девчонка на кассе улыбается и заменяет имя пожеланием «Хорошего дня!» Вдогонку говорит, что освобождается сегодня после четырех.

— Я уже занят, — вру в ответ и она, краснея, извиняется.

Заглядываю в учительскую, хрен знает зачем. Знаю, что стол Колючки давно пустует, и вернуть ее может разве что ураган из сказки про Элли и Волшебную страну.

Нам поменяли расписание, и сегодня литература — последним уроком. Откровенно валяю дурака: врубаю музыку на максимум, вытягиваю руки на парте и закрываю глаза.

Прошло почти две недели.

Должно бы стать легче, но не становится.

Мне очень хуево без нее. Никогда в жизни так не было, чтобы сердце болело от острой нехватки одного-единственного человека. Иногда просыпаюсь ночью от того, что в груди горит, словно меня изрешетили, как мишень на стрельбище.

Если она ушла от мужа — почему не сказала мне?

Потому что взрослой женщине не нужен «мальчик»?

— Даня, задержись, — останавливает меня классная, когда я после звонка плетусь к двери.

— Что? — не поворачиваю головы.

— Нужно поговорить о твоих оценках. Или мне снова позвонить твоей матери? Или на этот раз отцу?

Я просто заваливаюсь на первый же стул, вытягиваю ноги, и демонстративно смотрю в одну точку на доске. Коршунова вырастает передо мной, упирается ладонями в парту, наклоняется, перекрывает мне обзор своими сиськами. Вообще по херу. Даже не екает.

— Ленский, прекрати меня рассматривать, — говорит Коршунова слишком нарочитым шепотом. — Или я подумаю, что нравлюсь тебе.

Смотрю на ее лицо: училка корчит типа_возмущение.

— Ты же нарочно ее расстегнула до самого лифчика, — озвучиваю свои наблюдения.

— Ленский!

— Пошла ты, Коршунова. Если захочу трахнуть проститутку — куплю элитную блядь, а не дешевую шмару. Могу себе позволить. А ты дай историку — он давно на тебя в туалете дробит.

Она заносит руку, чтобы ударить меня по лицу, но я без труда отбрасываю ее неудавшуюся пощечину, иду к двери и показываю средний палец всем угрозам в спину.

На улице уже поджидает Варламова. Стоит прямо возле моей машины и демонстративно улыбается до ушей, как будто хочет сказать, что готова быть сегодня хорошей и не пороть всякую херню взамен на то, что, видимо, прямо сейчас собирается попросить.

Молча сажусь за руль. Варламова мнетя и приходится посигналить ей, чтобы перестала изображать девочку-припевочку. Она тут же запрыгивает на соседнее сиденье, быстро смотрит по сторонам и тянется за лежащим сзади пледом.

— Не трогай, — пресекаю ее попытку.

Я нарочно держу его там, хоть давно пора бы спрятать обратно в багажник. У меня больше нет «хорошей девочки», которую нужно в него заворачивать, словно маленькую.

Больно, сука. Как же больно. Жаль, что нельзя выковырять из груди сердце и спрятать его за тридевять земель. Пусть бы болело и ныло там, где мне будет глубоко на это наплевать.

— Я замерзла, — ворчит Варламова.

— Что надо? — игнорирую ее попытку вывести меня на чувства.

Родители снова в разъездах. Поехали ко мне. — Сует руку в сумку, недолго копается и достает пакет с «травкой». — Повеселимся.

— Меня эта дрянь не вставляет.

Тысячу раз говорил, а она снова и снова делает вид, что я просто ломаюсь. Раз было — пробовал. Чувствовал себя воздушным шариком, которого поболтало в сосновом бору. Не понял кайфа и еще раз не тянет. Мне бы и с обычным куревом завязать, но пока что никотин — единственное, что не дает мне сдуреть, когда мыслей о Колючке становится слишком много.

— Ну, Лен, я соскучилась... — Она тянется ко мне с поцелуями, но от вида ее намазанных какой-то блестящей жирной дрянью губ просто выворачивает.

— Отвали, сказал ведь уже. — Брезгливо отмахиваюсь от ее рук, завожу мотор. — Домой подвезу.

Мне все равно по херу, что делать и чем себя занять.

Радует только то, что завтра у нашей сборной финальная игра со сборной «Меридиана», и после этого до каникул останется ровно один

день, на который я, традиционно, забью болт.

— И на пляж со мной не хочешь? — продолжает корчить дуру Варламова.

Просто удивительно, как я раньше терпел ее болтовню и откровенную тупость. Так и хочется достать из ее сумки учебники и настучать ими по башке — вдруг хоть каплю знаний вколочу и разукрашу ее идеально гладкий мозг намеком на извилины. Хотя, о чем это я? В такую сумку поместиться разве что помада, презерватив и «травка».

— У меня другие планы, — бросаю я, прикуривая от зажигалки в машине.

— С классом не едешь, со мной тоже не хочешь. — Я практически надеюсь на какой-то глубокомысленный вывод, но вместо этого слышу еще один глупый вопрос: — Ты правда будешь просто киснуть дома? Seriously?

Она почти смеется, но мне глубоко ко хую, что она думает обо мне и моих планах.

Притормаживаю около ее дома, жду, пока Варламова выйдет, на прощанье окидывая меня сочувствующим взглядом. В самом деле: если я не туплю, не оттягиваюсь на дорогом курорте за деньги родителей, не «гоняюсь за драконом» и не трахаю все, что движется — я пропащий член общества.

Дура просто не в состоянии понять, что она до сих пор катается на розовом пони, а я давно готов пересесть на метро взрослой жизни.

Жаль, не с кем.

Глава тридцать третья: Варя

24 декабря

Эти две недели были очень странными. Тяжелыми, нервными, иногда даже слишком острыми, но странными не в самом плохом смысле этого слова.

Начать с того, что на третий день моего побега меня отыскал муж. И как бы я не готовилась к его встрече, не пыталась собрать к этому случаю моральные силы, оказалось, что ни черта у меня не получилось. Увидела его на крыльце, когда выходила в обеденный перерыв — и поняла, что мне нужно либо быстро сбежать, либо взять все, что попадется под руку, и дать бой. Но не во дворе же школы, когда вокруг дети?

Он просто стоял и ждал, когда я к нему подойду. А я не подошла. Спустилась с крыльца во двор и прошла дальше, туда, где наш разговор, даже если он снова начнет орать — не сможет услышать играющая с выпавшим снегом детвора. Судя по Петиному лицу, ему ох как не понравилось, что непослушная беглянка задала тон разговору. И все же подошел, небрежно сказал что-то в духе: «Вернись, дура, я все прощу», услышал еще одно мое нет и потянулся с кулаками. Но как раз в тот момент рядом притормозила машина Игоря Александровича и Петя раздумал наводить порядки в доме.

Мой директор даже не удивился, когда я ни с того, ни с сего, подстроилась под его шаг и вдруг начала нести ерунду о том, что мы с классом уже определились с планами на зимние каникулы. К счастью, на этот раз без экстрима: просто мастер-классы, пара походов в кино, бассейн. Оказалось, что не только первоклашки любят проводить каникулы все вместе, но и среди моих орлов — кстати, очень дружных! — нашлось целых двенадцать человек желающих провести время за пределами квартир и без игровых приставок. Несколько человек уезжали с родителями на отдых, еще несколько отказались просто так.

И пока я все это рассказывала моему внимательно слушающему директору, я чувствовала на горле удавку Петиного взгляда. Когда зашли внутрь, я выдала себя слишком громким вздохом облегчения, и

Игорь Александрович тут же пригласил зайти к нему в кабинет. Как оказалось — не для разговора по работе, а для беседы по душам.

В итоге я рассказала все: и о своем неудавшемся браке, и о бегстве, и о том, что собираюсь развестись. Мужчина молча выслушивает меня и когда я старательно обхожу тему насилия, предлагает мне сделать паузу, вызывает секретаря и просит сделать мне чай с лимоном. Только когда я делаю пару глотков и заметно успокаиваюсь, предлагает продолжить. А когда моя история подходит к концу, говорит, что от таких идиотов можно ждать чего угодно и, не спрашивая моего согласия, озвучивает желание с этого дня подвозить меня с работы и на работу. «Пока у вас все не наладится», — поясняет свои намерения.

Мне хочется сказать ему «нет», но страх сильнее. Если буду одна, мужу ничего не стоит меня подкараулить.

Через несколько дней я звоню свекрови. Даже удивительно, что она сразу берет трубку. Сперва выливает ушат помоев, рассказывая, какая с неблагодарная, потом в подробностях расписывает, почему всегда знала, что я не пара ее Петеньке и что он обязательно найдет себе достойную женщину, готовую любить его, уважать и быть верной подругой. Я в ответ напоминаю, что через чур буйная радость в ее состоянии может быть вредной для здоровья, и что ее «Петенька» — не Владимир Ильич, чтобы я ради него стала Крупской. Обменявшись «любезностями», мы более-менее способны к нормальному разговору. Озвучиваю свою позицию четко и ясно: мне не нужен ее сын, я не претендую ни на какое имущество, не собираюсь подавать в суд на раздел. Я просто хочу забрать свои вещи и сделать это, пока Пети не будет дома. Намекаю на то, что наша встреча может всколыхнуть во мне чувства и если он попросит меня остаться... Свекрови этот вариант развития не по душе. Могу поспорить, что она уже подыскала ему идеальную правильную девушку.

На следующий день я убегаю с работы пораньше, беру такси и еду за своими вещами. Пока собираю их в заранее купленные спортивные сумки, свекровь вьется надо мной коршуном, продолжая поносить на чем свет стоит. Когда хочу забрать ноутбук, набрасывается на меня чуть ли не с кулаками. Он — мой. Я купила его на свои деньги, которые сама же и заработала. Пытаюсь сказать это, но бессмысленно. Оставляю ноут на столе и кладу на крышку обручальное кольцо.

В выходные муж снова достает меня звонками и на этот раз мне

приходится взять трубку. Говорю, что хочу развод, а он говорит, что я блядь и проститутка, и он видел моего нового ёбара, с которым я катаюсь на машине, как шлюха с кольцевой. Издевается, напоминает, что по закону у меня не примут заявление от одного человека, а он никогда не сделает мне такой подарок.

Я отключаюсь и больше не отвечаю на его звонки.

В понедельник иду к юристу и с облегчением выдыхаю, когда он говорит, что в моей ситуации можно просто подать заявление в суд. Это будет дольше, но у нас нет общих детей и материальных претензий, поэтому грамотно составленное заявление и все необходимые документы решат большую часть проблем. Слава богу, услуги юриста по подготовке заявления стоит не так дорого, как я думала, и деньги за мой «отпуск» покрывают все расходы.

Сегодня четверг и я успеваю отнести заявление в суд, а потом как угорелая несусь обратно в школу, потому что трое мальчишек из моего класса играют в сборной «Меридиана», и я должна быть в зале, потому что сегодня финальная игра, а я, за всеми своими личными проблемами даже не знаю с кем же они играют.

Влетаю в школу, на ходу стаскиваю пальто, потому даже с улицы слышен безумный визг и крик в спортзале, а значит игра уже началась. Бросаю взгляд на часы: не может быть, я приехала на пятнадцать минут раньше. Спрашиваю вахтера который час, и точно — я опоздала на тридцать минут. Конечно, присутствовать на матче мне не обязательно, но мне хотелось поддержать учеников, тем более, что все девочки из моего класса заказали комплект маек с нашими номерами — один, три и шесть. И еще два мальчика из параллельного одиннадцатого. У меня тоже есть майка с номером один и я по пути забегаю в женскую раздевалку, чтобы натянуть ее прямо поверх «водолазки».

Заглядываю в зал — и голова чуть не лопается от громкого свиста. Кажется, кто-то только что забил мяч. Надеюсь, что «наши».

Глава тридцать четвертая: Варя

Пробиться в первые ряды почти нереально. Я нахожу взглядом своих учениц, которые вместе с другими девочками уже нарядились в футболки, нарисовали на щеках эмблемы школы и всюю размахивают помпонами. На тот конец зала мне точно не пробраться, а судя по времени на табло, счет пошел на последние минуты игры и перерыва уже не будет.

Неподалеку стоят учительница английского и биологии — почти мои ровесницы. Машут руками, предлагая встать рядом с ними на скамейку. Обычный баскетбол как будто, но собралась вся школа, пришел даже наш пожилой историк.

Забираюсь на скамейку, рассматриваю противников: «Меридиан» играет в бело-синей форме, вторая команда — в желто-черной. Сережа Стриж, мой ученик и капитан команды, как раз пытается увести мяч у своего соперника, но тот делает почти мастерскую обводку, выстукивает мячом почти идеальный ритм, обегает соперника, вырывается вперед, пасует — и мое сердце быстро, словно сорванный лифт, падает в пятки.

Даня.

Это. Мой. Даня.

Майка прилипла к его потному телу, и я впервые вижу обнаженные до самых плеч руки: смуглые, жилистые, крепкие. Хватаюсь голодным взглядом за черные напульсники, пальцы, которыми он играет мячом так запросто, как будто занимается на единоборствами, а баскетболом, как будто ему на роду написано быть вторым Майклом Джорданом.

До кольца всего пара метров, но «Меридиан» уже выстроил защиту, и «Эрудит» разыгрывает несколько пасов, прежде чем мяч снова возвращается в руки Ленского. Он прорывается вперед: быстро, легко. Уже под кольцом, стряхивает соперника — и подпрыгивает, жестко вкладывая мяч в корзину. Цепляется обеими руками за стальное кольцо, зависает. Майка задирается, обнажает мускулистый живот и выглядывающую из-за линии шорт белую резинку трусов с каким-то — наверняка известным — брендом.

Неудивительно, что даже мои соседки по скамейке выразительно

стреляют в него глазами.

Судья объявляет победу «Эрудита».

Даня спрыгивает на пол, трясет мокрыми волосами, даже не глядя по сторонам. Хватается за майку на лопатках и в одно движение стаскивает ее через голову, вытирает лицо. Идет к двери, даже не общая внимания на общую эйфорию победы. Разогретые игрой мускулы играют под кожей, грудь часто поднимается и опускается, мокрые волосы сосульками свисают со лба. Какая-то девчонка вырастает перед ним, словно гриб после дождя, нагло хватается за майку, что-то говорит, пытаюсь перекричать шум толпы.

Даня кивает.

Мое сердце просто останавливается, когда девчонка получает свой трофей: вынимает майку из его расслабленных пальцев. И, не теряясь, обнимает его за шею, целуя в губы так порывисто, как может целовать только заряженная адреналином игры старшеклассница.

Закрываю глаза, слепо схожу со скамейки.

Уйти. Нужно просто уйти. Нельзя чтобы он меня видел. Нельзя, чтобы я еще хоть раз увидела, как на нем виснет другая. Школьница. Девочка как раз ему по возрасту, а мне хочется схватить ее за плечи и оторвать от Дани. Просто так. Чтобы не целовала те же губы, что целовала и я.

Господи боже, это просто абсурд, и он вполне реален, потому что происходит в моей голове и рвущемся на части сердце.

Я выйду из зала через вторые двери, а не через раздевалки. И мы с Ленским не столкнемся.

Осторожно, пробираюсь сквозь прущую в обратную сторону толпу. Девочки активно обсуждают игроков, и понятно, что Ленский сегодня стал кумиром девичьих грез. Они без стеснения громким шепотом обсуждают, как и где с ним можно столкнуться, обсуждают его фигуру и прическу. Стараюсь не слушать, мысленно забивая голову считалками на все лады.

Дверь уже почти рядом. Задерживаю дыхание и толкаю ее, намереваясь сделать следующий вдох уже на улице.

Заперто.

На всякий случай дергаю ручку снова и снова, пробую потянуть на себя и надавить плечом — бестолку. Наверное, закрыли, чтобы в зал, под видом болельщиков, не пробрались посторонние. Осматриваюсь по

сторонам — зал стремительно пустеет. Ладно, в конце концов, можно посидеть здесь минут двадцать, когда все наверняка разойдутся, и спокойно выходить через раздевалки.

На всякий случай засекаю время на телефоне — наручные часы все равно стоят. Достаяю конспект, чтобы убить время за подготовкой к завтрашнему уроку. Даже хорошо, что так получилось: дома, наконец, займусь чисткой посуды и ванны. Я уже виделась с хозяйкой мы с ней договорились, что когда выйдет оплаченный братом срок, платить за жилье буду я. Цена меня вполне устраивает, хоть, говоря по правде, она все же завышена. Но именно в этой квартире мне, судя по всему, придется провести следующих пару лет своей жизни, пока нормально не встану на ноги. С первой зарплаты обязательно куплю хотя бы подержанный ноутбук, размещу пару объявлений о написании курсовых и дипломов. Сейчас, когда времени по вечерам стало больше, я вполне могу найти дополнительный доход. Не хочется об этом думать, но история с разводом только началась, и очень наивно надеяться, что муж так просто отступится. Поэтому нужно быть готовой держать удар, в том числе — финансовый, если придется привлечь адвоката.

Но кого я обманываю, думая обо всем этом сейчас?

Взгляд то и дело тянется к двери. Пару раз поднимаюсь и снова сажусь. Вспоминаю, что на мне до сих пор майка баскетбольной команды «Меридиана» и снимаю ее, почему-то чувствуя вину за то, что рада победе «Эрудита» только потому, что за эту школу играл Даня.

Снова в голове та нахальная девчонка. Снова в воспоминаниях ее руки на шее Ленского, ее поцелуй-присоска. Почему он просто не оттолкнул ее? Почему не повернул голову и не увидел меня?

Устало роняю голову на скрещенные на коленях руки и с тоской смотрю, как на экране телефона меняются электронные цифры.

Я ревную?

Если так, то это — впервые в жизни, потому что чувство мне ново, и я оказываюсь совершенно беспомощна перед его агрессивной бомбежкой.

Я ужасно ревную. Представляю, что школьница трогала моего голого Даню — и внутренности растворяются в серной кислоте злости. Возможно, они ушли вдвоем. Возможно он тоже будет говорить ей пошлости своим низким голосом. Возможно, уже сегодня у них будет секс.

Выключаю экран телефона и в черной зеркальной глади вижу собственное заплаканное лицо. Боль везде: в крови, в костях, в душе. Пытаюсь вколоть себя противоядие рационализма: я просто принимаю за любовь благодарность и юношеский напор, которому невозможно сопротивляться. Но становится еще хуже, потому что именно в этих мыслях впервые звучит слово «любовь».

Я жду еще минут десять, наслаждаясь абсолютной тишиной пустого спортзала.

Иду к двери и у входа сталкиваюсь с уборщицей.

— Уже все ушли? — переспрашиваю на всякий случай?

— Да как будто, — ворчит Ильинична. Она вообще не разговорчивая, если дело не касается грязи, которую ученики любят таскать после каждой перемены.

Выхожу в узкий коридор, прислушиваюсь — тихо.

Можно не торопиться, дать немного сойти припухлости с глаз.

Я уже почти у выхода, когда сзади раздается звук открывшейся двери и низкий Данин голос:

— Стоять, Колючка.

Глава тридцать пятая: Варя

У меня дрожат колени. Так сильно, что я вытягиваю руку, чтобы опереться ладонью о стену.

Не повернусь. Ни за что не смогу повернуться и посмотреть на него. Возможно, он там не один, и рядом стоит счастливая владелица трофейной майки с номером «1», и тогда вся школа узнает, что училка сохнет по старшекласснику. Это же красными буквами будет написано у меня на лбу.

Делаю шаг в сторону спасительной развилки впереди, надеюсь на второй, но шаги сзади рушат все планы. Пальцы жестко смыкаются у меня на предплечье. Резкий разворот, от которого меня выкручивает, словно неумело запущенный волчок. В ноздри бьет запах мяты и сигарет, и я жадно глотаю его губами, обещая себе, что это — единственная слабость на сегодня.

— Ну-ка пошли поговорим, — совсем не как мальчишка, рычит Ленский, и у меня, взрослой женщины, отпадает всякое желание ему перечить.

Он тащит меня в раздевалку: идет впереди, как ледокол. В джинсах, низко спущенных на бедра, и теперь я очень хорошо вижу надпись «Дизель» на белой резинке трусов. Сглатываю, когда понимаю, что буквально прилипла взглядом к выразительным ямочкам над ягодицами, которые выглядят настоящим вызовом моему самообладанию.

Смотрю выше — и стопорюсь сразу от двух вещей. Во-первых, он до сих пор без верхней одежды, и его спина прямо у меня перед носом. На ребрах пара крупных синяков, от вида которых у меня сердце в ключья. Понимаю, что он, вероятно, получил их на тренировке, но это просто бесчеловечно. И во-вторых: у моего Дани татуировка. Между лопатками, примерно с кулак размером: черно-белый пушистый, как будто случайно нарисованный из кляксы, кот с зелеными глазами.

Тянусь, чтобы потрогать его пальцами, но не успеваю — Ленский затаскивает меня в раздевалку, громко хлопает дверью и еще громче проворачивает изнутри защелку.

— Даня, прекра...

Он хватается меня за плечи, прижимает спиной к двери, опускает голову и сдавленно говорит:

— Молчи, Колючка. Просто, блядь, молчи.

Молчу. Смотрю на его черные, как смоль волосы, за которым совсем не видно лица — и молчу. Чувствую, что он горячий, как печка: обжигает меня собой, хоть между нами достаточно свободного пространства. Опускаю взгляд на его грудь и живот, на шрам от аппендицита, на расстегнутую пуговицу джинсов — и молчу.

— Ты хоть понимаешь, что я чуть не сдох без тебя? — говорит низким рокотом, продолжая смотреть куда-то на носки моих сапог. — Хоть на секунду можешь себе представить, что я чувствовал, когда сказали, что ты — уволилась?

Я открываю и закрываю рот. Слышу его усмешку и вслед за этим Даня кладет ладони по обе стороны моей головы. Скребет ногтями по дверям, собирая пальцы в кулаки. Тяжело и рвано дышит.

— Вы бессердечная, Варвара Юрьевна.

Это «вы» похоже на удар плеткой по лицу. Жмурюсь и прячу лицо в ладонях, мотаю головой, как будто это нехитрое действие отменить его нарочитую попытку сделать мне больно.

— Ты ничего не знаешь, Даня, — говорю я, пытаюсь не выдать ком в горле. Поздно — всхлипываю, как девчонка, которую обидел ее любимый мальчик.

— Как я могу знать, если вы ничего никогда не говорите? Клещами тянуть? Пытать вас каленым железом? Умолять?

— Даня, не надо... — прошу я.

Он отступает на два шага, скрещивает руки на груди и смотрит на меня с высоты своего роста и своих — не верю, что я это думаю — куда более зрелых, чем мои двадцать три, восемнадцати лет. Высокий, крепкий, мужественный. Хмурый и злой, как черт. С царапиной на скуле, которую хочется залечить поцелуями.

— Я ушла от мужа, Даня, — беспомощно каюсь я.

— Я в курсе, — бросает он. — Говорят, сбежали к богатому арабу.

— Что? — И рада бы засмеяться, да не могу — репей в горле.

— Не араб? Кто-то другой? — Черные глаза темнеют, становятся совершенно непроницаемыми. — Безопасный, надежный... взрослый?!

Он с размаху впечатывает кулак в дверцу шкафчика.

— Прекрати! — взвинчиваюсь в ответ. — Не веди себя как...

Успеваю прикусить язык и нее закончить фразу, но Ленский уже понял. Мрачно усмехается, выбрасывает руку и тянет на себя. Впечатываюсь носом ему в солнечное сплетение, пытаюсь успеть поджать губы, но все-равно оставляю поцелуй на раскаленной коже.

— Пиздец! — шипит Даня, как ребенка ставит меня на скамейку, чтобы наши глаза были хоть немного на одном уровне, хоть даже так он выше. — Я тебе не ребенок! Не мальчик! Не, блядь, игрушка на один раз, поняла?!

Он кричит и злится, но это совсем не то же самое, как было с мужем. Я просто откуда-то знаю, что даже если в приступе злости Ленский разнесет раздевалку на щепки, он никогда не тронет даже волос на моей голове. Знание, которое я не могу объяснить ни единым неоспоримым фактом. Слепая вера.

— Не «выкай» мне больше, — реву я, и плевать, что я старше. Я сейчас просто женщина, которой он сделал больно. Пусть и целиком заслуженно.

Он вздыхает, забрасывает мои руки себе на плечи и уже знакомым жестом роняет лоб мне на плечо. Зарывается пальцами в волосы, намеренно сжимая их в кулаках, чтобы я не забывала, что он еще и близко не остыл.

— Не сбегай от меня больше, — отзеркаливает мое требование. — Я без тебя дышать разучился.

Хочу сказать, что и я без него не дышала, но за дверью раздается выразительное покашливание и мы резко отстраняемся друг от друга.

Глава тридцать шестая: Даня

Я быстро натягиваю свитер, наспех бросаю в форму в спортивную сумку. Делаю это все не выпуская Колючку из поля зрения. Боюсь, что если отвернусь — снова потеряю. Растворится, как мой очередной сон.

Понятия не имею, как узнал, что она тут. Просто в какой-то момент что-то шарахнуло в голову: шаги за дверью — это ее шаги. Вышел на одних инстинктах и нее ошибся. В первую секунду хотел сгрести ее в охапку и зацеловать так сильно, чтобы забыла как разговаривать. Потом выораться, чтобы забыла, что может быть без меня. Потом снова зацеловать, потом затащить в раздевалку и наказать жестким трахом, чтобы стала тихая, смиренная и моя.

Через секунду мозги встали на место.

— Где ты живешь? — спрашиваю я, завязывая шнурки на ботинках. И на всякий случай, пока она не начала снова "некать", добавляю: — Колючка, у меня в телефоне твоя фотография в лифчике и у нас был секс по телефону.

Она громко втягивает воздух через нос, и когда я поднимаюсь, то застаю ее покрасневшей от ушей до кончиков волос. Забрасываю сумку на плечо, беру Колючку за руку и крепко, чтобы она точно почувствовала, скрещиваю наши пальцы. Она жжет меня своими зелеными глазами, и меня все же конкретно клинит.

Наклоняюсь, дую ей на губы, заставляю удивленно распахнуть рот — и прикусываю нижнюю губу. Размазываю свое дыхание языком по ее языку, а когда она несмело отзывается, сгребаю в кулак воротник ее пальто, притягивая к себе.

— Даааааня... — шепчет она и тут же глотает стон, когда я прижимаюсь к ее животу своей выпирающей ширинкой. Хорошо, что мое пальто длиной ниже члена, а то хрен у меня пройдет этот стояк, пока она рядом.

— И, кстати, Варвара Юрьевна, — нарочно бешу ее, — вы мне больше не учительница, так что теперь у нас — свидания и секс.

— Ленский! — возмущается Колючка.

— Свидания, секс и Новый год на носу, — «поправляю» сам себя.

Колючка смотрит на меня огромными удивленными и,

одновременно, сумасшедшими глазами. На языке крутятся слова о том, что она чертовски, просто невыносимо сильно все усложняет, когда пытается снова и снова спрятаться за стену с надписью «Ленский — малолетка», но сейчас мне так хорошо просто быть с ней рядом, что я проглатываю обиду. Есть множество способов, которыми я могу показать, что в нашей паре девочкой с плюшевыми игрушками все равно будет она. Хочу — и покажу, не словами, а поступками, потому что, кажется, только так ее и можно переубедить.

— Я еще не... вполне развелась, — вздыхает Колючка.

— Но ты ушла? — Я глажу ее безымянный палец, на котором больше нет кольца. — Окончательно?

Зачем я спросил? Если она замешкается, отведет глаза, или и того хуже — скажет, что поддалась импульсу, я точно двинусь умом.

— Окончательнее некуда, — без заминки, уверенно и твердо, отвечает Варя.

Я с облегчением выдыхаю и изо всех сил держу себя в руках, чтобы снова ее не поцеловать. Хочу, но надо сделать усилие, иначе мне будет совершенно плевать на того, кто околачивается под дверью раздевалки.

Открываю защелку, осторожно выглядываю наружу — коридор пуст.

— Иди первая, — подталкиваю ее в сторону выхода. Мы обязательно вернемся к разговору об отношениях и степени их открытости, но точно не здесь. Сейчас я и так знаю, что она мне скажет. — Где тебя забрать?

— Кварталом ниже есть магазин выпечки «Хрум», — после небольшого раздумья, отвечает Колючка.

Следующая минута почти самая длинная в моей жизни, потому что невыносимо сидеть и просто ждать, пока Колючка снова уходит из моих рук. В особенности, когда до меня доходит, что я, баран, так и не услышал от нее новый адрес.

В общем, до машины я почти бегу. Мысленно посылаю на хер всех толкающихся рядом с моим «Порше» школьниц, даже не пытаюсь быть вежливым. Какая-то дура помадой написала на лобовом стекле номер телефона и имя. Стираю без сожаления, завожу мотор и выруливаю на дорогу. Если она снова сбежала...

Возле магазина никого нет, но я не теряю надежду, паркуюсь и захожу внутрь.

Варя как раз у кассы.

Вдох-выдох. Спокойно, Ленский, на этот раз Золушка никуда не делась.

Продавец протягивает Колючке большой бумажный пакет, называет сумму — и я легонько отодвигаю ее плечом.

— Даня, перестань, — возмущенно шепчет Колючка, пока я расплачиваюсь.

— Что перестать? — Забираю пакет у нее из рук, как бы невзначай задевая кончики пальцев. Бегло осматриваю людей в очереди, наклоняюсь к ее уху и спрашиваю: — Тут есть кто-то, кого ты знаешь? Твои коллеги?

Она непонимающе хмурится и отрицательно мотает головой.

Спасибо, боженька.

Целую ее в кончик носа. Не могу сдержать смех, когда Варя снова сильно смущается.

— Давай договоримся, Колючка: я — мужчина, а ты теперь со мной. Попытки отобрать у меня мои законные мужские обязанности — это как удар по яйцам. Ничего приятного в общем.

— Ленский, тебе правда восемнадцать? — все так же шепчет она.

— Абсолютно, а вот тебе, детка, точно шестнадцать.

Глава тридцать седьмая: Варя

Мне невыносимо стыдно приглашать его в свою съемную квартиру, но Ленский нее дает ни единого шанса: сам несет пакет с выпечкой, открывает дверь подъезда и уверенно поднимается за мной по лестнице. Я немного мнусь у двери, но все-таки сдаюсь.

— Извини, тут немного тесновато. — Пытаюсь не смотреть ему в глаза.

И правда, как будто мне шестнадцать.

Ленский ставит пакет на тумбочку, быстро снимает обувь и помогает мне раздеться. Наклоняюсь, чтобы снять сапоги, но не успеваю: Даня прижимает меня к двери, укладывает ладони на талию, сжимая достаточно сильно, чтобы я почувствовала себя пером в надежном кулаке: не раздавит, но в обиду не даст.

— Завтра суббота, — шепчет куда-то мне в шею. Не целует, только горячо дышит на кожу, и у меня голова кружится, как от молодого вина. — У тебя нет никаких факультативов? Ничего такого, из-за чего ты побежишь утром на работу?

— Нет, — не очень понимаю, к чему он клонит, но голова просто перестает работать, когда он вот так близко, и воздух, который я глотаю, обжигаете холодный от мяты. — Но есть работа дома...

Ленский распрямляется, широко улыбается и, вздернув бровь, огорошивает:

— Я на ночь остаюсь, Колючка.

Сглатываю, пытаюсь переварить его слова. Он серьезно?

— Я серьезно, — как будто прочитав мои мысли, с нажимом говорит он.

— Но твои родители, наверное, будут волноваться?

— Я не собираюсь выключать телефон и буду на связи.

— А что ты скажешь о том, где и с кем проводишь ночь?

Даня снисходительно вздыхает, подхватывает мой подбородок двумя пальцами, задирает голову так, чтобы мы смотрели друг другу в глаза. Это нормально, что у меня сердце перестает биться, когда я вижу эту brutальную царапину у него на скуле?

— Я скажу, что проведу ночь с самой сексуальной училкой на

свете, — говорит тихо, выуживая из меня смущенный вздох в ответ. — Скажу, что буду трахаться с ней, пока у нее не заболят ноги, потому что я буду между ними, и потому что ей придется широко их раздвигать, чтобы сесть сверху. И, как нормальный мужчина, после всего этого я просто обязан буду приготовить ей завтрак, так что, — он подмигивает мне, и это вообще самое сексуальное, что я видела в жизни, — я остаюсь на ночь.

— Ты умеешь готовить? — сглатываю я.

— Колючка, я только что сказал, что собираюсь заниматься с тобой сексом всю ночь, а ты думаешь о желудке!

У него такой заразительный смех, и то, как он это делает — чистый секс. Немного запрокидывает голову назад, морщит нос и его щеки слегка краснеют. Щеки с ямочками.

— Отца часто не бывает дома, — Даня перестает смеяться и в его взгляде мелькает злость. — Мать болезненно на это реагирует. Кто-то должен быть рядом, чтобы она не думала, что потратила жизнь на двух неблагодарных мужиков. Иногда у нее случается депрессия, но когда я что-то ей готовлю... Ну, знаешь, — он неловко чешет затылок, — вроде как присматриваю за ней.

Я понимаю, что он хочет сказать. Сама была такой же: пока присматривала за младшими, пропустила детство, стала маленькой старушкой. Но понимаю я это только теперь, рядом с Даней, который называет меня «деткой».

Я пытаюсь представить себе его мать. Сколько ей лет? Почему-то кажется. Что Даня на нее совсем не похож и, глядя на своего сына, который повторяет своего отца один к одному, она чувствует себя в ловушке. Примерно так же мать до сих пор смотрит на моего брата Вовку, потому что он — практически точная копия нашего с ним отца, который слишком рано лег в могилу.

— Эй, Колючка? — Даня привлекает мое внимание. — Все хорошо?

Я встряхиваюсь и быстро снимаю сапоги. На улице гололед, так что я выбрала те, что на маленьком каблуке, но даже без него я становлюсь мгновенно еще меньше рядом с Ленским, и это странно волнует. Он явно чувствует мое замешательство и подливает масла в огонь: изображая взрослого дядю треплет меня по голове, как малышку, которая расстроилась из-за сломанной куклы. В ответ «дарю» ему

рассерженный взгляд, но он только триумфально улыбается и начинает с интересом осматриваться. А я чувствую себя ужасно глупо, потому что вдруг вспоминаю, что утром оставила на кухне чашку с недопитым кофе.

— Пойдем чай пить? — не тушуетя Ленский, берет пакет, свободной рукой — мою ладонь и запросто, будто это его квартира, идет в кухню.

Я как могла, привела ее в порядок, но здесь все равно довольно скромно: старенький громкий холодильник, мойка с двумя черными пятнами сколов на эмали, поцарапанная плита. Зато я постирала шторы и даже купила на распродаже пару комнатных растений. А еще из окна хороший вид на парк.

Пока Даня ставит пакет на стол, я быстро убираю чашку в раковину и ставлю чайник.

— Кофе или чай? — Украдкой слежу, как он исследует шкафчики в поисках тарелки. Находит плетеную корзинку и начинает выкладывать выпечку.

— Кофе, несладкий.

Кофе у меня самый простой, растворимый. Точно не вкусный из «Старбакса», к которому он наверняка привык. Насыпаю его в две разнокалиберные чашки, но ложка с громким «дзыньк!» валится на столешницу. Это все из-за трясущихся рук. Можно подумать, что я пригласила в гости мужчину своей мечты, и от того, понравится ли ему дешевый пережаренный кофе из супермаркета, зависит судьба наших отношений.

Даня становится за моей спиной, обнимает за талию, и громко дышит в ухо.

— Не волнуйся, зайка, я тебя не съем. — Клацает зубами и я, наконец, расслабленно хихикаю. Точно как школьница.

Чайник закипает, я разливаю кипяток по чашкам, и мы усаживаемся за стол.

— Расскажи, как у тебя в школе, — брякаю первое, что приходит на ум, потому что даже короткая пауза тишины невероятно нервирует.

— Тема школы — табу, — спокойно и четко говорит Даня. — Извини, Колючка, но я не собираюсь показывать тебе тетради, давать домашку на проверку и каяться, что продрых всю историю и биологию.

— Но ты же и правда вечно спишь, — прищуриваюсь я.

— Это потому что я сова, — усмехается он.

— Очень красивая сова, — не задумываясь, отвечаю я, и Даня усмехается.

— Ты на меня запала, детка. — Сцапывает из корзинки булочку с джемом, к которой я как раз тянулась, чтобы заткнуть себе рот едой и перестать говорить глупости, откусывает и слизывает с губ сахарную пудру. Думает о чем-то, переклоняется через стол и тянет мне оставшееся. — Кусай.

— Ешь, я не хочу, — сглатываю волнение.

— Что я говорил насчет вранья?

Я оторопело смотрю, как Ленский встает из-за стола с совершенно каменным лицом, кладет булочку обратно в корзинку и надвигается на меня всем своим немаленьким телом. Пока думаю, что это с ним, успевает взять меня за плечи, поставить на ноги, несильно шлепнув по заднице, задает направление в сторону комнаты.

— Я...

— Ты идешь в комнату, — безапелляционно заявляет он. Немного хмурится и уточняет: — Буду отучать тебя врать старшим, Колючка.

Наверное, это идет вразрез любой логике, но мне нравится его командный тон и постоянные напоминания о том, какая я незрелая. Даже если это просто часть игры, но только благодаря этим словам, я не чувствую себя так ужасно из-за нашей разницы в возрасте.

Глава тридцать восьмая: Варя

Едва мы переступаем порог комнаты, и мои колени превращаются в точки, которыми сама вселенная рисует восьмерки бесконечности, Даня вдруг подхватывает меня за талию и роняет на диван. Я даже пискнуть не успеваю, потому что он хищно нависает сверху, ведет пальцами вверх по моим ребрам, практически лишая способности дышать. Я слишком выразительно втягиваю воздух ртом, чувствуя себя неуклюжей рыбой. Его темные глаза светятся обещанием меня проучить.

— Ленский, светло на улице... — Зачем я сказала это вслух?!

Он вдруг останавливается, садится на корточки на пол и смотрит на меня так, будто я вдруг заговорила на китайском.

У меня никогда не было секса днем. Ни разу в жизни. Потому что муж всегда приходил поздно, мы ложились в постель, он «очень ответственно» исполнял супружеский долг, получал свою порцию снотворного и спокойно засыпал. Для меня секс днем — это та еще экзотика. И вот сейчас мне уже по-настоящему стыдно, потому что для Дани больше не секрет, что ему досталась не резвая раскованная женщина, а бревнышко.

— Вообще я собирался зачекотать тебя до криков «Пощади!», — выдает он свой коварный план, и я прикрываю лицо ладонью. — Потом бы мы посмотрели что-то по телеку, занялись тем, что обычно делают парочки, а потом уже был бы секс. Но не потому, что на улице еще не темно, а потому что мне хочется именно такую последовательность.

Удивительно, что диван подо мной до сих пор не плавится, потому что теперь я горю вся.

— Все, Колючка, поднимай свою симпатичную попку — мы идем гулять.

Я, не отрывая ладоней от лица, киваю и практически вслепую иду к шкафу, чтобы взять удобные ежедневные вещи. Прячусь в ванной, переодеваюсь. Когда выхожу, то натыкаюсь на звуки льющейся воды. Застаю Ленского за мытьем чашек. Он оценивает мой вид и присвистывает. Кажется, он впервые видит меня не в костюме, а в джинсах и простом свитере под горло.

И мы в самом деле идем гулять. Я живу в прямом смысле у черта на рогах, а в шапке с большим помпоном, которую точно не одеваю на каждый день, даже сама себя не узнаю в зеркале. Даня уверенно берет меня за руку, и мы просто идем по дорожке, подбрасывая снег ногами. Потом заглядываем в супермаркет, и Даня важно интересуется, что бы я хотела на ужин. Чувствую себя дикаркой, которую вывезли в мир Настоящих мужчин с Острова под названием «Все всегда сама». Говорю, что мне без разницы и по довольному лицу Ленского видно, что ему нравится решать самому.

Пару раз мне кажется, что на нас оглядываются случайные покупатели, но это все совершенно незнакомые люди. Не то, чтобы я совсем расслабилась, но пытаюсь получить немножко удовольствия от простых вещей. Незаметно для себя, все время поглядываю на Даню: как он хмурится, когда выбирает сливки, как хитро щурит глаза, выбирая из корзинки мандарины.

Потом мы, как две улитки, идем домой. Даня рассказывает, что собирается поступать на финансы, учиться на индивидуальном и с первого курса быть на стажировке у отца. Даже с гордостью говорит, что его возьмут на самую рядовую должность. Для него важно доказать отцу, что он может. Я пытаюсь гнать от себя мысли, в которых его родители узнают о связи сына со взрослой женщиной, потому что заранее ненавижу себя за все последствия.

Дома мы по очереди идем в душ, потом Ленский командует:

— Я готовлю ужин, ты — делаешь свою работу. — А когда приношу свои тетради и письменные принадлежности, озадаченно хмурится: — Почему не на ноуте? Снова что-то не работает?

— Ноут остался у му... — Я очень вовремя сжимаю губы, мысленно перевожу дыхание, и исправляю: — В общем, ноута нет.

Даня снова хмурится, пытается что-то сказать, но я успеваю его остановить:

— Давай не будем. Пожалуйста.

Ему эта идея явно не по душе, но он все-таки соглашается.

Пока я пишу конспекты и готовлю макет презентации (я смогу сделать ее в компьютерном классе), Ленский готовит салат, пасту и даже грибы в сливочно-сырном соусе. Наверное, у меня слишком огромные глаза в тот момент, когда он выставляет все это на стол, потому что мой шеф-повар снова громко хохочет.

Мы ужинаем и как-то незаметно начинаем делать то, что делают все парочки, когда им хорошо вдвоем: кормим друг друга с ложки, воруем еду, устраиваем рыцарский турнир за последний гриб.

Когда у Дани звонит телефон и он отвечает: «Привет, ма», я сглатываю. Порываюсь уйти, чтобы не мешать его разговору, но он укладывает ладонь мне на колено, практически прижимая к стулу. Говорит, что у него все в порядке, что он не придет ночевать домой, но твердо говорит: «Это мое личное дело где и с кем». Тянет меня за руку, вынуждает встать рядом, удерживая телефон плечом. Заводит обе ладони мне на ягодицы, выразительно дает понять, что хочет, чтобы я села на стол перед ним.

«Ленский!» — беззвучно, одними губами возмущаюсь я.

— Я позвоню утром, ма, — говорит он, одновременно практически силой сажая меня перед собой. Заводит корпус между моими раздвинутыми ногами и плотоядно улыбается, в ответ на мои попытки вырваться на свободу. — Не переживай, я в хорошей компании.

Отключает разговор, небрежно бросает телефон на стол и смотрит на меня теперь уже снизу-вверх.

— Заметь, Колючка, я не сказал ни слова неправды. — Сжимает пальцы у меня на коленях, не торопясь скользит ладонями вверх, и останавливается только когда подбирается к развилке у меня между ног.

Я слишком громко вздыхаю.

Он еще ничего не сделал, а у меня сердце колотится, словно его поместили между медными тарелками механического зайца.

— Ты должна мне свой вид без лифчика, Колючка. — Озорство напрочь испаряется из его голоса. Интонации становятся тягучими, низкими, с выразительными приказными нотками. — Подними руки.

И я послушно делаю, как он хочет.

Глава тридцать девятая: Даня

Теперь я знаю, что предвкушение секса очень даже может свести с ума.

Я не хотел торопиться, а это вообще на меня нее похоже. Обычно, если девочка не ломается и у нас все по взаимному, то нет смысла иметь друг другу мозг — можно сразу переходить к делу.

Но после того, как Колючка испугалась, что мы можем устроить секс посреди бела дня, я кое-что начал понимать. Например, что хоть она старше и замужем (была!), и по всей логике вещей должна быть опытной, это ни фига не так.

И это настолько классно, что удержаться от секса и не взять ее прямо в тот момент — это просто подвиг моего терпения.

Следующим после ужина в моем личном списке был фильм и долгая прелюдия, чтобы она расслабилась. Но пока я говорю с матерью по телефону, Колючка так выразительно краснеет и испуганно сопит, что мой несчастный член практически в полный голос орет, чтобы я перестал травить нас обоих. Ну и на «сладкое»: я прошу поднять руки — и Варя слушается.

Я не романтик, но это просто выше пределов всякого терпения — ее розовые щеки, когда стаскиваю с нее домашнюю футболку с длинными рукавами, и она остается в одном белом лифчике. Дергается, чтобы прикрыться руками, но я быстрее — сжимаю ее запястья и мягко, но настойчиво завожу их ей за спину, прижимая к столу.

— Круче, чем фотка, — озвучиваю самую приличную из множества мыслей.

На самом деле я готов кончить только от вида ее небольших холмиков под простыми полумесяцами белого хлопка. И с моей выдержкой совсем туго, когда Колючка замечает мой взгляд и начинает часто дышать.

— Держись за стол, детка. — Отпускаю ее запястья и несколько секунд жду утвердительного кивка.

Цепляю пальцами бретели, спускаю по ее узким плечам. Колючка сидит на столе и сейчас ее грудь прямо на уровне моих глаз. Притрагиваюсь губами к ямке под шеей, с трудом сдерживаюсь, чтобы

не пометить засосом кожу с капельками веснушек. В другой раз — обязательно.

Колючка расслабляется, потому что это едва ли не чистое целомудрие, и я коварно пользуюсь моментом: рывком тяну лифчик вниз. Она охает, я тяжело сглатываю:

— Блядь...

У нее красивая маленькая грудь с тугими и припухшими вишневыми сосками. Рот наполняется слюной от желания, а мурашки у нее на коже вдребезги разбивают остатки терпения. Накрываю ее грудь ладонями, поглаживаю большими пальцами колючки сосков.

— Даня...

Закрывает глаза, не выдерживая моего взгляда. Очевидно, там огромными буквами написаны все подробности, в которых я собираюсь засадить ей по самые яйца. Концентрированная порнография — так бы я это назвал.

Поднимаюсь, нависаю над ней, вынуждая откинуться назад.

— Нет, не ложись, — удерживаю от падения на столешницу. — Хочу взять их в рот, Колючка. С того самого дня — просто пиздец, как хочу.

— Ленский... — теперь тихо, почти сладко.

Беру ее за бедро, рывком тяну к себе, надавливаю на копчик, чтобы ее промежность была практически приклеена к моему бугру в джинсах. Треть об нее пару раз, и мы оба рвано дышим, словно в комнате заканчивается кислород.

Я обхватываю губами ее сосок, мягко посасываю, перекаत्याю во рту языком. Колючка перестает дышать. Прикусываю его, немного оттягиваю и снова облизываю, как шоколадный шарик.

— Даня... — шепчет мое имя таким голосом, что — черт! — я еще сильнее вдавливаю ее в себя.

— Потришь об меня, Колючка.

Она делает одно неуверенное движение.

Мотаю головой. Слишком много одежды: приподнимаю ее бедра и, кажется, тяну их вниз вместе с пуговицей. Сам не понимаю, как получается, но через секунду Колючка уже в одних трусиках, и лифчике, который болтается у нее на талии. Поглаживаю двумя пальцами влажный тонкий хлопок — трусики у нее тоже белые, простые и совершенно крышесносные. Она пытается свести вместе

ноги, но я мрачно усмехаюсь:

— Нет, детка.

— Даня... Стол же...

— Да, стол.

Надавливаю пальцем на ее складки, потираю, нарочно проталкивая ткань трусиков между ними — и буквально охуеваю от того, как отзывчиво и громко она стонет в ответ. Нажимаю сильнее — клитор вжимается в подушечку пальца твердой горошиной. Даже сквозь хлопок такой чертовски чувствительный, что впалый животик колючки дрожит и покрывается россыпью мурашек.

Наклоняюсь к ее уху, и она тут же пользуется моментом — цепляется пальцами мне в плечо, сгребет ногтями, и это именно та порция боли, которая нужна мне, чтобы немного протрезветь и не выебать ее прямо тут.

— Хочешь, сначала языком? — спрашиваю, прикусывая ее за ухо.

— Ленский! — Вскипает — и тут же снова громко стонет, потому что я отодвигаю ткань в сторону, развожу складки двумя пальцами.

— У тебя так не было? — Нажимаю на ее клитор, немного распределяя влагу. — Никто не трахал тебя языком, детка?

Она может только беспомощно мотать головой.

Отстраняюсь, заглядываю в ее темные от желания глаза — и медленно опускаюсь на колени, забрасывая ее ногу себе на плечо.

— Готовься слетать в другую Галактику, Колючка.

Мне нравится, как она выглядит там: теплая мягкая кожа, сливочная снаружи и светло-розовая влажная внутри. Приходится приложить немного усилий, что отвести ее вторую ногу в сторону. Колючка сопротивляется, дрожит, стесняясь и в какой-то момент мне кажется, что у нее краснеют даже колени. Очень милые круглые колени, гладкие и узкие. Не могу удержаться, чтобы не прикусить кожу на правой коленке: Колючка вздрагивает, и я слышу, как ее ногти скребут по столешнице. Очень хочу посмотреть на нее, но боюсь, что тогда у меня точно не хватит терпения довести начатое до конца.

Я — один из тех баранов, которым нравится быть первым для своих женщин. Хоть в чем-то. Только я узнал об этом минуту назад, и теперь меня переполняет желание показать своей малышке, какой горячей и раскованной она может быть, когда я рядом.

Она постанывает, когда я оставляю дорожку поцелуев на той ноге,

которая сейчас лежит у меня на плече. Крепко держу ее под коленом, и вжимаю губы в теплую кожу на внутренней стороне бедра. Выше и выше, пока Колючка не приподнимет задницу, опуская ее на стол с выразительным шлепком. Черт, надеюсь эта старая мебель не сломается, пока я с ней закончу. А там хоть трава не расти.

Мне нравится, что она голая, но до сих пор в трусиках. Круто, что они маленькие и их можно запросто отодвинуть в сторону. Круто, что они пахнут цветочным кондиционером для белья и какой-то сладостью, от которой у меня кружится голова.

Прижимаюсь губами к ее промежности. Просто целую немного припухшие складки. Как там говорила географичка? Открываю неизведанную землю маленькими шагами.

Варя мотает головой, бессвязно и неубедительно просит остановиться. В какой-то момент мне хочется, чтобы она перестала смущаться, вцепилась мне в волосы и задвинула мое лицо себе между ног, но зачем торопиться? Уверен, что когда-нибудь она осмелеет настолько, что трахнет мой рот сверху, и тогда я точно стану тем парнем из порноролика, который кончил с членом в трусах и руками под подушкой.

Я провожу языком вдоль тонкой полоски между ее складками, медленно ныряю внутрь, пробуя ее на вкус. Непроизвольно издаю такой звук, как будто я на ринге и мне прилетело в солнечное сплетение: вздох и хрип, два в одном. Варя отзывается чем-то похожим на хныканье.

Обвожу языком клитор, быстрее и быстрее, пока он не становится немного больше на кончике моего языка. Ее охуенный вкус наполняет мой рот. В следующий раз когда буду иметь ее языком, она будет лежать на постели, на спине и я ее, на хуй, сожру.

Мне нравится, что она пытается произнести мое имя, и не может, срываясь каждый раз, когда я и втягиваю ее клитор в рот и посасываю, словно таблетку экстази.

Ладно, я окончательно помешан, но я должен сказать это, глядя ей в глаза. Должен засмущать мою Колючку до самого предела возможно — а потом трахнуть как минимум трижды. У меня такой зашквар с тестостероном, что просто странно, почему я до сих пор не покрылся волосами с ног до головы, как Снежный человек.

Отрываю губы от ее промежности, смотрю снизу-вверх и вижу, что

Колючка тоже смотрит на меня.

— Вкусная киска, детка. Хочу трахать ее до красноты.

Она беспомощно стонет мою фамилию, откидывает голову назад — и я снова вхожу в нее языком. Облизываю мою «таблетку», и колючка становится еще более мокрой. Делает несмелое движение мне навстречу — и я жестко всасываю ее в рот, сжимаю губами.

Давай, детка.

Она словно слышит мой приказ: вздрагивает, выгибается и так сильно сжимает мое плечо коленом, что я дурею от щепотки боли между нами. И кончает мне на язык чем-то похожим на сладкий десерт.

Поглаживаю ее ноги, даю выдохнуть, любуюсь тем, как классно смотрится ее грудь с такого ракурса. А потом, пока Колючка не слишком опомнилась, беру ее на руки, прижима к себе. Она всхлипывает и выразительно хватается кулаками за мою футболку на груди.

— Снимешь ее сама, — озвучиваю свою просьбу, пока несу свою Колючку в комнату.

Глава сороковая: Варя

Даня кладет меня на маленький скрипучий диван.

Я совершенно не могу пошевелиться: руки и ноги дрожат, будто всю свою жизнь я была тряпичной куклой на деревянной подпорке, и вдруг оказалась без своей основы, став просто оберткой с пузырьками внутри.

У меня никогда не было ничего подобного. Потому что вся моя интимная жизнь заключалась в позе на спине и молчаливом согласии исполнить и с готовностью принять супружеский долг. И я думала, что не всегда в жизни двое людей обязательно летают где-то высоко, как об этом показывают в кино. Это просто физиология. Кто-то получает удовольствие просто чихая, в конце концов.

Поэтому сейчас, когда Даня стоит на коленях между моими разведенными ногами и смотри на меня так, будто на мне теперь пожизненное клеймо его губ, я разрываюсь между желаниями попросить его сделать это еще раз, или продолжить и показать, что дальше может быть так же хорошо.

Господи, он сказал «вкусная киска»?

— О чем ты только что подумала, Колючка? — с озорными искрами в темных глазах, спрашивает он, двумя руками ероша волосы, но упрямая челка снова падает до самого кончика носа. — У тебя щеки красные, как у малолетки.

Мотаю головой, и радуюсь, что можно не отвечать, а просто потянуться к его футболке. Он снова мне подмигивает, охотно задирает руки и я освобождаю его от тело.

Глотаю слишком громко, потому что от вида его немного худощавого, но крепкого тела шумит в ушах. Провожу пальцами по груди, позволяю себе вольность немного поцарапать смуглую кожу.

— Можешь сильнее? — перестав улыбаться, просит он.

— Тебе не будет больно?

Он нервно смеется, кладет свои ладони поверх моих и немного сжимает.

— Мне больно быть со стояком в джинсах, детка, а если на мне останутся твои следы, я просто кайфану.

Зачем-то киваю и осторожно царапаю его грудь. Веду ладонями до самого живота, дрожу так сильно, что старенький диван начинает немилосердно поскрипывать.

— Когда буду тебя трахать, соседи обзавидуются, — смеется Даня, намекая на «музыку», которую мы устроим.

— Мы можем пойти на пол, — предлагаю альтернативу, но в глубине души хочу этих скрипов.

Ленский фыркает. Видит мою неловкость, потому что путь к его голому телу преградил ремень на джинсах. Одну руку заводит мне на затылок, прижимает губы к моим губам, посасывая нежно и осторожно, а другой подталкивает мою ладонь ниже.

— Потрогай меня, пожалуйста, — хрипит мне в рот.

Кладу ладонь поверх заметной выпуклости на его джинсах.

Ленский вздрагивает, я в растерянности убираю руку.

— Нет, детка, все хорошо. Еще сильнее.

Смелее обхватываю его член через джинсы, сглатываю, потому что там точно не мальчик-с-пальчик.

— Что? — слышу смешинки в его поцелуях. Отстраняется, смотрит на мои пальцы у себя на ширинке и с чертями в глазах, прикусив губу, пошлит: — Как насчет проверить размер в деле?

Эта пошлая шутка разбавляет градус напряжения и действует на меня как выпитый залпом бокал шампанского: кружит голову, расслабляет, делает смелее. Я сдавливаю его сильнее — Даня чертыхается, облизывает мои губы и шепчет:

— Я сидел на твоих уроках вот с этой херней в штанах и мечтал о том, как ты оставишь меня после уроков и сделаешь все то же самое.

Туман в моей голове окончательно глушит стыд. Берусь за его ремень, неловко рву пальцами пряжку, но ничего не получается. Даня со смешком легонько опрокидывает меня на спину, тянется к заднему карману, достает презерватив.

У меня поднимается температура, когда он зажимает серебристый квадратик губами, легко расстегивает ремень, справляется с молнией и стаскивает джинсы вместе с трусами примерно до середины бедер. Разрывает фольгу зубами — и я до крови кусаю губы просто наблюдая за тем, как он раскатывает латекс по внушительному размеру. Хочется попросить его быть осторожнее. Размер, конечно, не главное, но — господи боже! — я хочу его внутри до самого основания, до

треугольника темны коротких волосков в самом низу мускулистого живота.

Даня берет меня под колени, тянет на себя, приподнимая бедра так, чтобы мои колени лежали поверх его колен. Проталкивает внутрь сразу два пальцы. Выгибаюсь напряженным мостиком, смыкаю пятки у него на пояснице.

Глава сорок первая: Даня

Сколько раз я дрочил, представляю все это: ее голую, меня у нее между ног. Много раз. До тупой шутки о мозолях на ладонях, но это чистая правда.

Реальность вышибла мои фантазии на раз.

Я приставляю кончик члена к ее влажным пухлым складкам, немного толкаюсь вперед. Нужно что-то делать с контролем, потому что готов кончить уже сейчас. Мужики любят глазами — стопроцентная правда для меня. А сейчас, с ее вкусом во рту, горящими зелеными глазами за теньями ресниц, моя «влюбленность глазами» превращается в концентрированную потребность вдолбиться в нее одним крепким толчком.

Может быть в следующий раз?

Когда поставлю ее на колени?

Качаю бедрами — проникаю совсем немного, но это так туго и горячо, что приходится сжать зубы.

— Даня, — снова хнычет колючка.

— Больно? — Нет, пожалуйста, скажи мне, что все хорошо...

— Хочу... тебя... очень...

Я вижу как тяжело ей дается каждое слово. Как будто она вообще впервые признается мужчине в своей потребности. И это именно тот знак, который я от нее жду.

Берусь за ее бедра и натягиваю на себя.

Просто нереально тугая.

Горячая. Маленькая. Сливочная кожа туго натягивается вокруг моего члена.

— Ты меня прикончишь, — сквозь зубы признаюсь я.

Она заводит руки за голову, цепляется в спинку дивана.

И я снова натягиваю на себя ее худенькое тело. На этот раз жестче, глубже.

— Блядь... Пиздец... — Нужно как-то продержаться, потому что такой тугой девочки у меня еще не было.

Электрически ток течет по моим нервам.

Приподнимаюсь на коленях, немного меняю угол, выхожу — и

обратно в нее.

— Даня! — Она заходится странной дрожью. Животик с маленьким пупком втягивается и на миг мне кажется, что я вижу движения своего члена у нее под кожей. — Даня, дя...

Это ее «Даня, дя...» — лучше, чем любая порнуха, которую я смотрел. Башню сносит крепко и основательно.

Меня глушат срип дивана и сорванные крики Колючки, пока я увеличиваю скорость. Есть что-то невообразимо охуительно приятное во влажных звуках, с которыми соединяются наши тела, и в том, что я вижу, как в нее входит и выходит мой полностью влажный член.

Она кончает почти сразу: не пошло орет, как баба в порухе, но мягко и искренне стонет, мешая всхлипы с моим именем. И сжимает меня внутри, как будто хочет выдоить все, что есть в моих яйцах.

Даю себе обещание, что в следующий раз это будет дольше, но сейчас я исчерпал лимит терпения.

Падаю на нее верху, немного отвожу назад ее колени — и буквально долблю ее несколькими тяжелыми ударами. Кончаю так сильно, что в глазах на несколько секунд темнеет, а сердце нашпиговано электрическими искрами, взрывается и отрастает заново со скоростью раз в секунду.

Варя обнимает меня за плечи, прижимается, и мы целуемся, потные и уставшие.

— Ты очень сексуальный, когда делаешь это в джинсах, — смущенно признается она.

Усмехаюсь, трусь носом об ее нос, и Колючка тихонько чихает.

— А ты очень секси, когда подо мной и моя, — говорю в ответ. Этого нельзя говорить, иначе Колючкин стыд сожжет нас напалмом, но я не могу сдержаться: — Хочу трахнуть тебя без резинки, и тогда внутри твоя киска тоже будет вся во мне.

Она, ожидаемо, вспыхивает и прячет голову у меня на груди.

Нам нужно примерно полчаса, чтобы отдышаться. Полчаса, которые мы лежит на чертовски узком диване с пружиной, фактически, у меня в заднице. Но это не имеет никакого значения, потому что Варя лежит на мне совершенно голая и я изо всех сил сжимаю ее в своих руках. Удивительно, какая она хрупкая. Настолько крохотная, что будит во мне пещерного человека, готового порвать любого саблезубого тигра или мамонта, который только посмеет глянуть в ее сторону.

Колючка вздрагивает и так я вспоминаю, что это у меня кровь в венах подогрета до температуры кипения.

— Где одеяло? — спрашиваю шепотом ей в ухо, и она очень вяло, практически беспомощно вскидывает руку в сторону шкафа у противоположной стены.

Аккуратно перекладываю ее с себя, встаю, на ходу подтягиваю штаны. У нее мало вещей — самое необходимое, я бы сказал. Но все аккуратно разложено по полкам. Осматриваю квартиру, чтобы найти подтверждение своим мыслям. Ни книг, ни вещей, которые могли бы принадлежать лично ей.

Ок, подумаю об этом через минуту.

Нахожу подушку и одеяло, устраиваю все это на диване, а когда укрываю Колючку, она на секунду цепляется в мою пальцы сразу двумя ладонями. Жест доверия, от которого меня распирает жуткая гордость. Это лучше, чем быть «мальчиком». Значит, коварный план по превращению училки в малолетку неплохо работает.

Мне хочется продолжить то, что мы начали. Хочу перевернуть ее на живот, приподнять за задницу и взять сзади. А потом посадить на себя сверху. Сглатываю, внезапно атакованный образами ее маленького тела, насаживающегося на мой член, словно кольца на шест пирамидки. Поэтому, пусть Колючка поспит. А я выпью кофе, покурю, позвоню матери и разбужу ее таким способом, что она забудет все приличные слова из своего нашпигованного русской литературой лексикона.

Снова осматриваю комнату, пытаюсь вспомнить, что Колючка говорила о ноутбуке. Ноута больше нет. Как так? Иду на кухню и еще раз пересматриваю все ящики: ни намека на посуду, которую бы она привезла с собой. Чашки, посуда и даже ложки — практически все с рекламными лейбами производителей. Ни один нормальный человек не пользуется такими вещами дома: обычно, их либо оставляют для незваных гостей, либо используют в качестве рабочей посуды. Варя не похожа на женщину, которая пьет чай из простой белой чашки с потертой надписью дешевого чая. Я скорее поверю в какую-то милую пузатую кружку, точно в единичном экземпляре.

Возможно, я преувеличиваю и вижу то, чего нет, но все это выглядит так, будто она в самом деле ушла почти с пустыми руками. Меня это не волнует ни капли, если бы мог — стер бы ее бывшего с лица земли просто за сам факт его существования в прошлом моей

Колючки, но все это выглядит... странно.

На часах уже половина десятого: я набираю сообщение матери, пишу, что у меня все хорошо, утром я обязательно перезвоню. У меня нет проблем с доверием родителей, потому что мне всегда хватало ума не заявляться домой бухим в доску, всякий наркоманский мед меня тем более не интересует, и в целом моим родителям нее приходилось за меня краснеть. Только хвастаться медалями, которые я время от времени привожу с соревнований.

Где-то в прихожей раздается громкая трель звонка. Я иду на звук, мысленно чертыхаясь. В такое время колючке может звонить либо кто-то из родни, и вряд ли для того, чтобы просто поболтать по телефону, либо... ее бывший.

Знаю, что не должен этого делать, но бросаю взгляд на экране телефона. Там просто буква П. Это может быть вообще что угодно. Пиццерия? Пидор? Первая буква имени?

Разрываю звонок, достаю из куртки сигареты, зажигалку и возвращаюсь на кухню вместе с ее телефоном. Открываю окно, успеваю прикурить — и телефон снова «оживает» в моей ладони. Там сообщение от того самого П. Почему-то уверен, что это мужик. Не знаю почему. Зачем кто-то звонит моей девочке почти ночью?

Меня не мучает совесть, когда открываю и читаю сообщение.

Я просто, блядь, зверею.

Глава сорок вторая: Даня

«Возьми трубку, ебучая сука! Я тебя все равно найду и убью!»

Мне кажется, что я на минуту выпадаю в сраную реальность, в которой все это просто часть чужого сна, в который меня затянуло по ошибке. Перечитываю сообщение еще раз, вдруг соображая, что это — только последнее в длинной цепочке.

Читаю несколько наугад — и откладываю телефон, чтобы случайно не раздавить его в кулаке. Никогда в жизни я не глотал горький дым с таким чувством, будто без него меня разорвет на куски. Практически безе перерывов между затяжками, до самого фильтра, пока не обжигают кончики пальцев, но и тогда в башке не сильно прояснятся.

Выдыхаю в морозную ночь, смотрю сообщения еще раз.

Это одни бесконечные угрозы. Угрозы расправой, издевательствами, изнасилованием. Угрозы, от которых перед моими глазами полыхает кровавое зарево. Я не знаю, кем нужно быть, чтобы писать такую мерзость женщине, но уверен, что попадись этот недоёбок мне прямо сейчас — я бы разломал все его кости.

Пытаюсь успокоиться, выдохнуть, остудить голову, пока она не воспламенилась как у чертового джина из мультика, но, блядь, этот П звонит снова.

И на этот раз я отвечаю.

На том конце связи слышен крепкий мужской разговор и какой-то шансон. Кряхтение, голос в сторону: «Сука, вынула член изо рта и ответила!» Дружки желают ему «въебать ей мозги на место».

Сжимаю кулак.

— Ну что, тварь, насосалась? — слышу пьяный голос. — Сколько...

Я выслушиваю все дерьмо, которое пьяная скотина льет мне в уши и только когда его залитый водкой мозг начинает что-то подозревать и требовать «подать голос», отвечаю:

— Я. Тебя. Убью.

Спокойно, разделяя каждое слово.

Тишина. Долгая-долгая пауза, после которой снова обращение к собутыльникам (на заднем фоне звенят стаканы): «Мужики, я, кажись,

на любовника наткнулся!»

— Смеешься? — интересуюсь я. Прижимаю телефон ухом к плечу, снова закуриваю, на этот раз без спешки, выравнивая дыхание, просто курю. — Знаешь, что чувствует человек, когда его ебут бейсбольной битой? Ставят раком, разводят булки и вставляют предмет, размером втрое больше толстой кишки. — Он что-то там бормочет, но я гну свое. — Поверь, твое говно полезет наружу только через рот или начнет просачиваться в кровь через кишки.

— Ты кто?

Зло усмехаюсь, потому что храбрый волчара в одно мгновение превращается в визгливую свинью.

— Позвонишь или напишешь сюда еще раз — я тебя из-под земли достану.

— Сильно храбрый? — продолжает свинья.

— Нет, не храбрый. — Пожимаю плечами, присаживаясь на подоконник. — Злой и дурной.

Отключаю связь до того, как он успевает что-то сказать в ответ.

Курю и мысленно собираю пазл всех своих сегодняшних «находок».

И злюсь на себя за то, что пока Колючка убегала от своего придурка-мужа, я злился на нее и думал, что она просто поиграла со мной, как с маленьким мальчиком.

Он ее бил? Не удивлюсь, если так. Тварь, которая пишет беспомощной женщине такие вещи, способна на что угодно.

Я возвращаюсь к ней в постель только через час. Практически складываюсь вдвое, чтобы лечь рядом. Обнимаю, прижимаю спиной к своей груди.

И засыпаю только под утро, потому что, как Цербер, чутко стерегу ее спокойные сны.

Глава сорок третья: Варя

Меня будит вкусный запах. Я еще сплю, мне снится, что я плаваю в облаках и чувствую себя легче перышка, но в мозгу уже включились рецепторы, которые отвечают за запахи и звуки.

Не открываю глаза, кутаюсь в одеяло и неспеша иду на кухню. Прислоняюсь к дверному косяку, разглядываю свой оживший сон: Даня в одних трусах, с кухонным полотенцем через плечо с музыкой, которая льется из динамика его телефона, готовит завтрак. Как и обещал.

Из моей груди раздается непередаваемый булькающий звук. Успеваю закрыть рот ладонью, но Ленский все равно услышал: поворачивается, идет ко мне и в одно движение прижимает к стене всем собой. Мне очень хочется потрогать темную щетину у него на подбородке, но для этого мне придется отпустить одеяло и тогда от моих бастионов совсем ничего не останется.

— Доброе утро, детка. — Подмигивает, тянется, чтобы поцеловать, и я от стыда быстро прикрываю рот узлом одеяла, которое держу двумя руками, словно спасительную соломинку.

— Я зубы еще не чистила, — говорю прямо в ткань и уже ругаю свои ноги за то, что понесли меня сразу к Ленскому, а не в душ, к зубной пасте, зеркалу и расческе.

Должно быть, выдаю мысли взглядом в сторону двери, потому что Даня окончательно придавливает меня корпусом, и я чувствую себя гренкой, которая хрустит каждой невидимой косточкой, пока по ней размазывают терпкий джем.

— Потереть тебе спинку, Колючка?

— Нет, — вспыхиваю я.

— Ты сейчас отдала яйца моей сексуальной фантазии номер три, — делает вид, что злится.

Я знаю, что это провокация, намеренная попытка разжечь мое любопытство и спросить, что же у него под номером один и номером два. Но все равно попадаюсь на удочку.

— А что до нее? — В голове мелькают образы его голого, со спущенными джинсами и темными короткими волосками в паху — и в животе щекочет.

— Минет и «догги-стайл», — не смущаясь и не заикаясь, шепчет мне в шею.

Я поднимаюсь на цыпочки, склоняю голову к плечу, практически открывая ему доступ к моей коже от уха до самой ключицы. Но Даня издает недовольный вздох и уступает мне дорогу. Правда, делает все, чтобы я заметила, как плотно ткань белья облепила его твердый член.

— Сначала водные процедуры, Колючка. Потом завтракать. А потому нас еще куча дел.

— Что еще за куча? — Я с аппетитом поглядываю на огромную пористую шапку омлета под прозрачной крышкой.

Даня разворачивает меня и шлепком по заднице задет направление в сторону ванны.

— Ты не будешь здесь больше жить. Нужно найти другую квартиру.

Я стопорюсь. Даже удивительно, что при этом не издаю ни звука и просто жду хоть каких-то объяснений. Но, очевидно, получу их только после того, как Ленский сам решит, что пришло время.

В душе у меня есть время подумать над аргументами против его странного желания разобраться с квартирой. Умом понимаю, что он парень из совсем других слоев общества, и, наверное, ему просто некомфортно находится в таком... месте. Мне нечего стыдиться: я обеспечиваю себя сама, и у меня есть ровно то, на что я пока зарабатываю.

Но когда смазываю туман с запотевшего зеркала, мое лицо в отражении выглядит кислее лимона.

Когда выхожу обратно, уже в джинсах и свитере, Даня как раз раскладывает завтрак по тарелкам. Но, в отличие от меня, даже не подумал одеться. И я снова цепляюсь взглядом за пару синяков у него на ребрах.

— У тебя все так серьезно на тренировках? — спрашиваю, усаживаясь за стол.

Он непонимающе вскидывает брови, но, поймав направление моего взгляда, рассеянно кивает. Плюхается на табуретку, берет вилку и начинает энергично орудовать в тарелке. Я не спешу с разговором: наслаждаюсь компанией, вкусной едой и, впервые в жизни, ощущением безопасности и защиты.

— Колючка, мы оба знаем, что легко не будет, — вдруг говорит

Даня, отпивая кофе из чашки.

Я сглатываю и тупо киваю, потому что это была в точности та реплика, с которой я собиралась начать наш первый серьезный разговор. Вот и как тут не верить в то, что у некоторых людей сходятся не только желания, но и мысли?

И все же, мне было бы проще сосредоточиться на серьезных вещах, если бы он не выглядел таким убийственно красивым, сидя полуголым с чашкой дешевого кофе у меня на кухне. Но если я попрошу его одеться, это будет слишком очевидное проявление слабости.

Поэтому я откашливаюсь и всеми силами пытаюсь сделать вид, что его перекатывающиеся под смуглой кожей мышцы не производят на меня никакого магнетического эффекта.

— Думаю... нам еще рано об этом говорить, — выбираю самую нейтральную формулировку. — Нет ничего страшного в том, чтобы не бежать впереди паровоза.

«Особенно, когда тебе всего восемнадцать и через полгода ты поступишь в университет, где к твоим услугам будет веселая студенческая жизнь со всеми ее прелестями в виде свободных ровесниц, ночных визитов в общежития по пожарной лестнице и одноразовыми отношениями».

Эгоистка во мне кричит, что я не хочу ничего этого для моего Ленского, а взрослая женщина, которая еще не до конца похоронена откровениями прошлой ночи, рационально напоминает, что я не имею никакого права указывать ему, как жить.

— А я думаю, что как раз самое подходящее время, — спокойно говорит Даня. Кладет в рот кусочек омлета, прожевывает и говорит: — Пока я ученик, ты будешь шархаться каждой тени, которая может увидеть нас вместе, да?

Не хочу ему врать, поэтому просто согласно киваю. Его губы складываются в печальную ухмылку, но он быстро с ней справляется.

— Видеться раз в неделю или еще реже, Колючка, я не согласен.

Мне начинает казаться, что мое согласие стало рычагом, который перевел стрелки разговора, и теперь он скажет совсем не о квартире, а о том, что все это было на раз, что у нас слишком мало общего, и что я не могу дать ему то, что он хочет и может иметь с любой девушкой своего возраста.

— Поэтому, — Даня откладывает вилку, с каким-то довольным

видом подпирает щеку кулаком, и огорошивает меня своим решением, — мы должны видеться там, где нас никто не будет беспокоить.

Мне кажется мой встречный вопрос «А чем не походит эта квартира?» слишком очевиден, потому что Даня добавляет:

— Я хочу оставаться у тебя на ночь минимум на все выходные и раз-два в неделю. И я не могу тебе позволить тянуть все самой. Поэтому: я снимаю квартиру и забочусь о тебе, а ты работаешь и делаешь карьеру. — А потом приподнимает брови и, наиграно зевая, добавляет: — Ну и еще будешь делать мою домашку по литературе.

Этот парень из другой вселенной.

Глава сорок четвертая: Даня

Несмотря на то, что в моей жизни было много очень разных девушек и женщин, с Колючкой все как-то совсем иначе. Хотя бы то, как офигенно она теряется от совершенно простых и нормальных вещей.

Пока Колючка спала, у меня была практически целая ночь, чтобы подумать, что делать дальше.

Плохо ли, что я так тороплюсь, пытаюсь быть с ней как можно ближе? Возможно. Я не знаю. У меня ни с кем так не было. Если бы мы с ней были ровесниками, то многие вещи шли бы своим чередом: свидания днем, общие компании, походы на праздники и дни рождения. Но у нас всего этого не будет. Не в таком объеме, потому что гулять мы с ней все-таки будем: сейчас зима, кто там кого видит в шапке и куртке? А тем более, когда она такая маленькая, что даже я при встрече сперва принял еще за старшеклассницу.

С другой стороны, у наших отношений будут другие положительные стороны: мы можем проводить вместе не только дни, но и ночи. И я могу о ней заботиться, потому что — пусть это и временный доход — я финансово достаточно независим. С осени я буду стажироваться у отца и у меня будет официальная работа и официальный заработок.

А раз уж мы с Колючкой собираемся видеться, то мне неуютно от мысли, что я буду заявляться к ней в квартиру, которую моя женщина оплачивает из последних сил, и опустошать ее холодильник. Так что выход из ситуации очевиден и совершенно логичен.

Ну и последнее.

Я должен быть рядом максимально возможное время на случай, если заявится ее бывший. А когда меня не будет рядом, должен знать, что она в безопасности. Хоть на его счет ее бывшего у меня тоже есть пара мыслей, и каждая из них заставляет мои кулаки подрагивать от предвкушения.

— Даня, ты спешишь. — Колючка откладывает вилку. — Ты совершенно точно очень спешишь.

— Не понравилось спать со мной в одной постели? — уточняю я.

— Речь совсем не об этом, — начинает розоветь она. — У тебя вся...

— Это — закрытая раз и навсегда тема, — на всякий случай предупреждаю ее попытки снова свести все к возрасту. Черт, похоже мне придется не раз сразиться с армией ее неприрученных насекомых. — Так понравилось или нет? Потому что, — показываю ей экран телефона с электронными часами, — у нас есть примерно минут сорок, чтобы я дополнил вчерашние аргументы.

Она неуверенно сглатывает.

— Варя, я собираюсь поговорить с родителями о нас. — Пусть уже отвыкает от мысли, что она — просто блажь. — Не обещаю, что после этого станет легче, но я не люблю врать. То, что ты вчера слышала — скорее исключение.

— Не нужно усложнять себе жизнь из-за меня.

Я поднимаюсь и быстрее, чем она успевает сообразить, что к чему, хватаю ее за талию и забрасываю себе на плечо. Одной рукой скольжу по ребрам, и Колючка начинает задорно визжать.

— Что я говорил о вранье? — напоминаю свое обещание отучить ее говорить «правильные вещи».

— Даня, прекрати немедленно! — хохочет она, пока я сваливаю ее на диван и пробегаю пальцами вверх по ребрам. — Лееееенский! Ты мя убьешь!

Глава сорок пятая: Варя

— Мне нравится, — говорит Даня, когда риелтор показывает нам третью по счету квартиру.

Она в хорошем спальном районе, в новостройке с хорошей планировкой и всеми удобствами. Большие окна дают много света, кухня просто огромная. А в ванной потрясающая душевая кабинка для двух человек. Неподалеку станция метро, рядом куча магазинов и аптек. Все самое необходимое под рукой.

— Две стоянки, — дополняет мои мысли девушка-риелтор. Она знает, что это тоже имеет значение, потому что Даня на машине.

Все выглядит так, будто это я буду снимать квартиру, но Даня постоянно тянет одеяло на себя: делает замечания, задает утоняющие вопросы. Понятия не имею, откуда это у него, но чем больше я узнаю его за пределами школы, тем больше хочется сказать искренние слова благодарности его матери за то, что вырастила Мужчину. Ужасно стыдно, что сперва я приняла его за пустоголового мажора.

— Стоянка — это хорошо, — улыбается Ленский. Потом подбирается ко мне и, заправляя прядь волос мне за ухо, добавляет: — Большая кровать, Колючка. Никаких пружин под задницей.

Вместо ответа я беру его под руку и отвожу в сторонку, говоря риелтору, что нам нужно посоветоваться.

— Почему эта, Даня? Прошлая была почти такой же. — Я нарочно подвожу к тому, что прошлая и стояла дешевле.

— Мне нравится вид из окна, — отвечает он. Но под моим пристальным взглядом добавляет: — А еще это закрытая территория только для жильцов, камеры наблюдения и домофон.

Теперь все становится на свои места. Особенно странность со звонками мужа и его сообщением, которые явно была прочитаны до меня.

— Даня, ты не должен лезть во все это.

— То есть мне нужно делать вид, что я не знаю, какой охувевший от безнаказанности мудака твой бывший? — уточняет он прохладным голосом.

— Да, потому что это мои проблемы.

— Ты — моя женщина, Колючка, значит, это и мои проблемы тоже, — улыбается Ленский. — Все, тема закрыта.

Я хочу возмутиться, но он громко и выразительно говорит:

— На этой и остановимся.

Девушка-риелтор расплывается в улыбке, явно довольная, что словила удачную сделку, а я потихоньку щипаю себя за тыльную сторону ладони. Нет, точно не сплю.

До конца дня я понимаю, что все это время у меня была очень странная жизнь. Потому что я была год замужем за... чем? За пустотой, кажется. У меня был муж с хорошей работой, квартирой и даже своей машиной. Но все это проходило мимо меня, потому что в квартире я была девочкой, шьющей занавески и вяжущей коврики, чтобы мужу можно было хоть что-то возразить в ответ на его постоянные упреки, что это я — на его территории, и моего здесь вообще ничего нет. Еще он ни разу не помогал мне, если я просила поехать вместе со мной по магазинам, чтобы не обрывать руки тяжестями. Машина же, разве не для этого она нужна?

— Что такое? — спрашивает Даня, разбираясь в настройках телевизора.

Здесь на стене висит огромная плазма, и в ней какое-то совершенно нереальное количество каналов. Даня останавливается на музыкальном, где играют старый рок. Хочу улыбнуться, потому что мой Мужчина даже в этом какой-то очень взрослый — не фанатеет от вида трясущихся полуголых грудей и задниц.

— Спасибо, Даня. — Скупое как-то и сухо, но из самой глубины сердца. С откровением, которое сбивает с ног и, чтобы не упасть, хватаюсь двумя руками за дверной косяк, прижимаюсь к прохладной поверхности раскаленной щекой.

Он откладывает пульт, поднимается, на ходу подтягивая рукава узкого свитера. Подходит ближе, но оставляет между нами немного свободного пространства.

Я подписала документы на съем, но квартиру снял Даня — на три месяца вперед. Мне до сих пор дико от этого, но я уже успела выучить его повадки — ему категорически не нравятся мои попытки запрещать ему делать все эти... красивые жесты. Хоть это настолько же далеко от красивых жестов, как и попытки моего мужа выдать утюг за подарок к восьмому марта. Даня делает что-то просто потому, что он считает —

так будет правильно.

— Не хочу тебя оставлять, — он все же прижимается лбом к моему лбу, делает этот такой почти родной уже жест — трется носом о мой нос. — Не прячь далеко телефон, хорошо?

— Конечно, — шепчу в ответ. Горло сводит, потому что и мне не хочется, чтобы он уходил. Хоть прикидывайся больной и немощной, и тогда мой Мужчина точно ни на шаг от меня не отойдет.

Слезы наворачиваются на глаза. Надумала реветь.

— У меня в два тренировки, примерно до четырех. Я заеду за тобой около половины пятого, — говорит он. — Никуда не ходи сама, договорились?

— Слушаюсь и повинуюсь, — охотно соглашаюсь я.

Даня вскидывает бровь, тянется к моим губам и с плотоядной улыбкой шепчет:

— Хочу услышать это же в постели, Колючка.

Мы пересматриваемся, сокрушенно вздыхаем в унисон, потому что оба знаем, чем закончится любой, даже самый невинный поцелуй, а на часах уже почти десять вечера.

— Никому не открывай, никого не пускай, всех шли на хуй, — дает наставления Даня, выскальзывая за дверь.

Закрываю за ним дверь, возвращаюсь в комнату, чувствуя совершенно ненормальную пустоту, кажется, даже в костях. А потом с восторгом маленькой девочки нахожу взглядом забытый Даней шарф. Заворачиваюсь в него, жадно вдыхаю запах мяты, сигарет и снега. В нем же через час укладываюсь спать и это именно то безумие, которого мне не хватало всю жизнь.

Глава сорок шестая: Даня

— Данил, зайди ко мне, — говорит отец, когда я переступаю порог дома.

Мать сидит на диване, смотрит на меня так, словно я пришелец, залезший в шкуру ее сына. Сильно похоже на то, что у них тут был непростой разговор. Судя по всему, обо мне.

Пытаюсь отыскать подсказку во взгляде матери, но она отводит глаза, и я вижу ее красную от напряжения шею.

— Где я опять плохой сын? — спрашиваю прямо в гостиной.

— Данил, я сказал — в кабинет, — рокошет отец, но я собираюсь игнорировать его приказы.

— Вы же тут вдвоем что-то обсуждали, а мозги будете прочищать по очереди. Я не согласен.

— Даня, — сокрушенно качает головой мать.

— Я восемнадцать лет ваш сын, и я прекрасно знаю, когда мне собираются устроить головомойку.

Отец подходит ко мне вплотную, хочет осадить какими-то грубыми словами, задавить авторитетом, но фигня в том, что я уже обошел его в росте, и мы оба в эту минуту понимаем, что он будет выглядеть нелепо, задирая голову, чтобы обругать меня. Несколько секунд просто смотрим друг на друга, а потом отец говорит:

— Я всегда смотрел сквозь пальцы на твои фокусы, Данил, — он выразительно оценивает мою царапину на роже. Так и знал, что он догадывается, с каких «тренировок» я приношу все свои фингалы. Отец сам в прошлом боксер, хвастался, что именно в клетке заработал первый капитал. Само собой, матери он ничего не сказал и никогда не скажет. — Но у всего есть предел.

— Можно услышать приговор перед расстрелом? — настаиваю я.

— У тебя отношения с женщиной на пять лет тебя старше! — громко говорит мать.

Столько разочарования в ее взгляде я за всю жизнь не видел.

Ок, значит, кто-то нас с колючкой спалил. Моя мать, даже если видела нас вместе, не могла узнать, что Варя — «женщина на пять лет старше». У Колючки на лбу возраст не написан.

— Кто наябедничал?

Это просто какой-то трэш, потому что такие совпадения бывают раз на миллион. И жизнь решила, что в этот раз под раздачу попаду я.

— О чем ты думал, Данил? — Отец заводится с пол-оборота. — Я не спрашиваю «чем», это и так понятно.

А я как баран смотрю на мать и чувствую себя преданным.

— Могла бы со мной для начала поговорить, — говорю ей. — Я и так собирался все тебе рассказать.

— Рассказать, что тебя совратила взрослая замужняя женщина? — Она даже не пытается скрыть приправленную возмущением брезгливость. — Ты же никогда не врал мне, Даня.

— Я и не собирался врать. Просто ты не дала мне шанса сказать правду. Ну что, возле какой стенки расстреляете? Последнее слово, я так понимаю, мне не положено.

Отец все-таки бьет: меня толкает в сторону, словно с размаху снесло экскаваторным ковшом, но я удерживаю равновесие. Во рту кровь, я елжу языком по зубам, собираю слюну и проглатываю как соленую приправу в горькому угощению родительского недоверия.

— Считаю, что я тебя предупредил насчет нее, — говорит отец четко и ясно. — Или можешь забыть о стажировке.

Он поворачивается на пятках и уходит в кабинет, на ходу поправляя пиджак с таким видом, будто врезал не собственному сыну, а отмудохал бродягу.

Мать поднимается, протягивает дрожащие руки к моей разбитой губе, но я отодвигаюсь.

— Кто? — спрашиваю еще раз.

— Мне позвонила твоя новая классная, — говорит она. — Думала, она снова нажалуется на твое поведение... — Мать прячет лицо в ладонях, ее плечи поднимаются и опускаются со вздохом разочарования. Потом она достает свой телефон, находит что-то и протягивает мне.

Это фотография: я и Колючка возле моей машины, судя по всему — около того дома, который риелтор показывала нам вторым. Несколько снимком, на одном из которых я целую свою Варю.

— Я люблю ее, ма. — Нужно расставить все точки над «і». Лучше для них я уже все равно не стану.

— Замолчи! — Она дает мне пощечину.

Ни хрена не больно, хоть теперь мне официально досталось от обоих родителей.

Но, пиздец, как жжет в душе. Как будто даже конченный нарик и алкаш, ворующий у предков деньги из кошелька — просто трепетный василек по сравнению со мной.

— Ты ничего не знаешь о любви! Тебя соблазнила взрослая женщина — это не любовь, Даня! Это статья.

— Тронете ее — ты или отец — и забудете о том, что у вас есть сын.

— Ты будешь нам угрожать?!

Она начинает плакать, и я по привычке тяну руки, чтобы обнять ее и успокоить, как делал всегда, когда мать нуждалась в моей поддержке. Но вовремя одергиваю сам себя. В самом деле — я же хуевый сын. Хуевее и быть не может.

— Я не угрожаю, — пожимаю плечами, — я просто уже выбрал себе женщину. Хреновым бы я был мужиком, если бы отказался от нее потому что папа заругает и мама не велит.

— Даня, ты куда?! — кричит она в спину, когда я иду к двери. — Данил, немедленно вернись!

Хотел бы я знать, куда я. Но точно подальше отсюда.

Глава сорок седьмая: Варя

В понедельник около одиннадцати мне звонит незнакомый номер. Я сбрасываю, потому что до конца урока еще десять минут и у меня как раз в разгаре творческое обсуждение, которое нельзя прервать: дети вошли в такой азарт, что будет жаль делать паузу и портить настрой.

После звонка захожу в учительскую, нахожу номер: незнакомый, и навскидку даже не могу представить, кто бы это мог быть. Разве что муж, который, кстати говоря, после Даниной угрозы притих и даже перестал слать мне сообщения, без которых после моего ухода не начиналось ни одно утро.

Но долго гадать не приходится — тот же номер звонит снова.

— Слушаю. — Смотрю на расписание, чтобы вырвать окно в компьютерном классе и поработать над презентацией.

— Варвара? — Холодный женский голос, в котором я почему-то сразу чувствую неприязнь.

— Да, это я.

— Меня зовут Алла Сергеевна. — Пауза. — Ленская.

«Алла Сергеевна Ленская, — мысленно повторяю я, чувствуя, как холодеют кончики пальцев. — Данина мама...»

— Нам нужно поговорить, Варвара. Не советую меня игнорировать, если вы не хотите, чтобы мой муж сделал этот город очень негостеприимным для вашего существования.

Если у меня и мелькала мысль о том, что Ленская звонит мне по ошибке, не зная, что я уже не Данина классная, то теперь от нее не остается и следа.

— У меня будет окно с двух до трех, — говорю максимально спокойно, но на ватных ногах опускаюсь на стул. Еле ворочая языком, называю адрес сквера неподалеку от «Меридиана».

Она говорит: «В четырнадцать десять я буду там» и, не прощаясь, кладет трубку.

Я смотрю на телефон в своей ладони, словно на камень, которым мне только что проломили череп. В висках нарастает противная частая пульсация, словно кто-то немилосердно раскачал маятник, и он с частой амплитудой колотится о стенки моего черепа.

Когда я ушла от мужа и осталась, фактически, с пустыми руками и копейками, которых хватало только чтобы не протянуть ноги, я думала, что хуже уже просто не может быть, но мне было легко и хорошо, ведь позади осталась домашняя тиранья и постоянный страх дать повод для побоев. То, что я чувствую сейчас, и близко не похоже на те чувства. Еще ничего не произошло, у меня еще несколько часов до встречи, а я уже хочу провалиться сквозь землю от стыда и унижения. Я очень наивна и неопытна во многих вещах — мне хватает смелости признаться себе в этом, но у меня нет ни тени сомнения, что мать Дани растопчет меня родительским негодованием. Для этого достаточно задать само себе вопрос: «Что бы я делала на ее месте, если бы узнала, что единственный сын встречается со взрослой замужней женщиной?» Точно не пожелала бы мира и добра.

Два следующих урока мне приходится буквально силой заставлять себя не вспоминать о будущей встрече. А потом, когда накидываю пальто и иду в сквер, все время проверяю телефон: Даня молчит. Ни звонка, ни сообщения. Возможно — только мои предположения — у него уже состоялся разговор с родителями и...

Я останавливаюсь, глубоко и жадно глотаю морозный воздух, вдруг почти подскакивая на месте от нервного гудка автомобиля. Осматриваюсь сквозь туман в глазах: оказывается, застряла прямо на пешеходном переходе как раз на «красный». Перехожу на тротуар, заворачиваю за угол — и вижу Ленскую. Не знаю, почему вдруг понимаю, что это — она. Ни намека на сходство с Даней: он темный и смуглый, а она — высокая блондинка, красивая даже в своих летах. В дорогой норковой шубе, с сумкой с лейбом известного французского бренда. Я еще не успела подойти, а уже слышу терпкий запах дорогих духов. Если она хотела размазать меня своим статусом, то у нее это прекрасно получилось, но я изо всех сил поджимаю губы и даже нахожу силы поздороваться первой:

— Алла Сергеевна?

Она окатывает меня холодным взглядом и, ни слова не говоря, просто начинает идти по алее. Я подстраиваюсь под ее шаг. Даю себе обещание просто уйти, если она и дальше будет играть в молчанку. Но она не молчит. Протягивает мне свой телефон, где на экране наше с Даней фото: «папарацци» поймал нас как раз в тот момент, когда Даня сказал, что его заводит моя шапка с большим помпоном и он не может

удержаться, чтобы не поцеловать «свою малолетку».

Я возвращаю телефон, останавливаюсь. Просто стою и жду, когда Ленской надоест играть роль «злой королевы». Она делает еще пару шагов, поворачивает голову и удивленно вскидывает брови.

— Я не собачонка, Алла Сергеевна, и если вы хотите поговорить со мной о Дане, то давайте разговаривать. У меня мало времени.

Понятия не имею, как у меня это получается, но слова звучат ровно и спокойно, хоть внутри меня словно перетянули колючей проволокой.

— Это для меня он Даня, — строго говорит она. — А для вас, Варвара, он Данил Ленский! И на вашем месте я бы следила за языком, потому что между вами и моим очень разозленным мужем сейчас стою только я.

Понятия не имею, что ей сказать. Что я готова говорить, но не знаю, как это делать, если она молчит?

Глава сорок восьмая: Варя

— Вы понимаете, что ему только восемнадцать? — с нарочитым вызовом, приступает к моральной порке Ленская.

— Да, прекрасно понимаю.

— Понимаете, что у вас муж в «органах», но вы все равно морочите голову мальчишке?

— Я подала на развод, — говорю слишком быстро и импульсивно.

Как итог — Ленская кривит рот, словно я призналась в чем-то еще более аморальном, чем роман со старшеклассником.

— Конечно, вы подали на развод, — фыркает она. — Кто же выпустит такой шанс? Единственный сын известного банкира, такие перспективы. Задурили ему голову своими... мерзостями?

Она из шкуры вон лезет, чтобы вылить на меня всю эту грязь, а я мне почему-то лезут в голову все те «мерзости», которыми меня развращал сын этой королевы — и рот сам растягивается в улыбку. И Ленскую эта реакция обескураживает, потому что на миг маска брезгливости сползает с ее лица и на меня смотрит она: немолодая и, кажется, не очень счастливая женщина.

— У моего мужа огромные связи, — говорит Ленская, снова делая вид, что держит ситуацию под контролем. — Вы даже не представляете, что он может с вами сделать.

— Очень хорошо представляю, — ничуть не лукавлю я.

— То, что вы до сих пор работаете в школе, — она подчеркивает, что знает обо мне все, — это только моя заслуга.

Если она ждет, что я упаду ей в ноги и буду молить о пощаде, то... не дождется.

Почему-то именно сейчас вспоминаю все те разы, когда я, девчонка из многодетной семьи, попадала на людей, думающих, что они лучше меня только потому, что мои вещи из магазина «вторых рук». Сначала мне было обидно, потом я научилась отделять материальное от человеческого. А со временем просто перестала обращать внимание.

— Вы вылетите со школы, Варвара, уже до конца дня и, поверьте, по специальности в этом городе вам уже никогда не найти работу. И не только в этом.

Я просто согласно киваю. Она сжимает челюсти, берет паузу, после которой переходит к следующей части своего монолога.

— Даня спит и видит, как поступит и пойдет к отцу на стажировку. Вчера, когда ваша... интрижка всплыла, муж поставил ему условия. Даня умный мальчик, я уверена, он уже сделал правильный выбор.

Мне приходится вцепиться в ремень переброшенной через плечо сумки, чтобы не поддаваться желанию проверить телефон. Ленская понимает, что, наконец, задела меня за живое и продолжает добивать:

— Вы же взрослая женщина, — звучит почти как оскорбление, — должны понимать, что между вами ничего не может быть. Что вы можете ему дать? Заботы? Быт? У моего сына впереди целая жизнь, в которой он может и будет выбирать лучшее. Вы просто блажь, которая выветрится из его головы сразу же, как только вы уберетесь вон из его жизни.

— Мне вы это зачем говорите?

— Чтобы вы понимали, что гробите мальчику жизнь! — все-таки срывается на крик Ленская. — Мой муж — человек слова. Если он сказал, что Даня не получит стажировку, то это значит, что он именно так и поступит. И Даня потеряет огромные перспективы, деньги и возможности. Из-за вас.

— Я ведь просто блажь, — пожимаю плечами, — вам не о чем беспокоится, Алла Сергеевна.

Мне нужны все моральные силы, чтобы «держать лицо». Несколько минут мы просто смотрим друг на друга, а потом Ленская порывисто проходит мимо, бросая на прощанье:

— Если у вас есть хоть капля совести и здравого смысла, вы отвяжитесь от моего сына.

Когда она скрывается из виду, я присаживаюсь на заснеженную скамейку, зачерпываю пригоршню снега и прикладываю к щекам.

Понятия не имею, что делать.

Тем более, что Даня продолжает молчать.

Глава сорок девятая: Варя

Я возвращаюсь на работу и потихоньку, стараясь не привлекать внимания, на всякий случай убираю в ящике своего стола. Если завтра меня попросят на выход, я по крайней мере не буду собирать вещи под осуждающими взглядами коллег. А в том, что они будут, можно не сомневаться: сплетни о связи учительницы и ученика, пусть и бывшего, расползутся со скоростью звука. В человеческой природе заложена ненормальная тяга перебирать чужое грязное белье.

В начало пятого, когда я еле держу себя в руках, чтобы не разреветься от отчаяния, звонит телефон. Я даже боюсь смотреть на экране, чтобы не разочароваться, но когда вижу имя «Даня», слишком громко выдыхаю, нарываясь на любопытные взгляды коллег.

Выбегаю в коридор, плотно прикладывая трубку к уху.

— Колючка? — слышу его вопрос, слишком поздно соображая, что не могу произнести ни звука. — Эй, детка, ты там?

— Даня, — говорю, чуть не плача. Облегчение сходит лавиной, практически валит с ног. — Ты не писал, я не знала, что и думать.

— Был занят, Колючка. Выходи, жду тебя у «Хрума».

Собираюсь, кажется, за секунду, выбегаю даже не застегнув пальто. По пути неосторожно подворачиваю ногу, падаю прямо в снег.

Даня ждет меня у машины и я сразу понимаю, что что-то не так. Он старается выглядеть непринужденным, опираясь бедрами о капот машины, но в капюшоне под меховой оторочкой модной «парки» хорошо видны пара свежих синяков у него на лице. Подхожу ближе, упираюсь руками ему в грудь, когда пытается меня поцеловать, стаскиваю капюшон и не могу сдержать вздох.

Его нижняя губа разбита, переносица припухла, правая сторона лба заклеена лейкопластырем.

— Даня, что... — Понятия не имею, о чем спрашивать. Почему-то в голову лезут слова его матери об отцовских угрозах. Он сделал все это с ним? С моим Даней?!

— Кто он-то? — хмурится Даня, и так я понимаю, что произнесла эти мысли вслух. — Колючка, что такое?

Голос Дани хриплый, и на щеках заметная алая дымка.

Прикладываю ладонь к его лбу.

— У тебя температура! Ты сел за руль с температурой?! И что с твоим лицом?

— Все нормально. — Перехватывает мою руку, забрасывает себе на плечо и крепко обнимает, зарываясь носом мне в волосы на макушке. — Я люблю тебя, детка.

Обнимаю его за шею, а у самой горло сводит от желания просто кричать обо всем сразу: о том, что я не хочу портить ему жизнь, но уже просто не представляю нас врозь, о том, что его мать, хоть и говорила грубо, но ее слова совершенно заслуженны, о том, что у него и правда целый мир возможностей и более подходящих женщин без паршивого прошлого.

— Я встречалась с твоей мамой, — говорю шепотом. Даня хмыкает мне в волосы: наверное, успел догадаться. — Она сказала о стажировке.

— В жопу стажировку, Варя, — зло бросает Даня, и практически оборачивает вокруг меня крепкие руки. — Я всегда могу подать резюме наравне со всеми. И поступлю сам — не идиот. Вдвоем справимся, Колючка. Я обещал, что ты теперь со мной, помнишь?

Господи, как душат слезы.

Комкаю в кулаках края его куртки, поднимаюсь на носочки и зарываюсь носом в его плечо. Теперь там будет мокрое пятно моих слез.

— Я люблю тебя, Даня, — так глупо, так быстро, так невозможно... и так невыносимо сильно и искренне, что вот-вот задохнусь в собственных чувствах. — Ты молчал. Я ... так сильно... испугалась, что...

Вместо ответа он немного разворачивается и, наклоняясь к моему уху, тычет в сторону своей машины. Из раскрытого окна торчит перетянутая защитной сеткой верхушка живой елки. Кажется, дерево просто огромное!

— Еле выбрал, — хвастается Даня. — Новый год на носу, а мы без елки.

Молчу и продолжаю глотать слезы.

— Только, Колючка. Давай украшать конфетами и мандаринками?

— Нам понадобится лестница, чтобы прицепить звезду.

— Пффф, — Даня легонько прикусывает меня за ухо, и хвастливо говорит: — Чем тебе мои плечи не угодили, детка? Подсажу.

Еще несколько минут мы просто стоим возле машины: обнимаемся

и молча смотрим на елку. Нам даже не нужно разговаривать, чтобы понять — мы думаем примерно об одном и том же.

— Поехали ставить елку. Колючка.

Даня помогает мне сесть в машины, усаживается за руль, и я замечаю, как он морщится от боли. Приходится до боли сжать кулаки на коленях и не приставить с расспросами прямо сейчас, чтобы не отвлекать от дороги. И все же — не мог отец избить его до такой степени. Из-под пластыря на лбу виден свежий шрам.

Мы поднимаемся в квартиру, Даня заносит елку, потом спускается вниз за треногой (ее он тоже купил, оказывается). Пока его нет, раздеваюсь, вставляю чайник, достаю из холодильника ужин: кое-что на сковороду, кое-что в микроволновку. Хочу приготовить Ленскому что-то свежее, но у нас не так много времени, а с елкой он точно провозится минимум час. Не представляю, как справится, но под руку лезть точно не буду.

Когда захожу в гостиную, Даня уже разделся и спокойно, уверенно, ставить елку в треногу.

— У дерева никаких шансов, — говорю с улыбкой.

Он поворачивается, стряхивает с волос иголки, улыбается — и тут же жмурится от боли.

— Даня, что с тобой? Тебя отец избил?

Ленский снова жмурится, но на этот раз не от боли. Сует руки в передние карманы джинсов и смотрит на меня исподлобья, как будто раздумывает, что сказать.

— Это не отец, колючка. Точнее, — он ухмыляется, потирает разбитую губу, — не все это — его рук дело.

По моему позвоночнику ползет холодок. В голову лезут мысли о бандитах, нападениях, гангстерах из фильмов про итальянскую мафию. Он же ездит на такой дорогой машине, мало ли что кому в голову взбредет!

Я прихожу в себя только когда понимаю, что крепко, изо всех сил, обнимаю его за талию и прижимаюсь лбом к его груди.

— Все хорошо, Колючка. Давай сядем, расскажу тебе кое-что.

Глава пятидесятая: Даня

Она первая, кому я рассказываю о том, как зарабатываю на карманные расходы. Стараюсь не грузить колючку подробностями, хоть с каждым моим словом ее глаза становятся все больше и все круглее. Потом она зажимает рот ладонью, потом очень неумело сдерживает слезы. Приходится обнять ее и успокаивать точно, как маленькую.

Я узнал о том, что многие мужики из секции «подрабатывают» на стороне вот таким способом: просто выставясь на подпольных боях. Само собой, все это незаконно. Связь через одноразовые сообщества, где никто никого не знает по имени и отчеству. У бойцов — клички, у участников — ставки. Хочешь — впрягайся, никто за уши не тянет и паспорт не спрашивает. От парней постарше слышал, что пару раз были сливы и место накрывали, поэтому теперь место озвучивается буквально за несколько часов до начала: собрались, повеселили толпу — и разбежались. За глаза нас всех называют «псами», но мне вообще плевать, главное, у меня есть очень неплохие деньги.

Во вчерашней «клетке» я вообще не собирался участвовать, но после разговора с родителями просто укрыло намертво. Понял, что в колючке в таком состоянии ехать нельзя, а что делать с дурной башкой, кроме выколачивания дури кулаками, так и не придумал. В итоге злость сыграла на руку. Варя этого никогда не узнает, но обычно я куда сильнее «в хлам», потому что, пусть и переросток, но все равно самый мелкий среди обычных участников.

— Даня, ты больше не...

Я знаю, что она хочет сказать, поэтому на всякий случай прижимаю ее голову к своему плечу, гащу произнесенные слова.

Конечно, «клетка» — не то, чем я собираюсь заниматься всю жизнь, и в профессиональный спорт меня тоже не тянет, хоть тренер говорит, что у меня «олимпийское будущее». До вчерашнего дня у меня был совершенно ясный и четкий план на ближайшее будущее: учеба, стажировка, натаскивание отцом моего финансового нюха и, в далекой перспективе, его место во главе семейного бизнеса. Почему-то хотелось верить, что после разговора с родителями, мне никто не будет ставить ультиматумы, не похоронит во мне сына под штабелями угроз.

Наверное, потому, что простодушный наивный дурак.

Можно сказать, вчера я окончательно повзрослел, потому что вдруг понял — я остался один.

— Все будет хорошо, Колючка, — дышу ей в волосы.

Уже днем, когда в моей голове немного прояснилось и боль вытравила поганое настроение, мне вдруг стало не по себе от того, что мои родители вполне могли устроить колючке «сладкую» жизнь: мать все время названивала, отец позвонил только раз и сказал, чтобы я не дурил и возвращался. Я не вернулся, я просто гулял по городу и пытался выстроить новый план на будущее: мое и моей женщины.

Если бы Варя ушла из моей жизни, я бы, наверное, сдох.

Потому что это было бы еще хуже, чем предательство родителей. Это было бы предательство нас. И если бы она начала говорить что-то в духе: «Так будет лучше для тебя», я бы сдурел. Поэтому и молчал, как пень, боялся, что все это может случиться и тогда мне точно пиздец.

— Даня? — Она все-таки выкручивается из моих рук, смотрит зареванными глазами. — С родителями совсем плохо?

— Ты это спрашиваешь после разговора с моей матерью? — Меня разбирает злость за то, что Варя могла услышать в свой адрес, если даже при мне родители не очень стеснялись в выражениях.

Так, кажется, пришло время сказать то, что я реально боюсь сказать.

— Если вернусь к ним, это будет значить, что я проиграл нас. Ты понимаешь?

Она уверенно кивает, втягивает губы в рот, а потом снова прижимается ко мне и говорит:

— Пошли ужинать?

Глава пятьдесят первая: Варя

— Я помогу убрать со стола, — говорит Даня, когда наши тарелки пустеют.

До сих пор пытаюсь переварить все, что произошло и уцепиться за ветку, пока меня не смыло потоком этих стремительных отношений. Но ведь пару дней назад Даня правильно сказал: у нас, в нашем теперешнем положении, совсем уж нормальных отношений пока просто не может быть. Ни свиданий, ни поцелуев. Даже за руки на людях не взяться.

И вот теперь мы вроде как... будем вместе жить?

— Что у тебя снова в голове? — спрашивает Даня, деловито споласкивая тарелку под проточной водой, пока я самым бессовестным образом вижу на кухонном диванчике и пью чай с печеньем.

— Нам нужен список, — озвучиваю свои мысли. — Для конфет, мандаринок и праздничного стола. И бенгальские огни. И мишуру.

Даня вытирает руки полотенцем, присаживается передо мной на корточки и прежде, чем я успеваю что-то сделать, откусывает приличный кусок от моего печенья. Энергично жует и делает очень серьезное лицо.

— Хочу одну цыпочку на праздничном столе, можно в подарочном бантике.

Понятия не имею, сколько еще пройдет времени, пока я привыкну к его внезапным пошлым намекам, но не уверена, что так уж сильно хочу привыкать. В особенности, когда Ленский забирает чашку из моих рук и стаскивает футболку через голову.

У него и на ребрах синяки: большие кровоподтеки, от вида которых все внутри сжимается, словно это меня прямо сейчас немилосердно бьют чем-то тяжелым. Вот тебе и «мальчик». Почему-то в голову лезут те мысли, которые я носила целый день, после разглядывания его спины: за ним как за каменной стеной.

Потихоньку, стараясь вообще ни о чем не думать, прижимаюсь губами к месту над синяком. Даня вздрагивает, словно его ударило током, и прижимается ко мне, запуская одну руку в волосы, осторожно массируя пальцами затылок.

Не верю, что я это говорю, но в друг вспоминаю наш вчерашний

разговор, и губы сами шепчут:

— Сексуальная фантазия номер один, да?

Он прикусывает губы, на щеках появляется алая дымка возбуждения, и хриплый голос в ответ:

— Да, детка, пожалуйста... да...

Я вспоминаю попытки мужа заставить меня сделать с ним это, но каждый раз меня скручивали непонятные спазмы, природу которым я никак не могла объяснить. Только брезгливостью и нежеланием делать то, что казалось... недостаточно откровенным для наших отношений. Звучит смешно, потому что его попытки склонить меня к оральному сексу в его пользу начались примерно через пару месяцев после брака, а это и так самый высокий уровень близости. Когда я попросила помочь мне «настроиться» аналогичным способом, он только скривился и сказал что-то о том, что не мужское это дело — бабу лизать, и что-то еще о физиологии, от чего я пулей выбежала в туалет и меня стошнило всем, что я съела за прошедшие сутки. После этого тему этой стороны нашей интимной жизни он поднимал еще несколько раз, даже пытался заставить, но в итоге сдался, потому что я даже не могла разжать челюсть, а когда он сделал это силой, меня снова подвернуло. Последнее, что я помню: его очередное оскорбительное «ты просто бревно» и новенькое «не жалуйся потом, что у меня появилась баба на стороне». В тот момент мне хотелось мысленно поблагодарить эту спасительницу за то, что справляется с похотью моего мужа.

И вот теперь, я сижу на приземистом диванчике, рядом стоит мой Даня, и все мои мысли фанатичной мошкаррой вертятся вокруг его упругого рельефного живота, влажного следа от моего поцелуя над пупком и острой потребности поскорее стащить с Дани джинсы.

Он не дает мне это сделать: одной рукой немного нервно дергает пряжку ремня, другой продолжает массировать мой затылок, пока я снова прижимаюсь губами к редкой дорожке его волос, убегающей за ремень. Нет ни тени отвращения, рот странно наполняется слюной, когда вспоминаю его голого. Прикусываю губы от нетерпения и стыда, и еще немного паникую, потому что для меня это будет впервые, а Даня, кажется, на всех фронтах интимной жизни уже успел взять медаль ветерана.

— Все в порядке? — Он отвлекается от своего занятия, приподнимает мою голову за подбородок и, наклоняясь, немного нервно

выдыхает мне в губы: — Не нужно совсем до конца, Колючка или, если хочешь, давай совсем остановимся.

И тут вдруг во мне выскакивает чертик из табакерки, подначивает сыграть с моим Ленским по тем же правилам, что и он играл со мной, и я не раздумывая поддаюсь на провокацию: осторожно прикусываю Данин живот прямо над кромкой низко сидящих на бедрах джинсов. Ленский вздрагивает, втягивает живот так сильно, что я начинаю переживать — хватит ли ему сил сделать новый вдох.

— Сам учишь меня говорить правду, — ловлю его лихорадочный темный взгляд. — А тебе разве хочется услышать сейчас мое «нет»?

— Ты и правда меня прикончишь, Колючка, — нервно смеется он и тут же снова вздрагивает, потому что я твердо берусь за «собачку» молнии и тяну ее вниз.

Это очень странно, но только сейчас я как будто начинаю понимать и пробовать вкус настоящего секса.

Глава пятьдесят вторая: Даня

Ни один мужчина не откажется от того, что мы все безумно фанатеем от ощущения женского рта вокруг своего стояка. Я — не исключение. И у меня было много опыта в этом деле: от совсем слюнявых девчонок, которые думали, что просто полизать для полноценного оргазма уже «норм», до настоящих профи, заглатывающих почти по самые яйца. Иногда это было никак, иногда это было супер.

Но самый космос случился у меня в голове, когда я думал о Колючке после нашего поцелуя и мечтал, что когда-нибудь, возможно, я почувствую ее рот ниже пояса. Воображение подкидывало в топку возбуждения такие охеренные кадры, что после этого порно собственного производства, я чувствовал себя больным извращенцем.

И вот теперь моя фантазия ожила, но, к счастью, реальность оказалась в тысячу раз лучше моего воображения. Как будто все это время я смотрел интересное шоу с минимальной яркостью на черно-белом экране, а потом кто-то разобрался с настройками и...

Короче, Варя еще только возится с моими джинсами, я уже готов спустить все в штаны, потому что позвоночник наполняется таким офигенным теплом, что хоть подохни — а я должен куда-то деть свой на хрен окаменевший член. Ее рот — идеальное для этого место.

— Можно... я не буду их снимать до конца? — Колючка поднимает на меня взволнованный зеленый взгляд.

Вспоминаю ее слова о том, то в прошлый раз ей понравилось, что из джинсов торчала только часть моей задницы. Кажется, у Колючки прорезаются интересные сексуальные пристрастия, и меня распирает от радости, что они появились только благодаря мне.

— Можешь делать со мной все, что захочешь, — прикусываю губу, чтобы сдержать улыбку, когда она пробегает кончиком языка по нижней губе, увлажняя ее. Мне нужна бочка выдержки, чтобы пережить ее губы на своем члене — и не сдуреть.

Колючка немного стаскивает с меня джинсы вместе с трусами, вздрагивает, когда мой член оказывается на уровне ее глаз. Меня прошибает насквозь только от осознания того, что сейчас я весь укутан

ее горячим дыханием, но и это все равно совсем ничто в сравнении с тем, как вскипает кровь у меня в венах, как только Колючка обхватывает меня двумя ладонями.

Я с шипением пропускаю воздух сквозь сжатые зубы, задираю головы, чтобы успокоится. Смотреть на нее в эту минуту — отдельный сорт удовольствия. Мысленно считаю до трех, желаю себе не опозориться, кончив ей в руки, и все-таки смотрю вниз.

Бля, бля, бля!

Она наклоняется ко мне, раскрывает рот, мягко обхватывает губами. Осторожно, как будто боится сделать мне больно. Сглатываю и мое сердце начинает биться с частотой сто ударов в секунду, потому что внутри ее рта слишком горячо и влажно. Совершенно точно, что мое терпение уже беспомощно машет белым флагом и готово капитулировать.

Варя на миг выпускает меня, проводит ладонью до самого основания, ищет мой взгляд в поисках поддержки. Что ей сказать? Что у меня есть больная фантазия о том, что я хочу кончить в ее припухшие влажные и жадные губы?

— У меня сейчас яйца лопнут, — вместо этого говорю я, и поздно соображаю, что это так себе альтернатива пошлятине в моем мозгу.

Колючка сверкает глазами, вздыхает и на этот раз жадно втягивает меня в рот.

— Твою мать... — выдыхаю я, и следующие несколько секунд, пока она сжимает вокруг меня губы, это единственные слова, которые вырываются из моего горла. Потом немного подталкиваю ее затылок, и когда ее рот вбирает мене еще глубже, я просто дурею: — Да, детка, да...

Она перехватывает мою руку, которой я играю с ее волосами и недвусмысленно тянет, отдавая мне контроль. Это все, о чем я мог мечтать. Мы на миг сталкиваемся взглядами, и в глазах моей девочки один сплошной секс.

Я веду ее: показываю глубину и скорость, сам не замечая, что начинаю в ответ толкаться бедрами. Голова кругом, мир растекается разноцветными кляксами. В какой-то момент Варя вдруг втягивает меня почти до самого конца, и огонь поджигает мои вены. Кажется, я немного груб, когда оттаскиваю от себя ее голову.

— Что-то не так? — Растерянность в ее взгляде напололам с

желанием — это как «Отвертка» на голодный желудок: клинит и мгновенно бьет в башку.

— Я просто слишком сильно хочу кончить, детка.

Она мотает головой, поглаживает меня ладонью и теперь это скользкое энергичное трение. Черт, я стал фанатом ее рук. Ее взгляд кричит: «Все хорошо, давай» и кто я такой, чтобы отказываться от десерта?

Оргазм подкатывает мгновенно, как только ее губы снова сжимают мою головку, а язык чертит контуры на туго наполненных кровью венах. Я ни хрена вообще не остыл. Мне нужно всего два толчка навстречу ее рту, скользкое горячее небо, в которое я упираюсь — и все, я на хуй в хлам.

Меня буквально рвет. Кончаю так сильно, что за закрытыми веками искрит высокое напряжение. Горячо и влажно. Просто убийственно. Я задерживаюсь в ее горле на несколько секунд и меня потряхивает бесконтрольными волнами.

Понятия не имею как и когда, но оказываюсь перед ней на коленях, тяжело дышу в сгиб ее шеи и бормочу хрен знает что. Переворачиваюсь, прижимаюсь спиной к дивану и тяну на себя Колючку.

— Ты моя Снегурочка, — звучит как бред сумасшедшего, но мой мозг неспособен на высокопарный слог. — А теперь садись на меня, детка.

Глава пятьдесят третья: Варя

Меня до сих пор бьет крупная дрожь от одного вида моего Дани, когда она такой: напряженный, тугой и натянутый, как струна. И весь мой. И я вся его.

Мысли светлячками кружат в голове, ведут мои желания направленными точками света. Я больше не чувствую себя ни скованной, ни зажатой. Во мне столько потребностей и желаний, что хочется вслух попросить их притормозить и не навалиться всем разом, иначе я просто не выдержу.

Даня быстро и ловко расстегивает мои брюки, спускает вниз по бедрам и дает руку, чтобы я могла вышагнуть из них. Потом слишком медленно, нарочно издеваясь, проводит пальцами по влажным трусикам у меня между ног, ухмыляется какой-то дьявольской улыбкой и в один рывок стаскивает и их тоже.

— Садись, детка, пока я не тронулся окончательно. — Обхватывает себя у самого основания, направляет меня навстречу.

Я медленно вбираю его в себя сантиметр за сантиметром. Слишком много и остро, и приходится брать паузы, каждая из которых превращает лицо Дани в гримасу мучительного удовольствия. В конце концов, он стонет и, надрывно извиняясь, шепчет:

— Прости, детка, не могу... правда... ни хера не могу в тебе держаться...

Его ладони крепко сжимаются у меня на ягодицах, фиксируют в одном положении — и мой Ленский одним ударом вколачивается в меня сразу целиком. Мы в унисон громко стонем, сперва распадаемся, словно расколота надвое чашка, а потом лихорадочно цепляемся друг в друга, наощупь находим губы, сплетаемся языками. Двигаемся в рваном ритме, и каждый его толчок отдается сладкой болью в животе, от которой расходятся волны до пупка и выше. Моя грудь такая болезненно твердая, что Даня без труда нащупывает соски под тканью и трет их большими пальцами, продолжая таранить меня мерными тяжелыми покачиваниями. Приходится вцепиться в его плечи, чтобы не потерять опору в стремительно штормящем мире.

— Даня... я... я...

Хочу сказать, что во мне уже что-то вроде атомного взрыва внутрь, но не успеваю.

Он толкает меня на спину: горячо и жестко, без нежностей. Вгрызается в шею, одной рукой забрасывая мои ноги себе на локти.

— Так хочу кончить в тебя... — В его голосе почти отчаяние.

Я чувствую себя полностью покоренной и прирученной, и такой наполненной, что, кажется, больше не смогу принять ни сантиметра. Но мой Ленский доказывает обратное — наваливается бедрами и под таким углом я чувствую его где-то у самого пупка.

Кричу.

Мотаю головой по полу, пока он, словно поршень, накачивает меня собой.

Меня словно вынули из собственного тела, окунули в сладкую вату — и вручили этому мужчине в вечное владение.

Я пришла к тому, с кем должна была быть, с кем совпадаю, словно две половинки.

Мое тело еще дрожит от сладких судорог, а Даня, сделав последнее движение, выходит из меня, берет член в кулак и судорожно толкается в собственные пальцы.

— Можно? — спрашивает хрипло, тяжело дыша открытыми губами.

Вместо ответа я приподнимаюсь на локтях и жадно ловлю каждое его движение, пока Даня, со стоном облегчения, рвано кончает мне на живот. В эту минуту у меня случается второй оргазм — в моей голове.

Мы лежим на полу еще несколько долгих минут: восстанавливаем дыхание, нежно целуемся, чувствуем друг друга влажной кожей. Мне кажется, что теперь эта квартира навсегда пропахнет нами, и в этом есть что-то странно приятное. Как будто в будущем, что бы не случилось, на земле точно будет хотя бы одно место, запомнившее нас таких, как сейчас: жадных друг до друга, открытых, откровенных и решительных.

Потом Даня поднимается, знакомым уже жестом подтягивает джинсы до талии, в одно движение берет меня на руки и несет в душ. Откручивает вентиль и медленно раздевает, а потом заносит прямо под воду. Я задыхаюсь от того, он все еще в джинсах, а вся моя одежда сейчас — мурашки по телу и капли воды россыпью. Но Ленский прижимает меня к теплomu пластику, снова целует и я, теперь уже не стесняясь, стаскиваю с него одежду. На этот раз — всю.

А когда примерно через полчаса мы все-таки добираемся до постели, и я совершенно выбилась из сил, Даня доказывает, что и это — совсем не предел моего организма.

Когда он, наконец, засыпает, скручиваясь вокруг меня, словно оберег, я контролирую собственное дыхание, чтобы вслушиваться в каждый удар его сердца. Завтра будет новый день и новые заботы. Завтра я снова уйду с работы своей мечты, потому что лучше уволиться самой, чем уходить с позором и осуждающим шепотом в спину. Вряд ли родители Дани передумают меня линчевать: для них я просто «недостойная женщина, загубившая будущее их сыну». И я изо всех сил стараюсь не думать о том, что когда-нибудь, возможно, настанет день, когда и Даня подумает об упущенных из-за меня возможностях.

Утром я успеваю приготовить завтрак, оставить на столе листок с примерным списком всего, что нам нужно купить к Новому году и под чертой пишу: «Дописывай остальное. Люблю. Твоя Колючка».

Целую его в щеку и убегаю на работу до того, как он проснется.

Глава пятьдесят четвертая: Варя

Между первым и третьим уроком у меня окно. И хоть я настраивалась все утро, в кабинет к директору иду в дрожащими коленями и полной головой самых скверных мыслей. Это глупо с моей стороны, но Игорь был добр ко мне, когда я рассказала о тяжелом разводе, и я собираюсь рассказать ему о причине своего ухода и почему будет лучше не задерживать меня до момента, пока не найдется замена.

Игорь как раз разговаривает по телефону, и когда я захожу, взглядом указывает на диван, предлагая мне сесть. Судя по всему, у него рабочие вопросы, потому что он довольно взвинчен и через пару минут разговора нервно сдергивает галстук. Начинаю подозревать неладное, и поглядываю в сторону двери, но он зажимает ладонью микрофон телефона и коротко бросает:

— Нет, останьтесь.

Похоже, моя попытка сохранить все в тайне только что с треском провалилась.

Еще через минуту Игорь, наконец, кладет трубку, цедит сквозь зубы что-то нецензурное и поворачивается в мою сторону. Смотрит не с осуждением, но я все равно не могу заставить себя перевести дух.

— Пойдемте подышим свежим воздухом.

Я соглашаюсь, и мы выходим на задний двор школы через спортзал. Там Игорь достает сигареты, закуривает и с минуту просто молча курит.

— Речь шла обо мне? — рискую нарушить тишину и мне кажется, что он с облегчением вздыхает, потому что не пришлось первому начинать неудобный разговор.

— Что за история с совращением несовершеннолетнего, Варя?

В стенах школы мы — на «вы», но после разговоров о личном, как-то незаметно перешли на «ты».

— Ему есть восемнадцать и было восемнадцать, когда у нас... завязались отношения, — не собираюсь юлить я. В конце концов, это из-за меня у Игоря теперь полный рот проблем.

В двух словах рассказываю о Дане, опуская подробности. Игорь слушает и изредка качает головой. Потом, когда мне больше нечего

прибавить, он потирает лоб и говорит:

— Мне все это преподнесли несколько иначе.

Хочу сказать, что совсем не удивлена, но снова вспоминаю о материнской любви и не могу найти в своем сердце осуждения поступка Даниных родителей. Еще не известно какой матерью стану я сама.

— Я собиралась уволиться «по собственному», — говорю с горькой улыбкой. Теперь-то это вряд ли светит, раз уж мне был обещан «волчий билет».

— Меня бесит человеческая узколобость, — вздыхает и потирает переносицу.

— Но ты все равно ничего не можешь сделать. — Эти слова висят между нами, как Дамоклов меч. — Не волнуйся, я не пропаду.

На самом деле, я уже обдумала примерный план действий. Например, с репетиторством. Не самый лучший вариант, но вполне подойдет на первое время, а потом можно пойти на какие-то курсы, получить дополнительную профессию. А пока у меня есть что-то вроде приработка — пишу ленивым студентам курсовые к предстоящей сессии.

Я бы сказала, что все эти трудности — справедливая плата за наши с Даней отношения. Никто не говорил, что будет легко, и с первого дня, как он снова появился в моей жизни, я знала, что рано или поздно ее придется заплатить.

Игорь разрешает мне уволиться «по собственному» и даже в этом он сильно рискует, хоть делает вид, что контролирует ситуацию.

После обеда я уже дома. Нахожу на столе список, куда Даниным неаккуратным почерком вписаны штук двадцать наименований, и огромными буквами в самом низу приписка: «Буду около шести, дождись меня и не смей идти по магазинам одна!»

К половине шестого я уже готова: на плите теплый ужин, в доме чистота, на сайте с вакансиями размещена заявка со всеми моими данными. В последний момент вспоминаю, что за всей суматохой забыла пополнить счет в телефоне и выбегаю до банкомата — он совсем рядом, в магазине через дорогу.

Поворачиваюсь, перебегаю на другую сторону улицы — и слышу голос, от которого по позвоночнику растекается жидкий лед.

— Ну привет, сука.

Он меня все-таки нашел.

Глава пятьдесят пятая: Варя

Мне приходится приложить все усилия, чтобы не убежать несмотря ни на что. До закрытой территории дома совсем недалеко, но муж как будто чувствует мое настроение — выходит вперед, загораживая дорогу.

От него воняет дешевым спиртным, под глазами пролегли круги, и он заметно похудел. Щеки впали, так что выглядит очень тяжело больным. И побрит криво, явно трясущейся рукой. Я моргаю, чтобы еще раз убедиться, что этот мужчина — действительно мой бывший муж (мы еще не развелись, но после побега я называю его только так). Он такой... совершенно никакой. Как будто все это время у меня, как у лошади, на глазах висели шоры, и я смотрела только в одну, разрешенную сторону. И все равно видела там только призрак человека, собственную придуманную фантазию.

А еще я непроизвольно улыбаюсь, потому что после Дани бывший выглядит просто щуплым потрепанным коротышкой.

— Уйди с дороги, — стараюсь выдержать ровный тон, говорю я, почти наверняка знаю, что он грубо высмеет мою просьбу.

Бывший делает шаг в мою сторону, ухмыляется и сипло грозит:

— Только пикни, тварь, и я тебя на куски порву.

Мне все так же страшно, как и раньше, хоть сейчас мы на улице, и я могу закричать, и позвать на помощь. Хотя это даже не страх — это просто воспоминания о том, как запросто он может меня ударить, и сделать это быстро, спокойно, как натасканный не оставлять следов от побоев человек. Как-то даже хвастался за столом, что его парни научили на случай, если вдруг жен наставит рога.

Но проходит пара секунд — и я вспоминаю, что уже прошло достаточно времени с момента моего побега, и я больше не принадлежу ему, даже если формально мы до сих пор жены. Теперь у меня другая жизнь, другой мужчина и другой стержень внутри позвоночника, который этому ублюдку ни за что не согнуть и тем более — не сломать.

— Тонешь меня хоть пальцем — и я тебя засажу, — говорю максимально четко и спокойно.

Бывший — лучше язык себе откушу, чем хотя бы в мыслях снова

назову его по имени — делает удивленное лицо, явно насмехаясь над моими попытками дать отпор. Понятно, что в повседневной жизни никто не может сказать ему «нет», вот только я уже давно не его «повседневная жизнь». И заявление в суде хорошее тому подтверждение.

— Ты сильно смелая стала? — пододвигается он и мне стоит больших усилий не отшатнуться. Не столько от страха, сколько от противного едкого запаха перегара. Понятия не имею, сколько и что он пил и не хочу даже задумываться над этим. Просто не собираюсь ни секунды дышать его запоем. — Что, к трахарю новому ушла?

Я пытаюсь обойти его по широкой дуге. Главное перейти на ту сторону улицы, а там совсем близко дом, и никто не пустит бывшего на охраняемую территорию. Но он все равно сильнее, а еще дурнее, потому что такой взгляд я видела у него когда он пришел домой после крупного скандала на работе и в ответ на любое мое слово бил и крушил все, что подвернется под руку. Бывший дергает меня за рукав, вдавливая в дверцу машины и зажимает рот второй рукой. Мне стыдно, что я всего лишь слабая женщина и ничего не могу противопоставить его силе, но в последний момент вспоминаю о ногах и с размаху впечатываю пятку ему в носок. Каблук небольшой, но твердый и узкий, и бывший с воплем дергается. Я хватаюсь за этот шанс, вонзая зубы ему в ладонь, которой он закрывает мне рот, и, получив свободу, быстро бегу к дороге. Пешеходный переход в пятидесяти метрах, но эта часть улицы нее очень хорошо освещена, и здесь нет людей. Я боюсь, что если бывший меня догонит, то он точно не будет церемониться и больше не сделает ни одной спасительной для меня ошибки.

Поэтому я выбегаю прямо на проезжую часть. Жмурюсь от слепящего света фар, отскакиваю в сторону, когда мимо проносится большой внедорожник. Справа противно визжат тормоза, но я упрямо бегу вперед. От того, как быстро смогу перебраться на другую сторону этой реки, зависит больше, чем моя жизнь. Я больше не позволю унижать и пугать себя.

Кто-то орет мне в след, что я больная и конченная дура, женский голос из проезжающей мимо старой «Волги» противно пищит, что-то в духе «я не сяду из-за самоубившейся дуры!»

Понятия не имею, как все же оказываюсь на противоположной стороне улицы, живая и невредимая.

— Стой, суууука! — орет в спину бывший, но я бегу в сторону забора и не собираюсь останавливаться, хоть от того, что глотаю морозный воздух в груди все горит. — Убью!

Я почти добираюсь до безопасной территории, но на моем пути возникает тень. Пытаюсь обежать ее, но тень протягивает руки и без труда ловит меня. Дергаюсь, пытаюсь вырваться, и только в последний момент чувствую знакомый запах мяты и сигарет.

Нет, только не Даня.

Я не переживу, если из-за меня он...

Но уже все равно слишком поздно, потому что он запросто сгребает меня себе за спину, и говорит очень по-мужски:

— Просто будь там и не вмешивайся.

Глава пятьдесят шестая: Даня

Я только что из дому: приехал, чтобы взять свои вещи, хотя бы самое необходимое на первое время. И мать не могла не воспользоваться возможностью сделать мне еще одно внушение. Собственно, она только то и делала, что рассказывала, какую чудовищную ошибку я совершаю, связываясь не с той женщиной и зарываясь с головой в ее проблемы вместо того, чтобы наслаждаться жизнью и отношениями с ровесницами. Все это в разных вариациях я слушаю, пока хожу от шкафа к столу, сбрасывая в пару спортивных сумок свои вещи. Она начинает повторяться, но я просто молчу, прекрасно зная, что любое слово или даже намек на попытку завести диалог, она тут же повернет против меня. Но все-таки не выдерживаю и, когда она в который раз тычет пальцем в нашу с Колючкой разницу в возрасте, я говорю:

— Я вырос, ма. Наверное, слишком рано, но мне пришлось. Кто-то должен был быть рядом, заменяя тебе плечо мужа и выслушивая бесконечные жалобы на жизнь. И когда ты рассказывала, как тебе больно от его бесконечных молодых любовниц, ты не спрашивала, готов ли я слушать все это взрослое дерьмо.

Она выкатывает глаза, сглатывает, но находит силы промолчать. Просто смотрит на меня, вдруг — внезапно! — прозревая от того, что именно так я и жил последние несколько лет. Что я учился водить машину с пятнадцати, чтобы забирать ее из ресторанов, где она вместе с подругами заливала свое горе. Что я, спортсмен, начал курить после того, как они с отцом чуть не разнесли по щепкам весь дом, споря о разделе имущества после развода. И что первой моей женщиной была совсем не невинная девочка моего возраста, а элитная проститутка, которую отец, в лучших традициях ритуала олигархического взросления, вручил мне на шестнадцатилетие. И ей точно было больше, чем моей Колючке сейчас.

Мы просто смотрим друг на друга, и что-то в ее взгляде меняется, когда я, собрав сумки, иду к двери. Она отходит в сторону и не находит ни единого слова мне на прощанье. Даже не плачет. И на том спасибо, потому что, как бы там ни было, она все равно моя мать и я всегда буду

ее любить, и всегда приду ей на помощь, если потребуется. Но так же я навсегда закрою для нее свою личную жизнь и повешу здоровенный замок с надписью «СТОП» на все, что касается наших с Колючкой отношений.

Когда сажусь за руль, меня всего трясет. Мышцы в таком диком тонусе, что попадись мне под руку боксерская груша, я бы выколотил из нее весь песок, а заодно в хлам убил собственные кулаки. Еще какое-то время просто катаюсь по городу, пока на глаза не попадается магазин елочных украшений, в витрине которого стоит коробка со стеклянными украшениями из сказки про «Золушку»: несколько разных корон и пара хрустальных туфелек. Представляю, как все это моя девочка будет вешать на елку, сидя у меня на плечах — и оттаиваю. Хоть дорого, но все равно покупаю и рулю в сторону дома, по пути прокручивая варианты возможных альтернативные работы. Уверен, что на первое время найду себе что-то на неполный рабочий день. Как ни крути, а я не могу совсем свалить из школы.

Подъезжаю к воротам — и реально охуеваю от того, что вижу: Варя бежит — чуть не падает. Волосы спутаны, лицо бледное, ноги странно подворачиваются, как будто она вот-вот упадет. И через секунду, когда успеваю ее поймать, замечаю причину ее гонки.

Я никогда не видел ее мужа, но много раз представлял его в своих агрессивных фантазиях. С одной стороны, судя по тому разговору, он был очень большого мнения о себе и собственных способностях, с другой — может, я и дурак так думать — но в голове вообще никак не вязалось, что нормальный мужик будет говорить женщине такие мерзости. Тем более угрожать. И обещать «трахнуть на субботнике».

Теперь он передо мной, и что я вижу? Мелкий коротышка с пьяными поплывшими зенками и одутловатой рожей, который так накачан дешевым пойлом, что, вероятно, его печень скончается через пару лет. Если, конечно, я не убью его прямо сейчас.

— Ты на кого... — начинает он, но я «успокаиваю» козла одним ударом под ребра.

Я умею бить так, чтобы, сука, харкал кровью. Меня научили. Я в клетке и не таких укладывал. Точнее — реально крепких мужиков, а не вот этого борца с женщинами. Этого я даже не буду «радовать» честной дракой. Я его, блядь, просто выебу кулаками. Чтобы пару лет работал на врачей и стоматолога. Чтобы вообще забыл о моей Варе.

Он скручивается, но я сгребая его за грудки и впечатываю ему с левой, хоть мудака даже с пьяни пытается прикрываться. Но я же амбидекстр, и на самом деле мало кто вот так сходу ждет, что его противник может зарядить с левой так же крепко, как и с правой.

Когда есть мужик, который поднял руку на твою женщину — или просто подумал ее обидеть — нет звука приятнее, чем хруст свернутой челюсти и треск лихо вылетающих из десен зубов. Я просто держу его одной рукой и методично хуюрю в лицо. Именно так: раз за разом, чтобы его башка откидывалась на слабой шее, как маленькая боксерская груша. Его нос в хлам, челюсть тоже. Да и улыбаться скоту в ближайшее время вряд и захочется.

Потом беру за шиворот и окунаю в рожу в сугроб.

Варя сзади и смотрит на меня такими глазами, будто моей жизни что-то угрожает. Но, слава богу, даже не пытается вступить за это дерьмо, и просто ждет, когда я научу его обходить нас десятой дорогой.

— Иди в дом, — говорю твердо, четко и спокойно. — Тебе здесь не на что смотреть.

И очень надеюсь, что она понимает мой взгляд: «Со мной все будет хорошо».

Колючка подбирается и быстро скрывается в подъезде, а я смотрю, как мудака копошится в подтаявшем от его крови и соплей снегу. Достая сигарету, закуриваю, впервые чувствую себя настолько классно от того, что мои кулаки, наконец, сделала хорошее дело: отучили одного пидора трогать беспомощных женщин.

Он все же встает, хоть шатается, словно тряпичная кукла. Щелкаю пальцами у мудака перед носом и скалюсь, потому что он шарахается в сторону. И... бля... он обоссался.

— Ты... — говорит уже очень отчетливо шепелявя, но так и не заканчивает речь.

— Увижу тебя возле нее еще раз — убью, — повторяю свою недавнюю угрозу. Достая телефон и пока чмо приходит в себя, делаю минутную запись его попыток понять, что это за мокрое пятно у него в паху. Потом выразительно трясу телефоном. — Станешь у меня звездой ютуба на радость всем своим дружкам. Тебя свои же и опустят.

Мудака даже размахивает клешнями, но на этот раз я пинком отправляю его жопой в снег.

— А теперь пошел на хуй, или я передумаю избавлять тебя от

мошонки, чтобы такое говно не размножалось.

Он выбирается из грязного снега и, шатаясь, сваливает.

Он никому и ничего не скажет, потому что его, взрослого мужика, побил восемнадцатилетний пацан, которого он даже ни разу не двинул в ответ. И потому что он обоссался от страха. Ну и еще потому, что такие «воины» сильны только с теми, кто не может дать сдачи.

Когда проспится, подумает и осознает, вероятно, поймет, что я сделал ему королевский подарок под елку, не сломав заодно парочку ребер, руки, ноги и натянув очко на глаза.

Глава пятьдесят седьмая: Даня

Я захожу в дом и застаю Варю нервно расхаживающей по прихожей прямо в пальто.

Она срывается на звук двери, бросается ко мне и обнимает так крепко, что у меня сбивается дыхание. У меня руки в крови и я не хочу ее испачкать, поэтому просто придавливаю локти к ее бокам и шепчу в макушку:

— Детка, ты что, плакать придумала?

Она мотает головой, но при этом судорожно вздыхает и нервно поднимает, и опускает плечи. Я стою на месте и разрешаю ей выплакаться. В голову снова лезут образы ее перепуганного лица, когда бежала одна по пустой улице, и хочется плюнуть на все, выйти на улицу и все-таки наказать урода по полной программе. Наверняка не успел далеко уйти.

— Я так за тебя испугалась, Даня, — вдруг выдает Колючка и мне приходится сдерживаться, чтобы не рассмеяться.

То есть вся эта паника — из-за меня?

— Ты правда думала, что он меня хоть пальцем тронет?

Колючка поднимает голову и в ее зеленых глазах раздумье пополам с неуверенностью. Может, я сексуальный маньяк, может — скорее всего — у меня зашкаливает адреналин, но именно сейчас мне вообще не хочется ни о чем думать и ничего обсуждать.

Страхиваю с себя пальто и тяну Варю за собой в ванну. По пути она избавляется от своего, но внутри ванной быстро берет инициативу в свои руки, прислоняя меня к стиральной машине. Откручивает вентиль, ждет, пока вода станет горячей и очень аккуратно подставляет под поток мои ладони. Смывает кровь кончиками дрожащих пальцев, а когда руки становятся чистыми, подносит тыльную сторону моей ладони к своей щеке и, потираясь, жмурится. С облегчением выдыхает.

— Ты мой защитник, — говорит честно и без тени лукавства.

А я притягиваю ее к себе, прижимаю голову к своему плечу, наслаждаясь тем, как открыто она льнет к моему теплу и отдается моей заботе.

— Я твой мужчина, детка, — поправляю ее. — И ты теперь со

мной, помнишь?

Она энергично согласно трясет головой.

Кажется, у нас больше не будет разговоров на тему того, кто в семье старший.

И я не оговорился.

Эпилог: Варя

31 декабря, год спустя

— Я держу! — кричу от смеха, пытаюсь на свалиться с Даниных плеч, пока он немилосердно держит меня за бока и время от времени пропускает ребра под пальцами, словно я какой-то клавишный музыкальный инструмент. — Я же с туфельками, Ленский!

— Уважительная причина, да? — делает вид, что раздумывает, и я пользуюсь паузой, чтобы прицепить на верхние ветки двухметровой живой елки две хрустальные туфельки. Он замечает это и быстро отходит от елки, придерживая меня за бедра. — Ну а теперь, Варвара Ленская, раз уж ваши руки не заняты ценным грузом...

Я хохочу, как ненормальная, когда Даня опрокидывает меня спиной на диван и нависает сверху, придерживая часть своего веса на локтях. Знает, что я с ума схожу, когда он сверху и когда я чувствую каждый килограмм его мышц и твердого тела. За последний год мой Голиаф еще раздался вширь, и теперь я просто обожаю спать на его спине. Подушка жестковата, но удары его сердца и жар крепкого тела стали моим лучшим снотворным. Когда он уезжает на соревнования, я едва ли нормально сплю одна в пустой и холодной постели. Зато, когда возвращается, недельку хожу, как кавалерист после долгой скачки. На радость моему неутомимому Ленскому. Три раза за ночь? Пффф. Он вернулся с «золотом» вчера и за сутки я успела полетать шесть раз. Хоть мой парень, судя по чертям в темном взгляде, не собирается останавливаться на достигнутом.

— Кто сейчас снимет трусики, тот получит первый подарок от Деда Мороза, — загадочно вздергивает бровь Даня, прижимаясь к моему животу заметной твердостью в штанах.

И приподнимается еще немного, давая мне волю.

Мой Ленский научил меня выпрыгивать из трусиков по первому его взгляду, хоть я до сих пор не научилась краснеть в ответ на его пошлые словечки. Или, когда он пристально следит за моими движениями, как сейчас, когда я сгибаю ноги в коленках и спускаю по ногам кусочек шелка. Сглатываю, потому что полы домашнего халатика немного расходятся, и Даня жадно изучает взглядом мою грудь.

Приходится вскочить на ноги и увеличить расстояние между нами, потому что...

Мой взгляд падает на часы.

Черт!

— Даня, уже почти десять! — Мои колени пускаются в пляс. — Твои родители, наверное, уже идут по лестнице!

Муж лениво переворачивается на спину, подцепляет пальцами свой трофей — мои трусики — и крутит их на пальце. Потом командует:

— Принеси мою сумку, Колючка.

И я, забыв обо всем на свете, вприпрыжку, как коза, скачу в комнату, чтобы вернуться с его спортивной сумкой. Он вернулся поздно ночью, и успела разобрать только те вещи, которые нужно было забросить в стиральную машину. Потом у нас просто не было времени: секс, походы по магазинам, снова секс, совместная готовка праздничного ужина, еще пару раз секс — судя по запаху табака на площадке, соседей мы впечатлили — потом мы наряжали елку... В два подхода.

В общем, я ставлю перед ним сумку и, закладывая руки за спину, как прилежная девочка, жду обещанный подарок. Даня нарочно долго роется в сумке, хоть уверена, он прекрасно знает, что и куда положил. Но в итоге достает маленькую коробочку, перевязанную нарядными белыми и красными лентами.

— Хочу, чтобы ты это надела, когда придут мои родители, — говорит с улыбкой и прикусывает губу, пока я медленно, стараясь не испортить бант, снимаю обертку.

Это браслет с наборными бусинами. Писк моды и то, что должно быть у каждой девушки или женщины. Как будто ничего такого, но Ленский тянет меня к себе на колени, прижимает спиной к своей груди и укладывает голову мне на плечо. Я провожу пальцами по бусинам — и понимаю, что каждая из них не просто так.

— Это... книги? — спрашиваю, отделяя первую. Она и правда похожа на стопку книг.

— Это — литература, которая нас познакомила, — поправляет Даня. Потом трогает пальцами бусину в форме студенческой шапочки. — Это за твоё терпение, что не выгнала меня из дома, пока я не сдал все экзамены.

— Ты был очень милым, когда волновался, — чмокаю его в

небритую щеку. Он будет так ходить еще пару дней, пока я, после недельной разлуки, вдоволь не натру щеки его щетиной. Теперь это отдельная степень моего наслаждения этим мужчиной.

— Это — мое сердце. — Даня трогает пальцами усыпанное красными камешками простое сердечко. — Спасибо, что хранишь его, Колючка.

Я уже реву.

Только Ленский может быть таким brutальным и сентиментальным одновременно. Он — хранитель нашего дома (пусть это всего лишь крохотная «однушка» у черта на рогах, зато она — наша), защитник очага, опора и мужчина, который никогда не бросает слов на ветер.

Он поступил на финансовый сам, своими мозгами, хоть умудрялся подрабатывать баристой, тренироваться и готовиться подавать резюме на вакантное место в центральном филиале банка своего отца. Нарочно подписался другим именем и фамилией. Хотел, чтобы его рассматривали наравне со всеми. И попал вторым кандидатом. Первый провалился на собеседовании. И тогда мой Даня впервые за кучу времени лицом к лицу столкнулся со своим отцом. На равных.

Так что теперь он учится и работает неполный день, оставаясь в офисе и на выходных, чтобы набираться опыта.

— Это что, пустышки? — спрашиваю я, смахивая слезы. Две следующих подвески очень похожи на голубую и розовую пустышки.

— Прицел на будущее, — играет бровями муж, и прикусывает меня за ухо. — Как только ты найдешь место в своем плотном графике.

— Через пару лет, — делаю вид, что задумалась, — так и быть, выкрою пару минут.

Я больше никак не связана со школой.

Я работаю в редакции женского журнала: пишу статьи и веду колонку новостей. И, совершенно точно, это то, чем я хочу заниматься в обозримом будущем.

Собираюсь броситься на шею своему Ленскому, но в дверь звонят.

— Даня! Что я говорила?!

— Успокойся, Колючка, это просто мои родители, — отмахивается он.

Ну да, это всего лишь его родители, с которыми мы впервые будем нормально разговаривать вот так — на нашей территории, как молодая

семья. Возможно, нужно было подождать — в конце концов, мы расписались в начале декабря и, фактически, еще вовсю наслаждаемся медовым месяцем, но когда же еще клеить разбитые чашки, как не в Новогоднюю ночь?

— Даня, задержи их, мне нужно переодеться!

Лечу, на ходу чуть не спотыкаясь через Лёню — нашего хорька-альбиноса. Любит вертеться под ногами, когда мы все в сборе, чтобы не пропустить порцию поглаживаний и лакомств. Надеюсь, Ленский предупредит мать, что у нас в доме есть хорек?

Пока переодеваюсь в праздничное платье, из коридора доносится женский визг. Похоже, Даня не предупредил про Лёню.

Когда выхожу, порядком повозившись с застежкой браслета, то натываюсь на мать Дани, которая рассматривает нашу Фотостену. Мы ее так назвали, потому что целая стена нашей небольшой прихожей вся увешана маленькими рамками с нашими фото: со снеговиком, на весенних шашлыках с Даниными друзьями, я с букетом на свой двадцать четвертый день рождения и Даня с шариками в виде рогатых сердечек на свой девятнадцатый.

Пока мужчины о чем-то говорят в гостиной, я подхожу к Алле Сергеевне и снимаю рамку с фото Дани в студенческой шапочке после ритуала посвящения в студенты. Она прижимает ее к груди, словно я поделилась несметным сокровищем.

— Мне... так жаль... — начинает она, но я просто обнимаю ее за плечи.

Кто старое помянет?

— Мы вам с отцом одеяло ... под елку... Варя, — говорит Данина мама. — Одна на двоих.

Я улыбаюсь и благодарю ее чмоком в щеку.

Конечно, у нас есть одело, и именно одно на двоих и, конечно, я не скажу об этом.

Кажется, сегодня мы склеим нашу чашку.

Конец.